

ООО «Наука и образование»

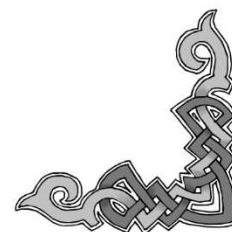
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

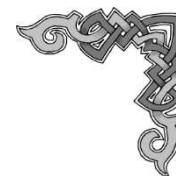

**№ 12
2021**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2021, № 12

Часть 1

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

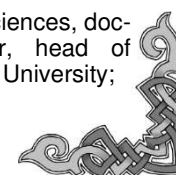
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образжиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забиорович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риза.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of the Kuban, academician REAN, professor, doctor of economic sciences, professor of economics and financial management at the Kuban state technological university named of I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абуталипов А.Р. Основные направления повышения эффективности ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы	13
Бедрик А.В., Зайцева А.А., Панфилова Ю.С., Шукина Е.Л. Молодежные общественные объединения как субъекты государственной национальной политики на юге России	19
Белашова Я.Ю. Онлайн-игры как объект социологического исследования: общий анализ	26
Бойко В.В., Гук О.А., Голынский В.Б., Михайлова Д.Н. Перспективы развития художественного книгоиздания для детей в Крыму	29
Бояринова И.В., Реутова М.Н., Начкебия М.С. Геронтостереотипы и их влияние на образ жизни представителей старших возрастных групп	34
Гапич А.Э., Асатрян С.С., Минкина О.В. Визуальный контент социальных сетей и молодежный радикализм: основные методологические подходы и концептуальный дизайн исследования	38
Зейналов Г.Г., Кадакин В.В. Цифровизации культуры и трансформация образования	43
Кахаров А.С., Рябова Т.В., Лугинина А.Г. Социокультурное пространство и языковая культура российского общества	46
Касьянов В.В., Самыгин П.С., Манучарян А.К. Социально-исторические проблемы осуществления государственной молодежной политики в современной России	50
Кахаров А.С. Место СМИ в системе социализации детей и подростков	55
Кортелева А.В. Трансформация гендерных стереотипов в китайском обществе	58
Костюк А.В., Семенихина М.А., Юрчевская Г.Г. Факторные признаки и мотивация управленческого поведения молодежи в современной семье в аспекте социально-правовой социализации	61
Кузьмичева Л.Н., Окулич Е.С. Проблема буллинга в российских школах – социологический анализ	65
Ларина Е.В. Особенности современных нормативных представлений студентов о потреблении алкоголя (по данным исследования 2020–2021)	69
Лях П.П. Распространение экстремистских настроений в молодежной среде	72
Манкова М.В., Пирумян А.А. Контент-анализ мнений студентов и преподавателей относительно возможности отождествления очного и дистанционного форматов учебных занятий	75
Масалов А.Г., Досакаев А.Б., Бондаренко Ю.В. Молодежный наркотизм: понятие, социальное значение	81
Начкебия М.С., Бояринова И.В., Начкебия К.С. Исследование влияния регламентации на управленческую деятельность в высших учебных заведениях	86
Нехайчук Д.В., Шевчук А.И., Бухаров М.А. Совершенствование методов и способов взаимодействия населения региона и губернатора	90

Нечушкин А.Ю., Понамарёв А.Б. Взаимодействие муниципальной власти и населения как критерий эффективности муниципальной политики	94
Планидин Е.С. Спортивно-оздоровительная деятельность в контексте социального значения	99
Теличева Е.Г. Влияние пандемии на туризм: вызовы времени	103
Ткачев А.А., Хрипков К.А. Формирование методов регулирования эмпатии в процессе локальной самоорганизации граждан	107
Шилина Н.А., Беликова Н.Ю., Лугинина А.Г. Социокультурные риски и духовная люмпенизация российского общества	110
Юрчевская Г.Г. Феномен социальных представлений о правосудии	114
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Акопова Е.С., Кравцов С.С., Самыгин С.И. Глобальная экономика совместного потребления: потенциальные угрозы и вызовы	119
Ахмедова Г.Т. Логистика переработки отходов строительной отрасли	124
Барашева Е.В., Очирова П.И., Степаненко А.С. Цифровая валюта центрального банка: перспектива развития для Российской Федерации	127
Вэй Вэнь Внешнеторговая стратегия КНР в отношении развивающихся стран на современном этапе	131
Гончаров А.И. Особенности цифрового рекрутмента в России	134
Добровольский А.Г., Мирончук В.А., Косников М.С. Использование рейтингового моделирования при оценке эффективности промышленного производства Южного федерального округа	137
Коновалова Т.В., Надирян С.Л., Горюн В.А. Особенности инвестиционной деятельности для развития логистических систем транспортного предприятия в России	142
Мамий А.Ю., Рассказов В.Л. Региональная финансовая система	147
Скитёва Е.И. Стратегическое управление персоналом в условиях цифровизации	150
Хабибов А.Х. Некоторые аспекты инновационного развития пищевой промышленности в Республике Таджикистан	155
Щербакова Е.П. Проблемы совершенствования бухгалтерского комплаенса на основе технологий самоконтроля	159

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Artur R. Abutalipov Main directions for improving the effectiveness of resocialization of persons released from places of deprivation of liberty	13
Andrey V. Bedrik, Anastasiya A. Zaytseva, Yulia S. Panfilova, Elena L. Shchukina Youth public associations as subjects of state ethnic policy in the south of Russia	19
Yana Yu. Belashova Online games as an object of sociological research: a general analysis	26
Vladimir V. Boiko, Olga A. Guk, Valery B. Golynsky, Dugma N. Mikhaylova Prospects for the development of art books for children in the crimea	29
Irina V. Boyarinova, Marina N. Reutova, Maya S. Nachkebiya Gerontostereotypes and their influence on the lifestyle of older age groups	34
Alexander E. Gapich, Svetlana S. Asatryan, Olga V. Minkina Visual Content of Social Networks and Youth Radicalism: Key Methodological Approaches and Conceptual Research Design	38
Guseyn G. Zeynalov, Vasilii V. Kadakin Digitalization of culture and transformation of education	43
Arslan S. Kakharov, Tatiana V. Ryabova, Anna G. Luginina Sociocultural space and language culture of russian society	46
Valery V. Kasyanov, Petr S. Samygin, Artur K. Manucharyan Socio-historical problems of the implementation of state youth policy in modern Russia	50
Arslan S. Kakharov Place of mass media in the system of socialization of children and adolescents	55
Anna V. Korteleva Transformation of gender stereotypes in Chinese society	58
Anna V. Kostyuk, Maria A. Semenikhina, Galina G. Yurchevskaya Factor signs and motivation of managerial behavior of young people in a modern family in the aspect of socio-legal socialization	61
Ludmila N. Kuzmicheva, Ekaterina S. Okulich The problem of bullying in russian schools – sociological analysis	65
Elena V. Larina Features of modern normative ideas of students about alcohol consumption (according to the study 2020–2021)	69
Pavel P. Lyakh Extremistische stimmung in der jugendumwelt verbreiten	72
Maria V. Mankova, Armenui A. Pirumyan Content analysis of the opinions of students and teachers regarding the possibility of identifying face-to-face and distance learning formats	75
Alexander G. Masalov, Alimberdi B. Dosakaev, Yulia V. Bondarenko Youth drugs: concept, social significance	81
Maya S. Nachkebiya, Irina V. Boyarinova, Kristina S. Nachkebiya Research of the influence of regulation on management activities in higher education institutions	86
Dmytriy V. Nekhaychuk, Andrey I. Shevchuk, Matvey A. Bukharov, Dariya V. Grygor Improvement of methods and methods of interaction of the population of the region and the governor	90

Alexander Yu. Nechushkin, Alexander B. Ponamarev Interaction between the municipal government and the population as a criterion for the effectiveness of municipal policy	94
Evgenii S. Planidin Sports and recreation activities in the context of social significance	99
Elena G. Telicheva Influence of the pandemic on tourism: time's challenges	103
Alexander A. Tkachev, Kirill A. Khripkov Formation of methods for regulating empathy in the process of local self-organization of citizens	107
Natalia A. Shilina, Natalia Yu. Belikova, Anna G. Luginina Sociocultural risks and spiritual lumpenization of russian society	110
Galina G. Yurchevskaya The phenomenon of social ideas about justice	114
ECONOMIC SCIENCES	
Elena S. Akopova, Sergey S. Kravtsov, Sergey I. Samygin Global consumer economy: potential threats and challenges	119
Gulesar T. Akhmedova Logistics of waste processing in the construction industry	124
Eleva V. Barasheva, Polina I. Ochirova, Alexey S. Stepanenko Central bank digital currency: development perspective for the Russian Federation	127
Wei Wen China's foreign trade strategy towards developing countries at the present stage	131
Aleksandr I. Goncharov Features of digital recruitment in Russia	134
Alexander G. Dobrovolsky, Vadim A. Mironchuk, Maxim S. Kosnikov The use of rating modeling in assessing the efficiency of industrial production in the southern federal district	137
Tatyana V. Konovalova, Sofia L. Nadiryana, Valery A. Goryun Features of investment activities for the development of logistics systems of a transport enterprise in Russia	142
Alexander Yu. Mamiy, Vyacheslav L. Rasskazov Regional financial system	147
Elena I. Skiteva Strategic personnel management in the context of digitalization	150
Abdurahmon H. Habibov Some aspects of innovative development of the food industry in the Republic of Tajikistan	155
Ekaterina P. Shcherbakova The problems of improving accounting compliance based on self-control technologies	159

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Абуталипов Артур Ринатович
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры правоведения,
Казанский национальный
исследовательский
технологический университет
a.abutaalipov@List.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. В статье обосновывается точка зрения о необходимости смены парадигмы постпенитенциарной системы в России. Автор исходит из того, что преступность – закономерное явление, порожденное самой природой человеческого общества, а раз она закономерна, свойственна человеческой организации, то усилия следует в первую очередь направить не на борьбу с ней, а на возвращение в русло некриминальной жизни тех, кто встал на путь криминала и отбыл наказание в виде лишения свободы. Реализация такой цели ресоциализации предполагает переход на гуманитарную (созидательную) парадигму пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации.

Ключевые слова: пенитенциарная система, постпенитенциарная система, ресоциализация, лица, освобожденные из мест лишения свободы, социальная адаптация, рецидивная преступность.

Качество жизни и социального благополучия во многом зависит от состояния преступности, которая вносит определенный вклад в смертность населения и наносит урон его здоровью [1].

Одной из основных проблем современной российской действительности выступает рецидивная преступность, воспроизводство которой входит в число ключевых рисков национальной безопасности России, что определяет поиск причин этого негативного явления. Как правило, они связываются учеными с несовершенством пенитенциарной и постпенитенциарной системы. Об этом говорят официальные данные, согласно которым, среди лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, почти половина – рецидивисты [2]. Не менее грустная ежегодная статистика и в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, среди которых, по сведениям Генеральной прокуратуры РФ, около 30 % преступивших уголовный закон ранее судимы (255,3 тыс. чел.), действия каждого пятого признаны рецидивом, в том числе, опасным или особо опасным

Artur R. Abutalipov
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Law,
Kazan National Research
Technological University
a.abutaalipov@List.ru

MAIN DIRECTIONS FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF RESOCIALIZATION OF PERSONS RELEASED FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Annotation. The article substantiates the point of view about the need to change the paradigm of the post-penitentiary system in Russia. The author proceeds from the fact that crime is a natural phenomenon generated by the very nature of human society, and since it is natural, characteristic of human organization, then efforts should first of all be directed not to the fight against it, but to return to the mainstream of non-criminal life those who embarked on the path of crime and served a sentence in the form of imprisonment. The realization of such a goal of resocialization involves a transition to the humanitarian (creative) paradigm of penitentiary and post-penitentiary resocialization.

Keywords: penitentiary system, post-penitentiary system, resocialization, persons released from prison, social adaptation, recidivism.

(30,2 тыс.) [2, с. 7]. Статистика же восьми месяцев 2021 г. свидетельствует о том, что за январь – август 2021 г. больше половины расследованных преступлений (59,4 %) совершено лицами, ранее совершившими преступления совершено лицами, ранее совершившими преступления [3].

Выше приведенная статистика свидетельствует об актуальности проблемы управления процессом ресоциализации и социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Поэтому неслучайно этой теме посвящено множество исследований, в которых предлагаются авторские методики, рекомендации, связанные с проектированием данного процесса с целью:

- преодоления его стихийного характера;
- создания реабилитационных центров для указанных лиц для оказания им помощи в процессе адаптации к новым для бывших осужденных условиям и предотвращения повторной преступности;

– подготовки осужденного к жизни на свободе еще на стадии отбывания наказания;

– введения системы социального патронажа, службы пробации, использованием зарубежного опыта и другими мерами [4].

Основной проблемой, с которой сталкиваются бывшие осужденные, является проблема трудоустройства, от которой вплотную зависят все остальные социальные барьеры – экономические, психологические, медицинские, семейные и т.д. В исследовании, проведенном И.В. Поповой и И.Ф. Альбегова, бывшие заключенные на вопрос: В какой помощи со стороны государства в большей степени они нуждаются? ответили, что в помощи в трудоустройстве (48,6 %) [5, с. 186]. И в нашем исследовании, проведенном в 2018 году в Республике Татарстан и Кировской области среди экс-заключенных (общее количество опрошенных составило 287 чел.) и экспертов в области изучаемой проблематики (в экспертном опросе приняло участие 174 чел. из прокуратуры, следственных подразделений МВД, органов дознания МВД, управления ФСИН РФ, управления ФСБ РФ), вновь подтвердилась эта ситуация, так как, по мнению экс-заключенных, приоритетным направлением в обеспечении эффективной ресоциализации бывших осужденных выступает контроль за трудоустройством этой категории граждан – так ответило 36,2 % респондентов. На второй по степени значимости позиции оказалось направление, связанное с формированием гуманного отношения общества к людям, имеющим за плечами опыт тюремного заключения – 19,2 %, а на третьей – «оказание медицинской помощи освобожденным из мест лишения свободы» (14,1 %).

Такая позиция, как «кардинальные изменения в функционировании пенитенциарной системы, которая должна создавать соответствующие условия», оказалась значимой лишь для 7,2 % опрошенных нами, хотя, судя по ответам на вопрос о соответствии исправительных учреждений нормам, позволяющим исправиться осужденным, большинство из опрошенных экс-заключенных (порядка 50 %) признали их не соответствующими этим нормам.

Эксперты в этом отношении также проявили достаточно критическую оценку: большая их часть высказалась за то, что современные исправительные учреждения не соответствуют нормам, которые способствовали бы исправлению осужденного (более 46 %) против 31,6 % считающих иначе.

В вопросе же о направлениях, которые должны стать приоритетными для обеспечения эффективной адаптации и ресоциализации бывших осужденных, эксперты были солидарны с опрошенными экс-заключенными в отношении контроля за трудоустройством как базового направления (35,6 %); на вторую и третью позиции они поставили иные направления: «оказание психологической помощи освобожденным из мест лишения свободы» (15,3 %) и «кардинальные изменения в функционировании пенитенциарной

системы, которая должна создавать соответствующие условия» (12,6 %), считая, что гуманное отношение общества к бывшим осужденным не выступает определяющим в этом процессе – эффективной адаптации к жизни на свободе – это направление оказалось значимым только для 7,9 % опрошенных нами респондентов.

Иными словами, эксперты полагают, что эффективная ресоциализация и адаптация бывших осужденных зависит от вполне конкретных мер, связанных с экономическим, психическим состоянием этих лиц, условий их интеграции в социум, что, вероятно, и ассоциируется с гуманным отношением общества, создающим условия для эффективной адаптации к условиям жизни на свободе. Определенное рациональное зерно в подобных рассуждениях есть, если учесть мнение экс-заключенных, считающих, что удержанию людей в криминальной среде способствует «общак» как хорошо организованная структура, поддерживающая людей на «зоне» и после освобождения из мест лишения свободы [5, с. 186]. Понятно, что делается это не из «любви к ближнему», а с целью удержать в криминальной среде тех, кто уже по каким-то причинам попал в нее, и в ситуации, когда общество отворачивается от экс-заключенных, которые хотели бы порвать с криминальной траекторией жизни, не помогает им в этом, усиливая «общака» могут возыметь свое действие, связав бывшего заключенного узами зависимости от криминального сообщества.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что избежать зависимости экс-осужденного с криминалитетом можно только в случае внимания со стороны общества к их проблемам, и в этой связи, следует рассмотреть те предложения, которые выдвигаются учеными для эффективной интеграции этой категории граждан в общество.

Прежде всего, хотим обратить внимание на идею о службе пробации, которая активно развивается рядом исследователей, делающих на неё ставку в плане повышения эффективности ресоциализационного процесса экс-заключенных и постпенитенциарной системы, в целом. Значимые разработки среди российских исследователей в этом направлении принадлежат А.Ю. Нестерову [6], который обращает внимание на то, что Уголовно-исполнительный кодекс РФ практически не содержит нормы регулирования постпенитенциарной адаптации как предмета уголовно-исполнительного законодательства в сфере социальной помощи бывшим осужденным, освобождающимся из мест лишения свободы, хотя эта помощь необходима, что и определяет актуальность создания в России службы пробации. Под ней исследователи понимают «комплекс мер, направленных:

– на социальную реабилитацию и адаптацию осужденных, освободившихся из мест лишения свободы;

– на защиту законных прав и интересов лиц, подвергшихся уголовному преследованию и оказавшихся в трудной жизненной ситуации; контроль и надзор за их поведением в постпенитенциарный период» [6, с. 112].

Однако в своем изначальном понимании, которое активно используется в зарубежных странах, пробация представляет собой деятельность по исполнению наказаний, которая не предусматривает изоляцию осужденных от общества, а выступает как возможность применения альтернативных видов наказания вместо лишения свободы. И в этом случае пробация включает в себя деятельность на досудебном этапе, на стадии назначения и исполнения наказания и в постпенитенциарный период. В последнее время пробация активно стала применяться в зарубежных странах именно на стадии постпенитенциарной адаптации, хотя в некоторых из них имеются определенные отличия в функционировании этой службы, которая осуществляет работу как с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы, так и уже освободившимися, будучи включенной в структуру различных ведомств (например, в большинстве стран Европы – в министерство юстиции или, как например, во Франции, Эстонии, Финляндии – в тюремное ведомство) или, являясь самостоятельными агентствами, как, например, в Португалии, Молдове, Румынии [6, с. 113]. Но основной целью деятельности службы пробации является единая для всех стран, использующих ее, обеспечение общественной безопасности посредством содействия в социальной адаптации и реабилитации лицам, преступившим закон и нуждающимся в помощи в процессе их интеграции в гражданское общество в рамках некриминального поведения.

Особенно важно развивать службу пробации для социальной адаптации несовершеннолетних в постпенитенциарный период их жизни, так как подростковая преступность составляет наиболее опасный сегмент для общества, о чем говорят следующие данные: более двух третей всех взрослых преступников свою противоправную деятельность начинают с раннего детства [6, с. 89]. Именно влияние факторов постпенитенциарной адаптации является ключевым в формировании поведения несовершеннолетних и закрепления или не закрепления в структуре их поведения криминальных элементов, а потому особенно необходима правовая регламентация процесса постпенитенциарной адаптации этой категории бывших осужденных [7, с. 243].

Изоляция несовершеннолетних от общества в виде лишения свободы, которая проходит у них в отрыве от социальных связей и привычной социальной среды, именно для этой категории осужденных имеет самые негативные последствия, поскольку в этих условиях идет интенсивное усвоение ими норм и ценностей криминальной среды, что осложняет возвращение в прежнее социальное окружение и делает даже из случайных сознательных преступников, адаптировавшихся в условиях изоляции от общества к жизни по криминальной траектории. В этом и видится нам источник рецидивной преступности в подростковой и молодежной среде, который содержится в ошибках, допускаемых в обществе на этапах пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации несовершеннолетних в России. Эти ошибки, в свою очередь, являются следствием унифицированного подхода к преступности и лицам,

совершившим преступление, вне различия типов преступников, среди которых есть и те, которые совершили преступление случайно в силу сложившихся жизненных обстоятельств, но в условиях криминальной пенитенциарной среды их случайные и неустойчивые девиантные установки в поведении трансформируются в устойчивые. В этой связи, служба пробации как система деятельности с лицами, совершившими преступление, может и должна стать основой их исправления на всех этапах – до вынесения приговора, на стадии его исполнения (с лишением свободы или без изоляции от общества), в постпенитенциарный период с тем условием, чтобы процесс ресоциализации (как в пенитенциарный, так и постпенитенциарный период) должен быть под контролем общества и государства. И в отношении несовершеннолетних это наиболее актуально, что и выступает у нас основанием для принятия закона о создании службы пробации в России как ключевого правового инструмента по обеспечению эффективной адаптации и ресоциализации несовершеннолетних, интегрирующихся в общество после освобождения из мест лишения свободы. Мы согласны с мнением А.Ю. Нестрова, что первоочередной задачей закона о службе пробации в России должно стать создание условий для исправления и ресоциализации бывших заключенных, а затем – предупреждение рецидивной преступности среди лиц, освободившихся из мест лишения свободы [6, с. 44], так как вторая задача не может быть реализована без эффективной реализации первой.

По мнению Е.А. Степановой и М.Ю. Ефловой, социальная изоляция лиц, осужденных за совершение преступлений, приводит к повторным правонарушениям, о чем свидетельствует тот факт, что 30 % опрошенных в их исследовании заключенных повторно находятся в местах лишения свободы, но, что самое главное, для многих опрошенных рецидив стал не результатом их влечения к криминальному образу жизни, а следствием разочарования к жизни в условиях свободы, неспособности адаптироваться к ней, восстановить прежний социальный статус или сформировать новый в нормальной общественной жизни из-за социальных ярлыков и стереотипов, существующих в обществе и сопровождающих процесс адаптации этой категории лиц факторов, связанных с отсутствием у них образования, работы, проблем со здоровьем, жильем, с финансовыми ресурсами, семейными неурядицами, употреблением наркотиков или алкоголя, психических расстройств и т.д. [8, с. 128].

В комплексе этих факторов следует рассматривать проблему социальной эксклюзии бывших осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы. Решение этой проблемы видится учеными в совместной деятельности государства и общественности в области сокращения барьеров, формирующих факторы социальной эксклюзии экс-заключенных, среди которых в качестве важнейших указываются такие барьеры, как:

– социальные, препятствующие социальному взаимодействию, участию в жизни общества, доступу к контактам и сетям поддержки;

- экономические, препятствующие трудоустройству, получению образования, повышения квалификации и т.д.;
- финансовые, ограничивающие доступ к покупке недвижимости, получению кредитов, отсутствие финансов;
- экзистенциальные, препятствующие доступу к местам отдыха с качественными услугами удобствами, поддержанию собственной безопасности;
- информационные, ограничивающие доступ к качественной и достоверной информации, формирующие недостаток информационной грамотности и т.д. [8, с. 130].

Ю.В. Лазарева в контексте исследуемой нами темы акцентирует внимание на социальном патронаже как важном направлении борьбы с рецидивной преступностью в направлении повышения эффективности социальной реабилитации и адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, считая необходимым принятие закона о социальном патронаже в России, который может осуществляться в виде:

- помощи в предметах первой необходимости;
- в предоставлении мест в центрах реабилитации и адаптации;
- содействия в получении возможности обучения, повышения квалификации,
- предоставления медицинской и психологической помощи [9, с. 51].

Важность социальной поддержки осужденных со стороны государства и общества актуализируется в условиях, когда, согласно данным ученых, в последние годы появилась категория осужденных, которые не стремятся покидать исправительные учреждения, потому что к существованию в них они чувствуют себя более адаптированными чем к жизни на свободе, они становятся для них домом, и к этим лицам, согласно данным Л.Ю. Перемолотовой, относятся бродяги (12,3%), люди, не имеющие профессии, определённого рода занятий, не работающие и не желающие работать (28,2%), имеющие опасные социальные заболевания и инвалиды (17,4%), пожилые люди с преступным прошлым (22,1%) [10, с. 55]. Естественно, что социальная адаптация и ресоциализация указанных категорий лиц наиболее осложнена, и таковой она видится и самим заключенным, предпочитающим оставаться в месте лишения свободы как более привычном и гарантирующем им самый необходимый минимум для жизни (одежду, питание, лечение), для выживания.

Важным направлением повышения эффективности интеграции бывших осужденных в общество после отбывания ими срока наказания может также стать, предлагаемый учеными проект, связанный с принятием нетипичного нормативного правового акта под названием «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него» [11]. Основной

акцент в этом правовом акте делается на создании коллегиального решения проблем ресоциализации бывших осужденных посредством совместного принятия государственных и гражданскими структурами акта и его реализации, где будут четко прописаны цели, задачи и приоритетные направления ресоциализации лиц, освобожденных от уголовного наказания, а также определены субъекты, ответственные за реализацию этих мер и направлений деятельности. При этом принципиально добиться сбалансированного представительства участников процесса ресоциализации бывших осужденных из числа представителей ветвей государственной власти и структур гражданского общества.

Таким образом, основной задачей Дорожной карты должно стать предотвращение повторной преступности среди лиц, отбывших уголовное наказание, благодаря эффективному взаимодействию и сотрудничеству в этом направлении государства и гражданского общества [11, с. 32].

Безусловно, сложно не согласиться с точкой зрения, что включение в тесное взаимодействие представителей государственных и гражданских структур в процесс ресоциализации бывших осужденных, которые также становятся неотъемлемым элементом этого сотрудничества, конструируя собственную траекторию поведения и жизни на свободе. Однако надо исходить из реалий российской действительности, в которой гражданские структуры и организации и гражданское общество, в целом, как сегмент общественной жизни, развиты слабо, а эффективная реализация предложенного учеными проекта Дорожной карты предполагает наличие развитого гражданского общества, заинтересованного в обеспечении общественной безопасности и готового стать активным актором данного процесса, а не пассивным наблюдателем, как зачастую и происходит в России, характеризующейся, судя по данным социологических исследований, крайне невысоким уровнем социальной ответственности. Об этом говорят данные следующие данные: 60% россиян, согласно всероссийскому опросу Левада-Центра (2017 г.), не чувствуют ответственности за происходящее в стране [12].

Тем не менее, очевидно то, что без совместного участия общества и государства решить проблему преодоления высокой преступности и ее воспроизводства в стране не получится. Нужны гражданские инициативы и соответствующая правовая инициатива со стороны государственных структур. И если на уровне пенитенциарной адаптации и подготовки осужденного к освобождению ориентиры исправительных учреждений определены более четко, как отмечает Я.Г. Стахов, то о потпенитенциарной адаптации и ресоциализации экс-заключенных этого сказать нельзя, и поэтому этим ученым акцент делается на необходимости, прежде всего, правового закрепления норм постпенитенциарной ресоциализации, то есть, принятия соответствующего федерального закона, в том числе, закрепляющего и широкое участие общественности в решении проблем ресоциализации бывших осужденных, как это делается, к примеру, в Японии на основе закона «О постпенитенциарной опеке» [13].

Анализ всего вышеизложенного, позволяет констатировать, что меры по ресоциализации экс-заключенных и их успешной интеграции в общество в рамках некриминальной траектории поведения должны:

- во-первых, носить комплексный характер, что подразумевает учет всех потребностей и проблем этой категории граждан в период постпенитенциарной адаптации (материальных, бытовых, профессионально-трудовых, психологических, медицинских и т.д.);
- во-вторых, основываться на индивидуальном подходе, связанном с учетом фактора личной биографии жизни, в том числе, связанной с причинами криминального поведения бывшего осужденного;
- в-третьих, регулироваться совместными усилиями федеральных и региональных органов власти в тесном сотрудничестве с негосударственными организациями и структурами, волонтерскими и религиозными объединениями.

Но самое главное, как мы полагаем, – это изменение самой парадигмы отношения к процессу ресоциализации бывших осужденных, его сущностно-целевой природе, миссии. До тех пор, пока во главе этого процесса будет находиться идея снижения повторной преступности, общество будет бороться с преступностью, что, судя по мнению и бывших заключенных, и экспертов, опрошенных в нашем исследовании (64,2 % и 65 %, соответственно), представляет собой мало-перспективное занятие по той причине, что преступность неискоренима, поэтому повторная преступность будет оставаться в числе самых актуальных и острых проблем российской действительности. Поэтому, по нашему убеждению, остается только один путь парадигмального изменения общественного сознания в отношении к процессу ресоциализации осужденных в местах лишения свободы и экс-осужденных и к его цели, а этот путь связан с целью подготовки осужденного и его включения после выхода на свободу в

Литература:

1. *Щербакоева Е.* Преступность в России: аналитический обзор. Posted on 28.04.2021 by И.М Мацкевич.
2. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 г. // Генеральная прокуратура РФ. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. М., 2021. 62 с.
3. *Гордеев М.* В МВД РФ назвали долю преступлений, связанных с рецидивистами и пьянством / М. Гордеев, В. Полякова. URL : <https://www.rbc.ru/society/27/09/2021/6151b93d9a79473911aa31ab>
4. *Тайлова А.Г.* Реабилитационные центры социальной адаптации лиц, освобождённых из мест лишения свободы / А.Г. Тайлова // Бизнес в законе. 2011. № 6.

систему социальных связей и отношений на правах полноправного члена общества с изменившейся траекторией жизненной стратегии, уже не связанной с криминальной средой. С учетом того обстоятельства, что в истории российской системы ресоциализации именно эта идея стала основой развития постпенитенциарной системы, рожденной самим обществом, когда возврат к ней рассматривается не как заимствование успешных технологий у других стран, а как актуализация и реставрация исторического опыта в области ресоциализации бывших заключенных.

Подкреплением этой позиции служит мнение бывших осужденных, которые, в своем большинстве, считают, что основная роль постпенитенциарной системы заключается не в предупреждении рецидивной преступности (так считает 38,3 % опрошенных), а в успешной интеграции лиц, отбывших тюремное заключение, в общество и в формировании у них готовности жить по правовым законам (49,1 %).

Среди экспертов, сторонников поддерживаемой бывшими заключенными позиции еще больше – 55,2 % среди них полагают, что постпенитенциарная система призвана, прежде всего, обеспечить успешную интеграцию экс-заключенного в общество в рамках правопослушного поведения, а противоположной точки зрения (о том, что эта система должна способствовать, в первую очередь, предупреждению повторной преступности) придерживается 36,8 % экспертов. Очевидно, такая точка зрения экспертов связана с их мнением о том, что преступность – это закономерное явление, порожденное самой природой человеческого общества – так, согласно данным нашего опроса, считает 63,2 % экспертов против 34,5 % тех, кто полагает, что общество вполне может существовать и без преступности.

А раз преступность закономерна, свойственна человеческой организации, то усилия следует в первую очередь направить не на борьбу с ней, а на возвращение в русло некриминальной жизни тех, кто встал на путь криминала.

Literature:

1. *Shcherbakova E.* Crime in Russia: an analytical review. Posted on 28.04.2021 by I.M. Mats-kevich.
2. The state of crime in Russia for January – December 2020 // General Prosecutor's Office of the Russian Federation. General Directorate of Legal Statistics and Information Technology. M., 2021. 62 p.
3. *Gordeev M.* The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named the share of crimes related to recidivists and drunkenness / M. Gordeev, V. Polyakova. URL : <https://www.rbc.ru/society/27/09/2021/6151b93d9a79473911aa31ab>
4. *Tailova A.G.* Rehabilitation centers for social adaptation of persons released from places of deprivation of liberty / A.G. Tailova // Business in law. 2011. № 6.

5. *Попова И.В.* Роль общественных организаций как институтов гражданского общества в ресоциализации бывших заключенных в условиях местного социума / И.В. Попова, И.Ф. Албегова // Вестник КГУ. 2012. № 5.
6. *Нестеров А.Ю.* Социальная значимость института пробации в России: отечественный и зарубежный опыт / А.Ю. Нестеров // Власть. 2017. № 11. С.111–115; Нестеров А.Ю. Перспективы развития института пробации в Российской Федерации / А.Ю. Нестеров // Власть. 2018. № 4. С. 40–47.
7. *Рапецкая А.Л.* Современные проблемы постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы / А.Л. Рапецкая, В.В. Агильдин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. М. : Юрлитинформ, 2012.
8. *Степанова Е.А.* Социальная эксклюзия заключенных и экс-заключенных в России / Е.А. Степанова, М.Ю. Ефлова // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. № 1.
9. *Лазарева Ю.В.* Современные проблемы социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы / Ю.В. Лазарева // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 1.
10. *Перемолотова Л.Ю.* Проблемные аспекты ресоциализации личности осужденного / Л.Ю. Перемолотова // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24.
11. *Кленова Т.В.* Об основаниях и задачах нетипичного нормативного правового акта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него» / Т.В. Кленова, Н.П. Щукина // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 2. С. 29–33.
12. Ответственность и влияние. URL : <https://www.levada.ru/2017/11/13/17013/print/>
13. *Стахов Я.Г.* Некоторые пути решения проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы / Я.Г. Стахов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 17. С. 21–23.
5. *Popova I.V.* The role of public organizations as institutions of civil society in the resocialization of former prisoners in the conditions of local socium / I.V. Popova, I.F. Albegova // Vestnik KSU. 2012. № 5.
6. *Nesterov A.Y.* Social significance of the institute of probation in Russia: domestic and foreign experience / A.Y. Nesterov // Vlast. 2017. № 11. P. 111–115; *Nesterov A.Y.* Prospects for the development of the institute of probation in the Russian Federation / A.Y. Nesterov // Vlast. 2018. № 4. P. 40–47.
7. *Rapetskaya A.L.* Modern problems of post-penitentiary adaptation of persons released from places of deprivation of liberty / A.L. Rapetskaya, V.V. Agildin // Forensic Library. Scientific journal. M. : Yurлитinform, 2012.
8. *Stepanova E.A.* Social exclusion of prisoners and ex-prisoners in Russia / E.A. Stepanova, M.Y. Eflova // Vestnik RUDN. Series: Sociology. 2012. № 1.
9. *Lazareva Yu.V.* Modern problems of social rehabilitation of persons who were released from places of deprivation of liberty / Yu.V. Lazareva // All-Russian Criminological Journal. 2010. № 1.
10. *Peremolotova L.Y.* Problematic aspects of resocialization of the personality of the convict / L.Y. Peremolotova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Right. 2017. № 24.
11. *Klenova T.V.* On the grounds and tasks of an atypical normative legal act «Roadmap for resocialization and real inclusion in civil society of persons who have served criminal punishment and released from it» / T.V. Klenova, N.P. Shchukina // Legal Bulletin of Samara University. 2018. № 2. P. 29–33.
12. Responsibility and influence. URL : <https://www.levada.ru/2017/11/13/17013/print/>
13. *Stakhov Ya.G.* Some ways to solve the problem of social adaptation of persons released from prison / Ya.G. Stakhov // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2012. № 17. P. 21–23.

Бедрик Андрей Владимирович
кандидат социологических наук,
доцент,
директор,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
abedrik@bk.ru

Зайцева Анастасия Андреевна
стажер-исследователь
Института социологии
и регионоведения,
Южный федеральный университет
anastt@sfedu.ru

Панфилова Юлия Сергеевна
кандидат социологических наук,
старший преподаватель,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
panfilovajulia@mail.ru

Щукина Елена Львовна
кандидат исторических наук,
доцент,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
elshukina@sfedu.ru

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК СУБЪЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЮГЕ РОССИИ

■ ■ ■

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение места и роли молодежных общественных объединений Юга России в реализации стратегии государственной национальной политики России, оценка их социальной эффективности в данной сфере и перспективы развития их консолидационного потенциала. Методологическая база исследования в общетеоретическом плане основывается на социологических и политологических подходах анализа государственной национальной политики в сфере межнациональных отношений и участия молодежных общественных организаций в реализации ее принципов. Сбор первичной социологической информации осуществлялся в рамках исследования, проведенного авторами в июне – ноябре 2021 года. Результаты исследования. Проведена диагностика деятельности молодежных общественных объединений Ростовской области, Краснодарского края и республики Крым, участвующих в реализации национальной политики России; осуществлена оценка их социальной эффективности в данной сфере. Перспективы дальнейших исследований авторы усматривают в необходимости анализа деятельности

Andrey V. Bedrik
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Director,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
abedrik@bk.ru

Anastasiya A. Zaytseva
Trainee Researcher,
Institute of Sociology
and Regional Studies;
Southern Federal University
anastt@sfedu.ru

Yulia S. Panfilova
Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer of the Institute
of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
panfilovajulia@mail.ru

Elena L. Shchukina
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
elshukina@sfedu.ru

YOUTH PUBLIC ASSOCIATIONS AS SUBJECTS OF STATE ETHNIC POLICY IN THE SOUTH OF RUSSIA

■ ■ ■

Annotation. The purpose of the study is to consider the place and role of youth public associations of the South of Russia in the implementation of the strategy of the state national policy of Russia, to assess their social effectiveness in this area and the prospects for the development of their consolidation potential. The methodological basis of the study in general theoretical terms is based on sociological and political science approaches to the analysis of the state national policy in the field of interethnic relations and the participation of youth public organizations in the implementation of its principles. The collection of primary sociological information was carried out as part of a study conducted by the authors in June – November 2021. Results of the study. Diagnostics of the activities of youth public associations of the Rostov Region, the Krasnodar Territory and the Republic of Crimea, participating in the implementation of the national policy of Russia, was carried out; an assessment of their social efficiency in this area has been carried out. The authors see the need to analyze the activities of youth organizations in the republics of the North Caucasus region, declaring in their programs, ethno-cultural events the tasks of building

молодежных организаций в республиках северокавказского региона, декларирующих в своих программах, проводимых этнокультурных мероприятиях задачи по выстраиванию гармоничных межэтнических отношений, расширению участия гражданского общества, некоммерческих молодежных организаций в развитии сферы межнациональных отношений, сохранения единого социокультурного пространства Российской Федерации и её культурно-цивилизационного кода; проведение сравнительного исследования результатов социологических опросов в субъектах Южного Федерального округа и республиках Северного Кавказа.

Ключевые слова: национальная политика, молодежные общественные объединения, молодежь, некоммерческая организация, национально-культурные объединения.

Введение. Молодежные общественные объединения занимают особое место в структуре современных гражданских организаций, поскольку именно молодежь является наиболее активной частью нашего общества и среди неё необходимо активно проводить государственную национальную политику по выстраиванию гармоничных и добрососедских межэтнических отношений. В современном глобализирующемся мировом сообществе, прежде всего, подрастающее поколение является объектом манипуляции со стороны различных зарубежных и российских фондов (признанных иностранными агентами), коммерческих организаций, экстремистских и террористических структур, разжигающих межэтническую и межконфессиональную рознь. Межэтническая и межконфессиональная коммуникация народов с различными традициями и верованиями становится весьма значимой и актуальной проблемой современности. Противопоставление на «своих» и «чужих», рост этнизации сознания и этноцентризм, связанный со стремлением рассматривать все явления окружающей действительности сквозь призму доминирования ценностей своей этногруппы как наиболее верных и правильных, порождает проблемы в межнациональном диалоге народов южнороссийского региона¹.

Целостность социокультурного пространства страны подвергается существенным рискам, когда ксенофобия, в ее различных видах: этнической, религиозной, политической, идеологической становится способом конструирования образа «чужого». Одной из важнейших проблем современной России является рост конфликтности на фоне интенсивной миграции, прежде всего, из среднеазиатских постсоветских стран, поликультурности и углубления социального неравенства. Соответственно, возрастает роль гражданского участия, общественных организаций и объединений в минимизации конфликтной составляющей, решении актуальных задач развития сферы

harmonious interethnic relations, expanding the participation of civil society, non-profit youth organizations in the development of the sphere of interethnic relations, preserving the single socio-cultural space of the Russian Federation and its cultural and civilizational code; conducting a comparative study of the results of sociological surveys in the subjects of the Southern Federal District and the republics of the North Caucasus.

Keywords: national policy, youth public associations, youth, non-profit organization, national and cultural associations.

межнациональных отношений, что подчеркивается в «Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г.» [1].

Методологические и правовые основы исследования. Теоретико-методологическая база исследования базировалась на неинституциональном подходе, что обусловлено необходимостью анализа общественных объединений, целевой группой деятельности которых выступает молодежь. В рамках исследовательского проекта использовались отдельные положения структурно-функционального подхода, что обеспечило возможности для анализа эффективности деятельности молодежных объединений в указанной сфере; компаративистский подход, который позволит сравнить социальные практики деятельности молодежных общественных объединений и перспективы имплементации лучших из них в различных региональных и локальных условиях.

Проблемы межэтнических отношений и реализации национальной политики в Российском обществе являются одним из приоритетных направлений исследований в области социологии, политологии, демографии, этнологии, с конца 1980-х – начала 1990-х гг. в работах многих отечественных исследователей. Наиболее важные вопросы теории и современных тенденций воспроизводства и трансформации этносоциальной структуры общества, динамика культурных границ и этнической дистанции, многоуровневые формы идентификации этносов рассматриваются в публикациях Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, Ю.Г. Волковым, З.В. Сикевич, С.А. Арутюнова, С.В. Рыжовой, И.М. Кузнецова, А.А. Сусоколова. Влияние политического фактора на характер межэтнических отношений в обществе, вопросы политизации этничности, этнической мобилизации, усиления этнической сегрегации как реакция на национальную и миграционную политику рассматриваются в публикациях Р.Г. Абдулатипова, В.А. Тишкова, Э.А. Паина, Л.Л. Хоперской, В.Д. Дзидзоева.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ проект № 21-011-31684 «Молодежные общественные объединения в реализации приоритет-

ных направлений государственной национальной политики на Юге России».

В большинстве публикаций указанных авторов этносоциальная проблематика анализируется через попытку национальной самоопределения или самосохранения этноса как миноритарного сообщества среди инокультурного окружения. Базовой проблемой исследования этнических групп является их демографическая совокупность и уровень культурной дистанции между собой.

Вопросами, связанными с изучением межэтнических отношений, мигрантофобий, ксенофобий занимаются многие отечественные и зарубежные ученые: М.Н. Гобугло, Г.С. Денисова, Э.А. Паин, В.И. Мукомель, А.В. Тишков, А.П. Садохин, А.В. Сериков, О.М. Шевченко. Из зарубежных исследователей следует выделить Р. Руммеля, М.Д. Эшльмана, Х. Клингемана, Дж. Хёрт, У. Липпмана.

Вторым комплексом исследований являются публикации, анализирующие молодежь, молодежные общественные и субкультурные объединения. Большой вклад в исследование молодежи и молодежных жизненных стратегий внесли В.И. Чупров и Ю.А. Зубок, которые, опираясь на данные социологических исследований, рассматривают основные тенденции изменения молодежи в условиях риска, концептуализируя жизненные стратегии молодежи и механизмы их социокультурной саморегуляции [2].

Однако, несмотря на значительный потенциал научных исследований в области межэтнических отношений, за рамками большинства работ остается проблема социальной субъектности и эффективности социальных практик участия молодежных общественных объединений в реализации приоритетных направлений государственной национальной политики. Это оправдывает выделение проблемы участия молодежных общественных объединений в системе регулирования межэтнических отношений в самостоятельный объект социологического исследования на базе макрорегиона Юга России.

Правовой основой исследования явилась «Стратегия государственной национальной политики России на период до 2025 года», утвержденная указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666, которая декларирует задачу «использования потенциала институтов гражданского общества, в том числе, национальных и многонациональных общественных объединений граждан, национально-культурных автономий, в целях гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, совместного противодействия росту межнациональной напряженности, экстремизму, разжиганию этнической и религиозной ненависти либо вражды» [1]. Не менее важную роль отводит гражданским институтам и Концепция государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. [3], и Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года [4]. Одновременно расширяется финансовая поддержка деятельности соответствующих организаций на федеральном уровне (прежде всего, из средств Фонда президентских грантов), на уровне субъектов РФ и муниципалитетов. Несмотря на структурирование институционально-правовых рамок деятельности гражданских институтов, декларацию на всех

политических уровнях приоритетной задачи их участия в реализации направлений российской национальной политики, расширение материальной поддержки, социальная эффективность соответствующих институтов ещё остается недостаточной. Снижению эффективности их деятельности способствовала и современная ситуация, обусловленная ковидными ограничениями.

Реализация государственной национальной политики молодежными организациями Ростовской области, Краснодарского края, республики Крым. Особое значение в структуре гражданских организаций, вовлеченных в реализацию приоритетных направлений государственной национальной политики в России, занимают молодежные общественные объединения. Исключительность их позиции в рассматриваемой сфере объясняется несколькими причинами.

Во-первых, их деятельность ориентирована на наиболее инновационную и одновременно конфликтногенную часть российского социума – молодежь.

Во-вторых, в деятельности подобного рода структур аккумулируется реальный потенциал социальной активности, который ярко контрастирует с симулятивными практиками работы значительной части некоммерческого сектора в РФ.

В-третьих, реестр данных институтов не ограничен исключительно национально-культурными объединениями, но вовлекает в орбиту национальной политики гораздо более обширный сегмент гражданского общества в России.

В настоящем исследовании принимало участие 523 респондента из Ростовской области, 518 – из Краснодарского края и 509 – из Республики Крым. Выборка осуществлена в соответствии со следующими статистическими критериями: пол, возраст, место жительства, уровень образования, тип занятости. Для реализации поставленной задачи также использовался метод глубинных интервью с лидерами молодежных общественных объединений и должностными лицами, занимающимися национальной политикой в трех исследуемых регионах. Категория «молодежь», включала респондентов от 18 до 35 лет, что определено Ф3 «О молодежной политике в Российской Федерации» [5].

В данной статье мы ограничились рассмотрением только тех вопросов, которые непосредственно касались отношения и участия молодежных объединений в реализации государственной национальной политики. Первый блок вопросов был призван выявить мнения респондентов о приоритетных направлениях государственной политики, месте и роли молодежи в её реализации.

Большинство молодых людей считают приоритетным направлением государственной политики необходимость повышения уровня жизни (Ростовская область – 77,2 %, Краснодарский край – 71,9 %, Республика Крым – 59 %), улучшение ситуации в социальной сфере (Ростовская область – 60,3 %, Краснодарский край – 60,4 %, Республика Крым – 48,7 %), необходимость снижения коррупции, установление законности и правопорядка

(Ростовская область – 47,6 %, Краснодарский край – 39,6 %, Республика Крым – 44,2 %). С одной стороны то, что межнациональные и межконфессиональные отношения не являются приоритетными и не находятся в центре предпочтений молодежи, можно рассматривать как элемент стабильного развития общества, что фиксируется многочисленными социологическими исследованиями различных социологических центров. Обеспечение межнационального (межэтнического) и межрелигиозного согласия в обществе

находится в фокусе внимания только лишь 6–10 % молодых респондентов. С другой стороны, многолетний мониторинг общественного мнения в разных возрастных группах свидетельствует о наличии конфликтогенного фактора в сфере межэтнической коммуникации, когда от 27 до 30 % респондентов всех возрастных категорий, зачастую, отвечая положительно на вопрос о межнациональных и межконфессиональных отношениях, фиксируют то, что они «Внешне спокойные, но внутренне - напряженные» [6].

Таблица 1

Какие направления государственной политики, на Ваш взгляд, сегодня являются наиболее важными для развития страны? (укажите 3 наиболее важных) (Множественный выбор)

№	Вариант ответа	Ростовская область (в %)	Краснодарский край (в %)	Республика Крым (в %)
1.	Повышение уровня жизни населения	77,2	71,9	59
2.	Обеспечение экономического роста	36,8	33,8	44,2
3.	Улучшение ситуации в социальной сфере (пенсионное обеспечение, образование)	60,3	60,4	48,7
4.	Сохранение культур народов, живущих на территории страны	13,2	16,5	10,9
5.	Преодоление социального неравенства	28,7	27,3	19,2
6.	Развитие демократии, прав и свобод граждан	41,7	37,7	30,8
7.	Развитие гражданского общества и местного самоуправления	15,6	8,8	8,3
8.	Обеспечение межнационального (межэтнического) и межрелигиозного согласия в обществе	10,1	6,2	8,3
9.	Снижение уровня коррупции, утверждение законности и правопорядка	47,6	39,6	44,2
10.	Снижение рисков терроризма	22,8	28,1	31,4
11.	Нормализация отношений с США и странами Западной Европы	18,6	11,2	19,2
12.	Другое	0,4	0,4	3,8

Поскольку, именно молодежь в большей степени подвержена рискам вовлечения в экстремистскую деятельность и в межэтнические конфликты, весьма важной нам представляется необходимость формирования молодежными объединениями позитивной повестки. Весьма значимой является необходимость «переключения» молодежи, подростков от достаточно «пессимистичного» контента в социальных сетях к оптимистичным ожиданиям и возможности соучастия в

социальном программировании когерентного общества. Это подтверждается анализом распределения ответов на вопрос о роли молодежных объединений в межнациональных отношениях. Важно, что достаточно высок запрос на участие молодежных объединений в укреплении отношений между народами страны и сохранении их культур, при большей заинтересованности в воспроизводстве этнической культуры (табл. 2).

Таблица 2

С каким из приведенных ниже суждений Вы согласны (выберите одно суждение): (Одиночный выбор)

№	Вариант ответа	Ростовская область (в %)	Краснодарский край (в %)	Республика Крым (в %)
1.	Молодежные объединения способны вносить большой вклад в укрепление отношений между народами страны и сохранении их культур	54,2	54,6	42,3
2.	Молодежные объединения не являются силой, которая может оказать заметное влияние на укрепление отношений между народами страны и сохранении их культур	27,6	22,3	34,6
3.	Затрудняюсь ответить	18,2	23,1	23,1

В свою очередь, глубинные интервью, как с лидерами молодежных объединений, так и представителями органов власти и управления, отметили существенную пассивность большинства молодежи, отсутствие реальных действий в данной сфере. В ответах обе стороны единодушно подчеркивали необходимость более активного участия молодых людей в осуществлении национальной политики государства, проявления

большей инициативы в формировании повестки межкультурных, межнациональных форумов, фестивалей.

Межнациональный диалог предполагает интенсификацию культурных обменов, расширение взаимодействия национальной и региональных культур. Невозможно переоценить значимость межкультурного диалога для сохранения толерант-

ных взаимоотношений и профилактики межэтнических конфликтов в регионе, сохранения единого социокультурного пространства страны. Необходимо акцентировать внимание не на том, что нас разъединяет, а на том, что объединяет. Выводы о необходимости деполитизация этнокультурных общностей, «деполитизации этничности» подчеркивают в своих исследованиях и другие ученые [7].

Распределение ответов на вопрос о том, «что необходимо сделать, чтобы молодежные объединения более эффективно решали вопросы укрепления отношений между народами?...», выявило следующие приоритеты: молодежь Ростовской области (69,5 %), в большей степени продемонстрировала патерналистские ожидания к органам власти, чем представители Краснодарского края (56,2) и Республики Крым (51,9), где уровень таких ожиданий тоже достаточно высок (табл. 3).

Таблица 3

Как Вы полагаете, что необходимо сделать, чтобы молодежные общественные объединения более эффективно решали вопросы укрепления отношений между народами и сохранения их культур (не более 3-х вариантов ответа)? (Множественный выбор).

№	Вариант ответа	Ростовская область (в %)	Краснодарский край (в %)	Республика Крым (в %)
1.	Ничего не нужно делать, они вносят заметный вклад в решение этих вопросов	3,5	9,2	9,6
2.	Ничего не нужно делать, потому что молодежные объединения не способны внести вклад в решение этих проблем	7,7	13,5	12,2
3.	Отделить эти объединения от государства	19,3	13,8	12,8
4.	Выделять им больше денег	35,3	26,9	24,4
5.	Готовить профессионалов для организации деятельности таких объединений	45,2	41,9	45,5
6.	Дать молодежным объединениям возможность открыто выражать свое мнение по всем вопросам	66,7	62,7	60,3
7.	Объединить эти молодежные организации под крылом государства	12,3	18,5	21,2
8.	Поддерживать их инициативы на уровне страны и региона	69,5	56,2	51,9
9.	Перевести их на самостоятельное обеспечение ресурсами (деньгами, людьми и т.д.)	10,3	11,2	11,5
10.	Уменьшить контроль	16,9	10	15,4
11.	Другое	0,9	0,8	2,6

Присутствует, примерно, одинаковый запрос на подготовку профессионалов – организаторов деятельности молодежных объединений (Ростовская область – 45,2 %; Краснодарский край – 41,9 %; Республика Крым – 45,5 %). Возможно, высшим учебным заведениям стоит организовывать программы дополнительного образования студентов по формированию востребованных компетенций и лидерских качеств, заниматься популяризацией уже действующих программ «Я - лидер». «Сегодня российская молодежь нуждается не столько в поддержке, сколько в создании условий для непосредственного участия в социальных преобразованиях и гражданской деятельности, целью которой является содействие общему благу и решению социально значимых проблем в обществе» [8].

Весьма важным представляется запрос (более 60 % по всем субъектам) на презентацию своих идей: «Дать молодежным объединениям возможность открыто выражать свое мнение по всем вопросам». В современном, казалось бы, максимально информативном интернет-пространстве существует проблема, с одной стороны, перегруженности информацией, с другой – недостаточной информированности даже молодежи как наиболее включенной группы в интернет-коммуникацию о проводимых региональных национально-культурных мероприятиях и возможностях участия в их работе.

Контент-анализ СМИ в исследуемых регионах подтвердил, что деятельность молодежных объединений недостаточно освещается в масс-медиа, социальных сетях и блогах. Практически отсутствуют телевизионные передачи, затрагивающие молодежные проблемы. К сожалению, информационные передачи центральных телевизионных каналов, ориентированы на трансляцию негативного контента, где молодежные проблемы рассматривают сквозь призму совершения правонарушений и преступлений (скулшутинг) [9]. Для расширения социальной базы участников молодежных объединений, безусловно, необходимо изменить «информационную повестку», максимально широко и подробно освещая позитивные практики, реальную деятельность молодежи по развитию и сохранению толерантных отношений в поликультурном пространстве южнороссийского региона.

Анализируя современную молодежь, исследователи, условно, выделяют в ней две субкультурные группы, ориентированные на внутреннюю и внешнюю культурную среду.

Первая группа усвоила традиционные установки, считает себя гражданами страны и транслирует патерналистские ожидания по отношению к государству, призванному обеспечить им стабильную жизнедеятельность. Представители данной группы готовы работать на благо государства и общества, имеют достаточно высокий уровень патриотических установок.

Вторая группа нацелена на ценности современного западного общества, соответственно, чувство национального самосознания у них вторично, а патерналистские ожидания к государству тоже достаточно велики, поскольку государство должно позаботиться о них и обеспечить им комфортную жизнь в стране. Данная категория молодых людей, практически не заинтересована участвовать в работе молодежных общественных объединений и заниматься реализацией национально-культурных задач государства.

Заключение. В настоящее время российское общество, при относительно благополучных результатах социологического мониторинга межэтнических отношений, по-прежнему нуждается в проведении взвешенной государственной национальной политики с гораздо более активным привлечением к её реализации молодежных общественных объединений.

Социальные ожидания молодежи, в большей степени, связаны с проблемами уровня жизни, социальной защищенности личности, правового государства; в свою очередь, достаточно значимы и межэтнические отношения, без которых невозможно гармоничное развитие социума. Межнациональные отношения, межнациональное сотрудничество, сохранение единого социокультурного пространства страны, формирование общероссийской и региональной идентичностей, базирующихся на общности культурных норм, традиций, ценностей, являются чрезвычайно важными аспектами дальнейшего гармоничного развития южнороссийского региона. Значимую роль в данных процессах призваны играть общественные организации, иницирующие сотрудничество с общеобразовательными учреждениями в проведении конкурсов, посвященных актуализации проблематики гармоничных межэтнических отношений,

Литература:

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (дата обращения 08.09.2021).
2. Чупров В.И. Молодежь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. М., 2015. 230 с.
3. «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (Утв.Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622) // Информационно-правовой портал «Гарант». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/> (дата обращения 08.09.2021).
4. «Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года» (Утв. Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344) // Информационно-правовой портал «Гарант». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (дата обращения 08.09.2021).

трансляции исторической памяти о добрососедских взаимоотношениях между народами.

По итогам исследования следует отметить, что роль молодежных общественных объединений в реализации приоритетных направлений государственной национальной политики России в южнороссийском регионе и поэтому представляется авторам публикации недостаточной и несоизмеримой с теми возможностями, которыми обладает подрастающее поколение. Следует отметить и недостаточную информированность молодежи о существовании подобных организаций, их практической деятельности.

Оценивая социальную эффективность работы молодежных объединений, следует подчеркнуть весьма высокий уровень вовлеченности небольшой активной группы молодежи, координирующей свою деятельность с некоммерческими объединениями диаспор и землячеств по популяризации этнокультуры среди студенческой молодежи и школьников. Существует широкая сеть партнерских отношений с региональными правительствами, местным самоуправлением, вузами других регионов, связи с диаспорами. Однако подавляющая часть молодежи не участвует в работе молодежных объединений, что обусловлено как неразвитостью институтов гражданского общества, так и транслирующейся патерналистской ментальностью молодых граждан страны.

В целом, консолидировать общество невозможно без активного участия именно молодежи в выстраивании гармоничных межнациональных отношений, являющихся фундаментом общественного консенсуса. Сегодняшняя социально-политическая ситуация требует широкого привлечения молодежных организаций и молодежи, в целом, к формированию позитивной повестки.

Literature:

1. Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the Presidential Decree of December 19, 2012 № 1666 // Information and Legal Portal «Garant». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (date of application 08.09.2021).
2. Chuprov V.I. Young people in risk society / V.I. Chuprov, Yu.A. Kulk. M., 2015. 230 p.
3. «Concepts of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025» (utensils. President of the Russian Federation of October 31, 2018 № 622) // Information and legal portal «Garant». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71992260/> (date of application 08.09.2021).
4. «Strategy to counter extremism in the Russian Federation to 2025» (utensils of the President of the Russian Federation of May 29, 2020 No. 344) // Information and legal portal «Garant». – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (date of application 08.09.2021).

5. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 года №489 ФЗ. // Информационно-правовой портал «Гарант». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения 08.09.2021).
6. *Бедрик А.В.* Крупный южнороссийский город как среда межэтнического взаимодействия (на примере г. Ростова-на-Дону) / А.В. Бедрик, А.В. Сериков // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11. С. 123–131.
7. *Бинева Н.К.* Социальная справедливость в регулировании межэтнических отношений на Юге России: опыт социологического исследования / Н.К. Бинева, Н.И. Чернобровкина, Д.А. Мамина // Россия реформирующаяся. 2021. № 19. С. 444–461.
8. *Лубский А.В.* Молодежная политика и гражданские практики в молодежной среде в современной России / А.В. Лубский, В.О. Вагина, Д.А. Мамина // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 6. С. 171–187.
9. *Щукина Е.Л.* Возможности распространения установок экстремизма через молодежные субкультурные объединения / Е.Л. Щукина // Обзор.НЦПТИ. 2020. The reported study was funded by RFBR and EISR project № 21-011-31684 «Youth public associations in the implementation of the priorities of the state national policy in the South of Russia».
5. On youth policy in the Russian Federation: Federal Law of 30.12.2020 № 489 FZ. // Information and legal portal «Garant». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (date of application 08.09.2021).
6. *Bear A.V.* The major South-Russian city as an inter-ethnic interaction environment (for example, Rostov-on-Don) / A.V. Bear, A.V. Serikov // Socio-humanitarian knowledge. 2016. № 11. P. 123–131.
7. *Bineva N.K.* Social justice in regulating inter-ethnic relations in the south of Russia: the experience of sociological research / N.K. Bineva, N.I. Chernobrovkina, D.A. Mine // Russia reformed. 2021. № 19. P. 444–461.
8. *Lubsky A.V.* Youth policies and civil practices in the youth environment in modern Russia / A.V. Lubsky, V.O. Vagina, D.A. Mine // Humanitarian Southern Russia. 2019. Vol. 8. № 6. P. 171–187.
9. *Schukina E.L.* The ability to distribute extremism settings through youth subcultural associations / E.L. Schukina // Overview. NTSP TI. 2020. The Reported Study Was Funded by RFBR and EISR Project № 21-011-31684 «Youth Public Associations in the State National Policy In The South Of Russia».

Белашова Яна Юрьевна
инспектор ученого совета,
Краснодарский университет МВД России
belashova-y@bk.ru

ОНЛАЙН-ИГРЫ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ОБЩИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Инновационные технологии порождают новые формы досуговой деятельности, одной из которых являются компьютерные игры. В настоящее время приобретает массовый характер увлечение молодежи онлайн-играми, что проявляется в росте аудитории игровых онлайн-проектов. В рамках статьи рассматривается вопрос о перспективах социологического исследования онлайн-игр. Рассматриваются основные направления исследования онлайн-игр, присутствующие на уровне современного социологического знания. Ставится вопрос о том, что на уровне современного гуманитарного знания, постановка вопроса о значении и специфике виртуальных онлайн-игр осуществляется чрезмерно узко. Автором предлагаются направления исследования, связанные со значением онлайн-игр как культурного явления и среды коммуникации. Анализируется проблема ролевой определенности игровой коммуникации, а также механизмов социализации, протекающих в рамках игрового сообщества.

Ключевые слова: общество, игра, онлайн-игры, компьютерные игры, виртуальность.

Испокон веку игра представляла собой одну из важнейших форм активности человека. Значение игры как культурного феномена многообразно: с одной стороны, многочисленные игры предстают в качестве важного культурного феномена, с другой, сам по себе, игровой процесс является одной из составных частей культурогенеза. Наконец, нельзя обойти вниманием позицию, которую высказал Й. Хейзинга, согласно которой, всякая культурно обусловленная деятельность, представляет собой разновидность игры [3].

Указанные позиции, обосновываемые на уровне полновесных исследований, не являются единственным подходом к феномену игр. Существует развитая парадигма восприятия всего, что связано с играми как несерьезного, в прагматическом плане, бессмысленного формата активности. Данный подход во многом проистекает из обычного противопоставления игры и прагматической деятельности, основанного на недопонимании специфики игры как социального и культурного явления. И здесь, следует обратить

Yana Yu. Belashova
Inspector of the Academic Council,
Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia
belashova-y@bk.ru

ONLINE GAMES AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH: A GENERAL ANALYSIS

Annotation. Innovative technologies give rise to new forms of leisure activities, one of which is computer games. Nowadays, youth's fascination with online games is becoming widespread, which is manifested in the growth of the audience of online gaming projects. The article discusses the issue of the prospects for sociological research of online games. The main directions of research on online games that are present at the level of modern sociological knowledge are considered. The question is raised that, at the level of modern humanitarian knowledge, the formulation of the question of the meaning and specificity of virtual online games is carried out too narrowly. The directions of research related to the value of online games as a cultural phenomenon and a space of communication are proposed. The article analyzes the problem of the role-specificity of game communication, as well as the mechanisms of socialization occurring within the framework of the game community.

Keywords: society, game, online games, computer games, virtuality.

внимание на то, что предвзятое отношение к феномену игр, а также, чрезмерно категоричное восприятие игровой деятельности могут повлечь за собой принятие несбалансированных решений уже в рамках социальной регуляции. При этом существуют риски, связанные как с недооценкой феномена игры, так и с чрезмерно серьезным отношением к элементам игровой реальности, не учитывающим условный характер отдельных игровых практик. Это свидетельствует о необходимости взвешенного, последовательного рассмотрения специфики игровых практик как социального явления. В рамках настоящей статьи осуществляется последовательное рассмотрение феномена онлайн-игры с точки зрения его социального аспекта.

Для начала следует дать общую характеристику того, что подразумевается под онлайн-игрой. Онлайн-игра – это разновидность компьютерной игры, в которую могут играть много пользователей одновременно. Ранее, доступ в онлайн-игры был возможен только в рамках использования компьютерных версий онлайн-игр, однако, в

настоящее время, в связи с ростом уровня технологий, стало возможным сетевое игровое взаимодействие, в том числе, при помощи смартфонов и планшетов.

Ключевым аспектом онлайн-игры, в отличие от однопользовательской игры, является то, что она предполагает игровое взаимодействие пользователей, осуществляющих связь посредством сети Интернет. При этом возможны различные варианты:

- пользователи, осуществляющие игровое взаимодействие, могут выбираться игровым сервисом в случайном порядке;
- может иметь место запланированная игровая сессия между конкретными пользователями;
- может иметь место смешанный формат игрового взаимодействия (например, команда из знакомых друг другу людей против случайных противников).

В рамках Интернет-коммуникации реализованы возможности для совместной игры в самые разные виды игр, включая азартные игры (онлайн-покер), интеллектуальные игры (сервисы по сетевой игре в шахматы, го и т.д.), различного рода шутеры, MOBA-игры, MMORPG и т.д. При этом, несмотря на то, что каждая из представленных разновидностей игровой деятельности имеет существенную аудиторию, наиболее популярными разновидностями онлайн-игр являются MOBA-игры и MMORPG, имеющие многомиллионную аудиторию. Особенностями большинства подобных игр является имитация боевого противостояния между отдельными пользователями или командами, в рамках которого игроки противостоят как другим игрокам, так и разнообразным неигровым персонажам, реализованным в рамках игрового сеттинга.

Ежедневно миллионы игроков запускают игровые онлайн-сервисы ради развлечения, тратят на игровой процесс существенное количество времени, взаимодействуют друг с другом в рамках игры, общаются с единомышленниками вне игрового процесса. Все это позволяет рассматривать онлайн-игры в качестве серьезного социального явления, оказывающего значительное воздействие на социальную практику.

В рамках современного научного дискурса, одна из ключевых проблем, постановка которой циклически осуществляется, состоит в том, каковы социальные риски повального увлечения молодых людей компьютерными играми. В этом контексте, традиционно, производится постановка следующих проблем:

- влияния игровых практик на склонность молодых людей к насилию (проблема деструктивных моделей поведения, насаждаемых в рамках игрового процесса);
- «ухода от реальности» в виртуальную сетевую деятельность;

– игровой зависимости как основания для непродуктивной траты временных и материальных ресурсов.

Первый из обозначенных вопросов связан с тем, что существенная доля компьютерных игр содержит в себе симуляции насильственной деятельности, ярким примером чего может служить линейка игр GTA, или, например, популярный во всем мире шутер Counter Strike. В рамках компьютерных игр могут быть реализованы различные типы сеттинга (средневековые, киберпанк, современный мир, фантастические миры будущего и т.д.), что, соответственно, порождает различную степень близости демонстрируемых в рамках игрового процесса явлений и реальности. При этом сторонники ограничения компьютерных игровых практик обращают внимание на то, что в процессе игры человек ассоциирует себя с тем игровым персонажем, которым он управляет. Соответственно, осуществление насилия как игровая норма может способствовать размытию социальных запретов и привитию деструктивных моделей поведения в качестве своеобразной нормы уже не в виртуальном мире, а в реальности [1]. Данный вопрос носит дискуссионный характер. В частности, существует противоположная точка зрения, предполагающая, что компьютерные игры выступают в роли своеобразного «выпускного клапана» социальной агрессии, которая накапливается у членов общества в ходе столкновения с неблагоприятными обстоятельствами, и потому, совершая имитацию насильственной деятельности в игре, члены общества растрачивают свой потенциал агрессивного поведения в реальном мире (подобно тому, как в японских предприятиях реализована практика избивания сотрудниками манекенов, с целью высвобождения агрессии и ее перенаправления в не деструктивное русло).

Что касается проблемы «ухода от реальности» в компьютерные игры, следует отметить, что данная проблема носит, с одной стороны, социальный характер (на уровне своих последствий для общества), с другой – имеет четко выраженную психологическую обусловленность [2], и, соответственно, тесно переплетается с проблемами мотивации развития, поиска путей самореализации, уровня социальных амбиций и степени их удовлетворенности и т.д. В целом, онлайн-игры представляют собой лишь одно из возможных направлений эскапизма, и, в данном случае, корень проблемы состоит не столько в наличии притягательной сферы, в которую люди склонны уходить «с головой», сколько в наличии определенного рода социально-психологических нарушений, определяющих отсутствие достаточной мотивации к иным формам деятельности.

Собственно говоря, сходная ситуация имеет место и применительно к такому аспекту критики компьютерных игр, как непродуктивность траты времени (в особенности, в том случае, когда члены общества увлекаются игровой сессией в ущерб иным, прагматически значимым областям деятельности). Тот факт, что члены общества склонны нарушать тайм-менеджмент в пользу игровой деятельности, представляет собой

проблему, прежде всего, на уровне общей практики распределения социальным субъектом своих временных ресурсов; при этом место онлайн-игры в данном случае может занять множество иных занятий: просмотр «ленты» в социальных сетях, общение, чтение книг и т.д. При этом, что характерно, в исследовательской среде практически не ставится вопрос о вреде книг, в то время как риски, связанные с игровой зависимостью, активно рассматриваются. Это свидетельствует о некоторой предвзятости в отношении игровых форм деятельности, присутствующей как на уровне обыденного, так и на уровне отдельных направлений научного дискурса.

Проведенный обзор основных направлений отражения проблематики компьютерных игр в исследовательской практике свидетельствует о том, что постановка вопроса о социальном значении компьютерных игр осуществляется на уровне сравнительно узкого набора проблем. Вместе с тем, существует множество актуальных проблем и вопросов, которые могут быть раскрыты в рамках социологического знания. Среди них мы хотели бы выделить следующие:

- онлайн-игры как социокультурное явление (с выходом на вопрос о формировании специфических субкультурных течений, возникновении игровых сообществ, объединенных общими интересами и т.д.);
- значение онлайн-игр как среды коммуникации;
- ролевой аспект взаимодействия в сетевом пространстве;
- специфические нормы взаимодействия, имеющие место на уровне виртуального пространства и феномен анонимности, как основание для деактуализации механизмов социального контроля.

Что касается первого аспекта, следует отметить, что, в настоящее время, имеет место множество фанатских культурных течений, возникновение которых обусловлено появлением определенного востребованного аудиторией культурного продукта (книги, фильма, настольной игры, компьютерной игры и т.д.). Представители данных течений склонны воспроизводить отдельные элементы воспринятого ими продукта (реплики, элементы внешнего вида, моменты ролевого взаимодействия и т.д.). Далеко не всегда, речь идет о формировании полноценного субкультурного течения, однако, зачастую, имеет место момент

Литература:

1. Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Й. Хёйзинга; Пер. с гол. Д.В. Сильвестрова. М. : Прогресс - Традиция, 1997. 416 с.
2. Никитина Л.Н. Компьютерные игры с элементами насилия как источник посылов к агрессии у несовершеннолетних / Л.Н. Никитина // АНИ: педагогика и психология. 2018. № 3(24). С. 361–364.
3. Семено А.А. Игрозависимая молодежь и ее психологические особенности / А.А. Семено // Вестник МИЭП. 2013. № 4(13). С. 39–47.

общности носителей определенного знания, осуществляющих в своей речи, внешнем виде, манере двигаться и т.д. отсылки к той или иной игре.

Следующий немаловажный аспект онлайн-игр состоит в том, что они в настоящее время представляют собой полноценную среду коммуникации, в рамках которой люди могут знакомиться, взаимодействовать друг с другом определенным образом и т.д. Особенностью игрового виртуального пространства, в данном случае, является, с одной стороны, анонимность участников (в отличие от социальных сетей, где многие размещают достоверную информацию о себе), с другой – наличие общей сферы деятельности, предполагающей момент вовлеченности взаимодействующих субъектов в «общее дело». Наличие исходного ролевого момента в онлайн-играх существенно облегчает коммуникацию, что, само по себе, представляет существенный интерес.

Последний в данной нами классификации аспект онлайн-игр органично проистекает из перечисленных выше. Речь идет о том, что в рамках социальной коммуникации, реализуемой в виртуальном пространстве, действует существенно меньшее число запретов и ограничений, нежели в рамках обыденного коммуникативного пространства, что связано с моментом анонимности участников игрового процесса, а также, с недоразвитостью механизмов контроля поведения участников игрового процесса, реализованных на уровне действующих игровых проектов. В этом контексте, возникают специфические практики коммуникативного взаимодействия, характерные для игрового сообщества и, в частности, актуализируется вопрос о том, какую форму социализации проходят дети и подростки, приобщаясь к многопользовательским игровым сервисам? Вместе с тем, последний вопрос является общим для всех форм виртуальной коммуникации, а не только для области онлайн-игр.

Итак, в настоящее время компьютерные игры представляют собой активно развивающуюся сферу, в которую вовлекается все большее число людей, и поэтому представляет большую важность изучение основных аспектов влияния онлайн-игр на общество, связанных с развитием их возможностей и социальных рисков. В этом контексте, очень важным, по нашему мнению, шагом является расширение проблемного поля, связанного с социологическим изучением онлайн-игр, с дальнейшей разработкой обозначенного выше спектра проблем.

Literature:

1. Huizinga J. Homo Ludens; Articles on the history of culture / J. Huizinga; Transl. from holand. D.V. Silvestrova. M. : Progress - Tradition, 1997. 416 p.
2. Nikitina L.N. Computer games with elements of violence as a source of messages for aggression among minors / L.N. Nikitina // ANI: pedagogy and psychology. 2018. № 3(24). P. 361–364.
3. Semeno A.A. Game-addicted youth and its psychological characteristics / A.A. Semeno // Vestnik MIEP. 2013. № 4(13). P. 39–47.

Бойко Владимир Владимирович

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры рекламы,
общественных связей
и издательского дела,
заведующий кафедрой
информационно-полиграфических
технологий,
Институт медиакоммуникаций,
медиа технологий и дизайна,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
golynsky@list.ru

Гук Ольга Анатольевна

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры рекламы,
общественных связей
и издательского дела,
Институт медиакоммуникаций,
медиа технологий и дизайна,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
golynsky@list.ru

Гольнский Валерий Болеславович

доцент кафедры
изобразительного искусства,
Крымский университет культуры,
искусства и туризма
golynsky@list.ru

Михайлова Дугма Николаевна

заместитель директора
по вопросам культуры,
региональная общественная организация
Международный центр культуры
и творчества «Женщины Крыма»
bitishudugma@gmail.com

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО КНИГОИЗДАНИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ В КРЫМУ**

Аннотация. На сегодняшний день задача всех социальных институтов, занимающихся проблемами детей, состоит в том, чтобы готовить молодежь на решение задач, понимая, что использовать опыт других поколений не представляется возможным, там он просто отсутствует. Цель исследования – изучение перспектив развития художественного книгоиздания для детей в Крыму. Применительно к книжной культуре, это означает, что существующая система книгоиздания может и должна решать задачи

Vladimir V. Boiko

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Advertising,
Public Relations and Publishing,
Head of Department
Information and Printing Technology,
Institute of Media Communications,
Media Technology and Design,
Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky
bv.10@mail.ru

Olga A. Guk

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Advertising,
Public Relations and Publishing,
Institute of Media Communications,
Media Technology and Design,
Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky
guk.olya16@gmail.com

Valery B. Golynsky

Associate Professor
of the Department of Fine Arts,
Crimean University of Culture,
Arts and Tourism
golynsky@list.ru

Dugma N. Mikhaylova

Deputy Director
on Cultural Issues,
Regional Public Organization
International Center for Culture
and the work of «Women of Crimea»
bitishudugma@gmail.com

**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF ART BOOKS FOR CHILDREN
IN THE CRIMEA**

Annotation. Today, the task of all social institutions dealing with the problems of children is to prepare young people for solving problems, realizing that it is not possible to use the experience of other generations, it is simply absent. The purpose of the research is to study the prospects for the development of art book publishing for children in the Crimea. With regard to book culture, this means that the existing system of book publishing can and must solve the problems of tomorrow, book publishers must offer society not only

завтрашнего дня, книгоиздатели должны предложить обществу не только произведения, аккумулирующие опыт прошлых лет, но и создавать принципиально новые, креативные типы, виды, жанры детской литературы.

Ключевые слова: социальные институты, социологические исследования, творческая деятельность, креативная индустрия, книгоиздатели, дети, Крым.

works that accumulate the experience of past years, but also create fundamentally new, creative types, types, genres of children's literature.

Keywords: social institutions, sociological research, creative activity, creative industry, book publishers, children, Crimea.

Введение.

Литература для детей в издательских портфелях крымских издательств занимает ничтожно малый процент; многие издательские проекты в области детской печатной периодики оказались недолговечными из-за отсутствия финансовой поддержки; местные авторы, пишущие для детей (многие из них действительно пребывают в почтенном возрасте) не всегда предлагают аудитории качественный продукт, а сама аудитория отвечает отсутствием интереса к их произведениям. В то же время, Крым знает и немало примеров реализации успешных и интересных издательских проектов для детей, существует множество примеров издания качественно подготовленных и выпущенных на высоком уровне полиграфического исполнения детских книг. Изучение и обобщение опыта издания детской литературы в Крыму представляется актуальной темой исследования. На основе знания исторического опыта и понимания проблем сегодняшнего дня можно прогнозировать развитие книгоиздательской отрасли в будущем и вырабатывать рекомендации по модернизации выпуска литературы для детей [1–4].

Постановка задачи.

Рассмотреть перспективы развития художественного книгоиздания для детей в Крыму.

Ход исследования.

Для того чтобы лучше оценить перспективы развития детского книгоиздания в Крыму, необходимо определиться с интересами и запросами читательской аудитории, понять, читают ли дети книги вообще, и, если читают, то какие. С целью выявления читательских интересов детской аудитории, нами в течение 2020-2021 учебного года проводился опрос обучающихся симферопольских школ. Всего было опрошено 352 респондента, из которых 124 – учащиеся 5-х классов, 74 – учащиеся 6-х классов, 50 – учащиеся 7-х классов, 104 – учащиеся 9-х классов. Были заданы 4 вопроса. Первый вопрос звучал так:

1. Как часто вы читаете произведения художественной литературы, кроме тех, которые предусмотрены школьной программой?

- а) Регулярно – 124 респондента.
- б) Изредка – 122 респондента.
- в) У меня на это не хватает времени – 44 респондента.
- г) Я не люблю читать книги – 62 респондента.

Результаты ответов представлены на нижеследующей диаграмме (рис. 1).

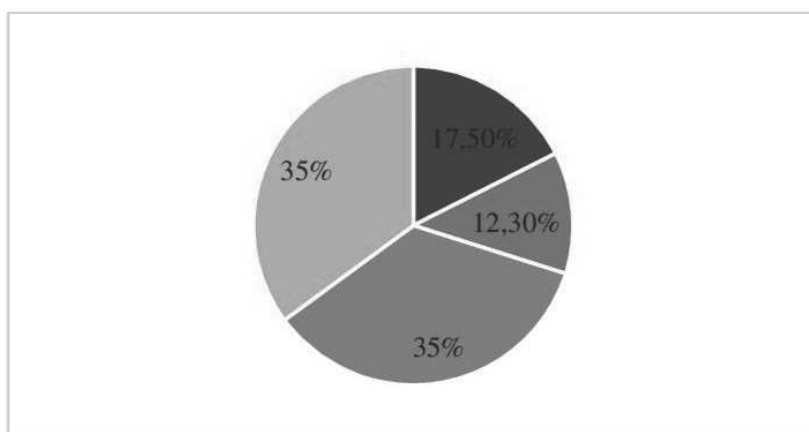

Рисунок 1 – Как часто вы читаете произведения художественной литературы, кроме тех, которые предусмотрены школьной программой?

Источник: построено авторами.

Таким образом, лишь треть опрошенных регулярно читает художественную литературу. Настоятельно хочется отметить тот факт, что каждый шестой респондент честно признался, что не любит читать книги.

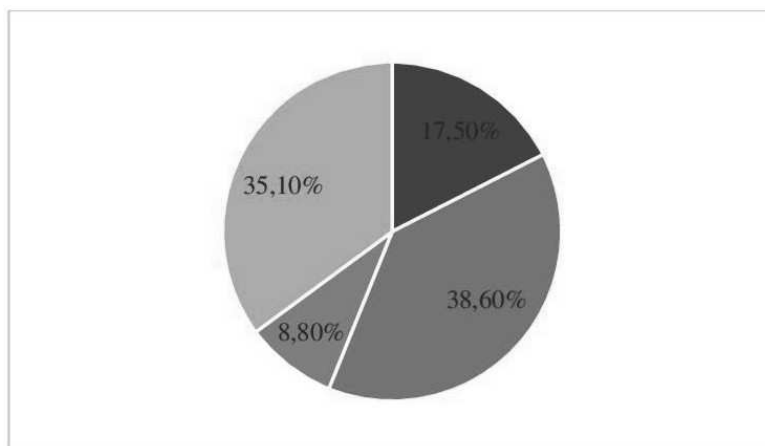
Второй вопрос можно считать продолжением первого, он звучал так:

2. Сколько книг, не входящих в школьную программу, вы прочитываете в течение года?

- а) до 5-ти – 136 респондентов.
 б) 5–10 – 124 респондента. в) 10–20 – 30 респондентов.

г) Много, всех не сосчитать – 62 респондента.

Результаты ответов показаны на диаграмме (рис. 2).

Рисунок 2 – Сколько книг, не входящих в школьную программу, вы читываете в течение года?
 Источник: построено авторами.

Таким образом, из всех респондентов, регулярно читающих художественную литературу, лишь четверть читывает большое количество книг в течение года. Три четверти всех опрошенных читают не более 10 книг в год, что примерно составляет 1 книгу в месяц.

Третий вопрос анкеты звучал так:

3. Отметьте тех крымских детских писателей, произведения которых вы когда-либо читали:

- а) Владимир Орлов.
- б) Светлана Ягупова.
- в) Владислав Бахревский.
- г) Виктор Вилеко.
- д) Виктор Домбровский.
- е) Вячеслав Килеса.
- ж) Лев Рябчиков.
- з) Юрий Поляков
- и) Лидия Огурцова.
- к) Ваш вариант.

Ответы на этот вопрос показали, что крымские школьники в большей или меньшей степени слышали имена перечисленных писателей и читали их произведения. Абсолютным лидером узнаваемости стал Владимир Орлов, его назвали почти 2/3 опрошенных. На втором месте с большим отставанием оказался Лев Рябчиков (31,5 %). Произведения остальных писателей из предложенного списка читали от 10 до 15 % опрошенных. Свой вариант ответа не выбрал ни один школьник, возможно, респонденты затруднялись с определением того, крымскими ли являются те или иные детские писатели.

И еще одна тенденция прослеживается: учащимся 5–6-х классов намного больше знакома литература крымских авторов, чем старшеклассникам. В примерно одинаковом количестве во всех классах называли лишь фамилии Владимира Орлова и Льва Рябчикова. Остальных авторов девятиклассники почти не называли, их указывали лишь учащиеся средних классов.

Важным для понимания актуального репертуара детской литературы, востребованной в среде крымских школьников, стал вопрос № 4:

Если бы на ближайший день рождения друга решили подарить вам книгу, назовите 2–3 книги, которые вы больше всего хотели бы получить в качестве подарка.

Здесь разброс вариантов в ответах оказался настолько сильным, что какой-то четкой тенденции выявить практически невозможно. Главным образом, называли современные бестселлеры и некоторые классические произведения в основном зарубежных авторов. Причем, некоторые произведения оказались в равной степени популярными и среди 5-классников, и среди учащихся 9-х классов. Чаще других назывались такие произведения: романы о Гарри Поттере, «Зеленая миля», «Сияние» С. Кинга, «Божественная комедия» Данте, «Гравити Фолз», Холли Вебб, «Тонкое чувство пофигизма», «Маленькие женщины», «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда.

В то же время, есть и различия в читательских предпочтениях детей среднего школьного и старшего школьного возраста. Например, 5–6-классники чаще называли книги Ж. Верна, произведения «Маленький принц» Сент-Экзюпери, «Машина времени» Г. Уэллса, «Алиса в стране чудес», «Алиса в Зазеркалье» Л. Керрола, «Робин Гуд», «Робинзон Крузо» Д. Дефо. Для девятиклассников более актуальными оказались романы С. Кинга, Ч. Паланика, такие произведения как «Метро», «Тысяча сияющих солнц», «Дневник

памяти», «Тревожные люди» Б. Фредерика, «Рассказы о Шерлоке Холмсе» А. Конан-Дойля, «Властелин колец», «Каролина в стране Кошмаров», «Как приручить дракона» и другие. Из произведений отечественных авторов назывались «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Мы» Е. Замятина, «Яма» А. Куприна, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Ни одно из произведений крымских авторов названо не было.

Выводы: Какой вывод для крымских издателей напрашивается из результатов опроса? Перспективными для издания могут быть лишь книги известных, раскрученных авторов, но авторские права на издание многих популярных произведений выкуплены столичными издательствами, и региональным на этом поле работать сложно. Что касается произведений крымских писателей, адресованных детской аудитории, местные издательства могут их издавать лишь при финансовой поддержке государства (например, по решению Издательского совета), благотворительных пожертвований со стороны спонсоров или за счет собственных средств авторов. Речь не идет о том, что издательства могут рассчитывать на какую-то долю прибыли от издания детской литературы крымских авторов, финансовая поддержка нужна для компенсации расходов на допечатную подготовку и непосредственно печать книг.

На наш взгляд, необходимо принятие программы развития детского художественного книгоиздания в Крыму, предусматривающей реализацию различных проектов. Одним из перспективных направлений работы по продвижению детской книги считаем организацию в Симферополе или каком-нибудь южнобережном городе ежегодной выставки-ярмарки детской книги. Можно предложить указанному мероприятию присвоить имя Владимира Орлова, которого называли «Крымским Маршаком».

На выставке могут быть представлены детские и подростковые книжные и журнальные издания, различная полиграфическая продукция – детские открытки, путеводители, карты и прочее. Возможна также мультимедийная продукция. На книжных ярмарках собирается множество

Литература:

1. *Волоскова С.* Что читать детям, или практический взгляд Фребелевского общества на детскую литературу XIX века / С. Волоскова // Детские чтения. 2019. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/cto-chitat-detyam-ili-prakticheskiy-vzglyad-frebele-vskogo-obschestva-na-detskuyu-literaturu-xix-veka>
2. *Петрова С.А.* Современная русская детская литература: миф или реальность? / С.А. Петрова // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 3. № 1. С. 66–78.
3. *Макаренко Е.Ю.* Детские иллюстрированные журналы в условиях постсоветской трансформации / Е.Ю. Макаренко // Вестник Волжского университета. 2018. Т. 1. № 1. С. 128–137.

издательств, которые предлагают свои новинки и редкие издания по оптовым ценам. Для издательства ярмарка является не только способом заработка, но и возможностью познакомиться с людьми со своей издательской продукцией. Издательства следует убедить в том, что эта ярмарка в первую очередь выгодна для них, они ничего не потеряют, но зато многое получат. К участию можно призвать такие крымские издательства как «Издательство и типография «Таврида», «Бизнес-Информ», «Крымиздат», «Доля», «Н. Орианда», «Ариал» и прочие.

Также, на наш взгляд, следует пригласить представителей крупных детских издательств, которые известны своими креативными, оригинальными, качественными и интерактивными изданиями. Например, издательство «Самокат», которое выпускает книги, которые созвучны современным детям, но при этом не устаревают с годами. За почти 20 лет существования издательство получило много наград в России и профессиональное признание на международном уровне. Ирина Балахонова – один из основателей и главный редактор издательства – частый гость различных книжных фестивалей и ярмарок. Было бы целесообразно предложить таким людям активное участие и в крымской ярмарке детской книги.

Встречи с писателями, презентации книг, показ мультфильмов и диафильмов, конкурсы, выступления чтецов, поэтические перформансы, спектакли, театрализованные чтения, тренинги для родителей (например, как читать, обсуждать и выбирать книги для ребенка и о том, как стать родителем читающего ребенка) – вот основные мероприятия, которые способны украсить любую выставку-ярмарку.

Список мероприятий должен быть таков, чтобы книжная ярмарка создала сильную конкуренцию для ТРЦ (торгово-развлекательных центров) и кинотеатров, чтобы люди могли не только купить книги по низким издательским ценам, но и познакомиться с писателями, поучаствовать в мастер-классах и других активностях совершенно бесплатно.

Literature:

1. *Voloskova S.* What to read to children, or a practical view of the Fröbel society on children's literature of the 19th century / S. Voloskova // Children's readings. 2019. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/cto-chitat-detyam-ili-prakticheskiy-vzglyad-frebele-vskogo-obschestva-na-detskuyu-literaturu-xix-veka>
2. *Petrova S.A.* Modern Russian literature for children: myth or reality? / S.A. Petrova // Bulletin of RUDN. Series: Literary criticism. Journalism. 2018. Vol. 3. № 1. P. 66–78.
3. *Makarenko E.Yu.* Children's illustrated magazines in the post-Soviet transformation / E.Yu. Makarenko // Bulletin of the Volga University. 2018. Vol. 1. № 1. P. 128–137.

4. *Савченко Л.В.* Словарь-справочник издателя, редактора, полиграфиста, блогера и дизайнера: термины и профессионализмы : учеб. пособие / Л.В. Савченко, О.Ю. Шум. Симферополь : ФГАОУ ВО КФУ имени В.И. Вернадского, 2017. 236 с.

4. Dictionary-reference book of the publisher, editor, printer, blogger and designer: terms and professionalisms : manual / L.V. Savchenko, O.Yu. Shum. Simferopol : FGAOU VO KFU named after V.I. Vernadsky, 2017. 236 p.

Бояринова Ирина Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
boyarinova@bsu.edu.ru

Реутова Марина Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
reutova@bsu.edu.ru

Начкебия Майя Севериановна

старший преподаватель
кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
nachkebiya@bsu.edu.ru

Irina V. Boyarinova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Social Technology
and Public Service,
Belgorod State National
Research University
boyarinova@bsu.edu.ru

Marina N. Reutova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Social Technology
and Public Service,
Belgorod State National
Research University
reutova@bsu.edu.ru

Maya S. Nachkebiya

Senior Lecturer
Department of Social Technology
and Public Service,
Belgorod State National
Research University
nachkebiya@bsu.edu.ru

**ГЕРОНТОСТЕРЕОТИПЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА ОБРАЗ ЖИЗНИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП**

Аннотация. В статье проанализировано влияние на образ жизни негативных стереотипов на самоограничительные установки и практики представителей старших возрастных групп регионального сообщества. Показано, что подавляющее большинство лиц старшего поколения ведет образ жизни, субъективно соответствующий некой «возрастной» норме. В наибольшей мере давление интериоризированных стереотипов в отношении своего возраста, проявляется в гедонистической и потребительской сферах.

Ключевые слова: пожилое население, возраст, образ жизни, дискриминационные практики, геронто-стереотипы, интериоризация.

Введение. Мировая тенденция увеличения продолжительности жизни привлекла повышенное внимание ученых и практиков к проблеме качества жизни представителей старших возрастных групп (пожилого, старческого возраста и долгожителей). В последние годы интерес к данной теме возрос и в среде социологов, в том числе,

**GERONTOSTEREOTYPES AND THEIR
INFLUENCE ON THE LIFESTYLE
OF OLDER AGE GROUPS**

Annotation. The article analyzes the influence of negative stereotypes on the lifestyle of self-limiting attitudes and practices of representatives of older age groups of the regional community. It is shown that the vast majority of the older generation leads a lifestyle that subjectively corresponds to a certain «age» norm. To the greatest extent, the pressure of internalized stereotypes regarding one's age is manifested in the hedonistic and consumer spheres.

Keywords: elderly population, age, lifestyle, discriminatory practices, gerontostereotypes, internalization.

благодаря актуализации в научно-практическом дискурсе проблемы распространенности в массовом сознании негативных стереотипов относительно старости у представителей этого возрастной группы (геронтостереотипов) [1]. Например, А.В. Микляева, анализируя результаты исследований, направленных на изучение геронто-стерео-

типов, убедительно доказывает «влияние характера возрастных стереотипов на продуктивность деятельности пожилого человека, его психологический статус, соматическое состояние» [2].

Представители старших возрастов, являясь наиболее стереотипизированной социально-демографической группой, усваивая негативные геронтостереотипы массового сознания, начинают вести себя «пожилым» образом [3]. И хотя геронтостереотипы представляют собой сочетание положительных и отрицательных суждений, однако, в современном мире преобладают негативные [4]. Существовая в массовом сознании, последние обуславливают не только возрастную дискриминацию (эйджизм), но, интериоризуясь представителями старшего поколения, могут способствовать их самоограничительным установкам и практикам (самозэйджизму) [5].

Как утверждает Е.В. Щанина, «с достижением пожилого возраста значительно меняется образ жизни людей. Проблемная ситуация их образа жизни состоит в переплетении нескольких тенденций. До наступления пожилого возраста люди были связаны с обществом, производством, общественной деятельностью. Прекращение или ограничение трудовой и общественной деятельности влечет изменение ролевых функций, места

в социальной структуре, в социальных институтах, в отношениях и связях с другими группами, особенно с молодежью» [6]. Поэтому, анализ факторов, которые определяют избирательный характер интериоризации негативных геронтостереотипов и противодействие им, являются необходимым условием в преодолении самодискриминационных установок и практик граждан старшего поколения.

Материалы и методы исследования. Эмпирической базой послужили результаты социологического опроса пожилых людей, проведенного в Белгородской и Воронежской области (N = 800), выборка квотная, репрезентативная по полу, возрасту и месту поселения. Предметом исследования выступают типичные формы повседневного поведения граждан старшего поколения, способы организации и самоорганизации ими своей жизни в конкретных социальных условиях.

Результаты исследования и их обсуждение.

Подавляющее большинство (80,8 %) лиц старшего поколения ведет образ жизни, субъективно соответствующий некой «возрастной» норме. Но пятая часть (19,3 %) респондентов подчеркнуло наличие у них занятий, не принятых среди большинства лиц их возраста (табл. 1).

Таблица № 1

По вашему мнению, Ваш образ жизни соответствует образу жизни большинства людей вашей возрастной группы?

Валидные	Значения	Частота	% от ответивших
1	Такой же, как и у большинства людей этого возраста	646	80,8
2	У меня есть занятия, которые среди большинства людей моего возраста не приняты	154	19,3
	Итого ответивших:	800	100,0

Значительно большая доля лиц старшего поколения (74,3 %) хотя бы эпизодически совершает действия, выходящие за пределы «возрастной» нормы. Доля последователей «нонконформистов» невелика – всего 5,3 % опрошенных постоянно нарушают сложившиеся в обществе стереотипы в отношении пожилых людей. Но еще 34,6 % приходится действовать вопреки социальным стереотипам периодически, и 34,5 % – редко.

В наибольшей мере давление интериоризированных стереотипов в отношении своего возраста, как показали результаты опроса, проявляется в гедонистической и потребительской сферах. Так, 51,4 % опрошенных сказали, что им приходилось отказываться от каких-то удовольствий,

радостей, желаемых вещей в пользу более молодых людей, потому что подумали: «Я свое уже получил, получил». Не приходилось это делать 36,5 % опрошенных.

42,4 % опрошенных случалось отказываться от покупки модной одежды или аксессуаров, от модной прически и пр. из-за субъективного представления об их ненормативности применительно к возрасту. Не приходилось этого делать 46,6 % опрошенных. Однако не следует интерпретировать это так, что эти люди позволяли себе вышеозначенные покупки или услуги. Скорее всего, у большей части из них не возникало даже подобного желания из-за укорененности соответствующих стереотипов (табл. 2).

Таблица № 2

Случалось ли Вам отказываться от какой-либо одежды, обуви, прически, каких-то предметов внешнего вида (очки, украшения, сумка) из-за того, что они Вам уже не по возрасту, в Вашем возрасте такое уже не носят?

Валидные	Значения	Частота	% от ответивших
1	Да	339	42,4
2	Нет	373	46,6
3	Затрудняюсь ответить	88	11,0
	Итого ответивших:	800	100,0

39,0 % участников опроса отказывались от своей мечты (путешествия, приобретение каких-то новых знаний, умений, знакомства, совершение каких-то нестандартных поступков), желаемого образа жизни, потому что они думали, что уже не в том возрасте, чтобы это оказалось возможным. Не приходилось отказываться от этого 43,9 % опрошенных. Но и в данном случае нужно признать, что из этой доли респондентов, скорее всего, большая часть и не позволяла себе такой мечты.

38,3 % респондентов в силу возрастных самоограничений приходилось отказываться от участия в каких-то мероприятиях, конкурсах, соревнованиях, образовательных и др. программах, в работе секций, клубов по интересам, объединениях, и 46,0 % – не приходилось. И здесь также нужно иметь в виду, что реальная доля отказов или, точнее, изначального неприятия участия в подобных практиках – намного выше.

27,3 % опрошенных удерживали себя от высказывания своего мнения, отстаивания своей позиции,

решения, потому что думали, что к словам и решениям пожилых людей окружающие относятся скептически, не принимают в расчет или что в их возрасте уже нельзя быть уверенным в правильности своих решений. Не приходилось этого делать 61,4 % респондентов.

От знакомств с кем-либо, отношений, общения, в том числе в какой-либо компании из-за стеснения своего возраста приходилось отказываться 20,4 % опрошенных, не приходилось – 60,3 %.

Утрату субъектности остро ощущают 14 % опрошенных. Из них 3,3 % признались в том, что за них постоянно принимает решения кто-то другой, ссылаясь на их возраст, и еще 13,1 % – что это происходит часто. Не исключено, что в действительности соответствующая доля респондентов больше – просто не всем приятно призываться в том, что кто-то вместо них принимает важные для них решения. Иногда сталкиваются с такой ситуацией 31,4 % опрошенных и редко – 20,8 %. Никогда не делегировали свои решения другим 24,5 % респондентов (табл. 3).

Таблица № 3

Случалось ли, что учитывая Ваш возраст, кто-то другой за Вас принимал решения относительно Вашей жизни, определял, что для Вас будет правильно и как будет лучше?

Валидные	Значения	Частота	% от ответивших
1	Да, постоянно	26	3,3
2	Часто	105	13,1
3	Иногда	251	31,4
4	Редко	166	20,8
5	Никогда	196	24,5
6	Затрудняюсь ответить	56	7,0
	Итого ответивших:	800	100,0

Отношение близкого окружения к планам пожилых людей и действиям, направленным на их реализацию, по оценке самих людей старшего поколения, можно охарактеризовать как позитивно-сдержанное: у 32,3 % опрошенных их близкие в основном поддерживают и помогают в реализации жизненных планов, у 23,1 % – иногда поддерживают, иногда высказывают скептическое отношение, у 12,8 % – относятся к ним нейтрально или равнодушно, и у 1,5 % жизненные планы встречают негативное отношение. Нужно также иметь в виду, что у пятой части респондентов (19,8 %) вообще нет таких планов, и еще 10,6 % затруднились с ответом.

Большинство опрошенных пожилых людей, в той или иной мере, уверены в собственной возможности влиять на личную жизненную ситуацию – начиная от собственного самочувствия и заканчивая обстановкой в доме и во дворе. Так, 50,1 % опрошенных убеждены, что от них самих в полной мере зависят их круг общения и отношения в нем, еще 40,5 % – что, скорее, зависят, и 9,4 % – скорее, не зависят. На ситуацию в подъезде, доме, дворе в полной мере могут влиять 27,8 % опрошенных, скорее, могут, 42,4 %, скорее, не могут 29,9 %. Думают, что в полной мере от них самих зависят организация быта и решение их повседневных проблем и вопросов, 48,3 % респондентов, скорее, зависят – 43,1 %, не зависят – 8,6 %.

В полной мере зависят от них самих образ жизни, события и изменения в жизни с точки зрения 48,9 % опрошенных, скорее, зависят – 41,3 %, скорее, не зависят – 9,9 %. Круг интересов и их реализация, занятия, возможности обучения и развития в полной мере от них самих зависят с точки зрения 46,8 % опрошенных, скорее, зависят – 40,9 %, скорее, не зависят – 12,4 %. Самочувствие, процессы выздоровления и состояние здоровья в полной мере от них самих зависят с точки зрения 42,5 % опрошенных, скорее, зависят – 42,3 %, скорее, не зависят – 15,3 %.

Таким образом, люди старшего поколения ощущают достаточно сильную уверенность в возможности своего влияния и контроля жизненной ситуации, особенно проявляющуюся в повседневной коммуникации, организации быта и решении повседневных проблем. В наименьшей степени прослеживается возможность влияния в пределах локального соседского сообщества – но это закономерно и для остальных возрастных групп.

Проведенное исследование показало, что негативные геронтостереотипы активно влияют на образ жизни пожилых людей, который, в большей степени нацелен на общепринятое представление. Люди старшего поколения, как правило, отступают от своих целей, планов, в силу собственного представления о том, что в их возрасте это

им уже «не по плечу», реже действуют вопреки мнению окружающих «о правильном и неправильном в этом возрасте», отказываясь отстаивать свою позицию. Они чаще отказываются от удовольствий, радостей, желаемых вещей в пользу более молодых людей, считая себя недостойными их.

Литература:

1. Колпина Л.В. Влияние эйджиских стереотипов на формирование самоограничительных практик граждан старшего поколения / Л.В. Колпина, Е.В. Реутов // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 2. С. 32–45.
2. Микляева А.В. Содержание возрастных стереотипов: эмпирическая типология / А.В. Микляева // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал. 2014. № 2. С. 2148–2148.
3. Колпин Л.В. Планирование жизни в пожилом возрасте и его влияние на самоограничительные установки и практики представителей старшего поколения / Л.В. Колпина, И.В. Бояринова // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 5. С. 15–34.
4. Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция / Т.В. Смирнова // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–55.
5. Колпина Л.В. Теоретические аспекты исследования механизма избирательной интериоризации негативных геронтостереотипов населением старших возрастных групп / Л.В. Колпина, М.Н. Реутова // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 2. С. 153–161.
6. Щанина Е.В. Адаптация пожилых людей в условиях российской реальности / Е.В. Щанина // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 12. С. 143–147.

Таким образом, для преодоления самоограничительных практик существенная роль принадлежит развенчанию негативных геронтостереотипов, выведению их на уровень сознания, а также механизмов и последствий их влияния на качество жизни старшего поколения.

Literature:

1. Kolpina L.V. Ageism Influence of stereotypes on formation of self-restricting practices senior citizens / L. V. Kolpina, E. V. Reutov // Central Russian Journal of Social Sciences. 2019. Vol. 14. № 2. P. 32–45.
2. Miklyaeva A.V Content age stereotypes: an empirical typology / AV Miklyaeva // Letters to the Issue. Offline: electronic scientific journal. 2014. № 2. P. 2148–2148.
3. Kolpina L.V. Planning of life in the elderly and its impact on austerity install and practices of the older generation / L.V. Kolpina, I.V. Boyarinova // Central Russian Journal of Social Sciences. 2020. Vol. 15. № 5. P. 15–34.
4. Smirnova T.V. The Elderly: a stereotypical image and social distance / T. V. Smirnova // Sociological Research. 2008. № 8. P. 49–55.
5. Kolpina L.V. Theoretical aspects of the study of the mechanism of selective internalization of negative gerontostereotypes by the population of older age groups / L.V. Kolpina, M.N. Reutova // Social competence. 2019. Vol. 4. № 2. P. 153–161.
6. Shanina E.V. Adaptation of elderly people in the conditions of Russian reality / E.V. Shanina // Socio-economic phenomena and processes. 2015. Vol. 10. № 12. P. 143–147.

Гапич Александр Эрикович
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии,
Северо-кавказский
федеральный университет
eversor@mail.ru

Асатрян Светлана Сергеевна
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии,
Северо-кавказский
федеральный университет
asatryan_78@list.ru

Минкина Ольга Валерьевна
кандидат педагогических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии,
Северо-кавказский
федеральный университет
olga_minkina@inbox.ru

ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТЕНТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И МОЛОДЕЖНЫЙ РАДИКАЛИЗМ: ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Современные социальные науки уделяют пристальное внимание проблемам радикализации и политизации молодежи и роли в этих процессах социальных сетей. Определенная сложность заключается в том, что при наличии теоретико-методологической базы, в социальных и политических науках все еще отсутствует разделяемое научным сообществом понимание методов сбора, интерпретации и анализа данных для прикладных исследований подобного рода. В статье, подготовленной в рамках реализации научного проекта «Визуальная репрезентация протеста современной молодежи в социальных сетях: политизация и радикализация» при поддержке РФФИ, подвергаются анализу существующие методы и подходы изучения визуального контента социальных сетей, раскрываются трудности, возникающие в процессе эмпирических исследований подобного рода.

Ключевые слова: визуальный контент, молодежный радикализм, большие данные, визуальная социология, социально-сетевой анализ.

Alexander E. Gapich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Sociology,
North Caucasus Federal University
eversor@mail.ru

Svetlana S. Asatryan
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Sociology,
North Caucasus Federal University
asatryan_78@list.ru

Olga V. Minkina
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Sociology,
North Caucasus
Federal University
olga_minkina@inbox.ru

VISUAL CONTENT OF SOCIAL NETWORKS AND YOUTH RADICALISM: KEY METHODOLOGICAL APPROACHES AND CONCEPTUAL RESEARCH DESIGN

Annotation. Modern social sciences pay close attention to the problems of radicalization and politicization of youth and the role of social networks in these processes. A certain difficulty lies in the fact that despite having a theoretical and methodological basis, social and political sciences still lack a shared scientific understanding of the methods of data collection, interpretation and analysis for applied research of this kind. The article prepared within the framework of the research project «Visual representation of contemporary youth protest in social networks: politicization and radicalization» supported by the RFBR analyzes the existing methods and approaches to study the visual content of social networks, reveals the difficulties arising in the process of empirical research of this kind.

Keywords: visual content, youth radicalism, big data, visual sociology, social network analysis.

Сегодня уже более 85 % молодежи в нашей стране ежедневно пользуется различными социальными сетями. Молодые люди и подростки в России достаточно быстро осваивают различные возможности социальных сетей. Наряду с положительными свойствами, использование виртуальных сетевых структур несет за собой и ряд негативных последствий, к которым, безусловно, относится и формирование высокого уровня радикализма в молодежной среде¹.

Принимая во внимание то, что гораздо большая часть от общего количества контента, генерируемого социальными сетями, составляет фото и видео-трафик, представляется целесообразным оценить его влияние на повышение уровня радикализма в молодежной среде с позиций современных социальных наук.

Современное российское социально-философское знание ориентируется на постулат о том, что молодежь является фактором риска для социально-политического и экономического развития страны [5]. Кроме того, многие исследования, проведенные за последние пять лет говорят о том, что социальные сети являются важной детерминантой, существенно повышающей риски молодежной радикализации [7].

Под молодежным радикализмом чаще всего понимаются определенные социально-политические и психологические установки личности молодого человека, направленные на бескомпромиссные и решительные фундаментальные трансформации существующих норм, правил и социального устройства общества [6]. Радикализация различных молодежных социальных групп и субкультур сегодня является не только общероссийским трендом, но и проблемой, характерной для всего мира. Причины этого зачастую весьма различны. Но многие исследователи и представители социальной практики единодушно сходятся в мнении о том, что именно контент социальных сетей является важным фактором увеличения уровня радикализма в молодежной среде безотносительно географической привязки, стран или регионов [1].

Развивающаяся область визуальной аналитики в современной социальной парадигме объединяет преимущества различных подходов для понимания визуального анализа социальных сетей. Кроме традиционных социологических и философских концепций и теорий это еще и анализ больших данных, машинное обучение, а также применение нейронных сетей в процессе получения и анализа визуального контента виртуальных социальных сетей. Визуальная аналитика фокусируется также на аналитических разработках, фиксируемых интерактивными визуальными интерфейсами [9]. Это междисциплинарная область, объединяющая визуализацию, исследование поведенческих факторов и анализ больших данных.

Визуальный контент виртуальных сетей представляет собой социально значимую информацию, представляемую в виде фотографий, видеозаписей, графики, рисунков, демотиваторов и других. В настоящее время представители политических наук подчеркивают необходимость изучения факторов, определяющих намерения пользователей делиться визуальным контентом в социальных сетях. Сегодня все большая доля контента в социальных сетях является визуальным. К визуальному типу контента относятся и фотографии, которыми пользователи могут делиться с помощью тегов.

В рамках проведения исследования «Визуальная репрезентация протеста современной молодежи в социальных сетях: политизация и радикализация» был осуществлен обзор основных концептуальных подходов, используемых при изучении влияния медиаконтента на процессы политизации и радикализации молодежи. Основным теоретическим подходом исследования стали концептуальные положения визуальной социологии. В основе аналитики визуального лежат принципы «понимающей социологии» М. Вебера. Большой вклад в развитие визуальной социологии внесли идеи мотивов индивида Г. Зиммеля и «принцип понимающего переживания» В. Дилтея [2].

Феноменологический подход также внес существенный вклад в развитие современной визуальной социологии. В частности, отдельные элементы концепта жизненного мира и понятие повседневности сегодня активно используются исследователями визуального. Особую ценность для приверженцев визуальной социологии представляет драматургическая социология И. Гофмана. Согласно его теории, визуальные образы являются собой неформальные правила и закономерности социального поведения индивидов, выраженные в формате фотографии [3].

Один из первых исследователей в области визуальной социологии Г. Беккер говорил о том, что люди никогда не фотографируют то, что не вызывает у них интереса. Интеграция анализа визуальных образов и социологии с целью познания реальности стала центральной идеей его деятельности [8]. Ф. Трешер при исследовании молодежной преступности использовал множество фотографий уличных банд [12].

Обладая многими преимуществами при изучении молодежного радикализма, визуальная социология имеет и серьезное методологическое ограничение, заключающееся в констелляции объективных и субъективных факторов, а также позиции самого исследователя. Для преодоления этого ограничения чаще всего используют теоретическую рамку визуальной социологии в сочетании с эмпирическим анализом больших объемов визуального контента социальных сетей.

Основной теоретической рамкой при анализе больших объемов визуальных данных является

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Визуальная репрезентация протеста современной молодежи в социальных сетях: политизация и

радикализация» при поддержке РФФИ опн (проект № 21-011-31187).

методология social network analysis или социально-сетевой анализ. Методология социально-сетевого анализа, основанная на сочетании постулатов теории графов, комбинаторики и математической статистики, позволяет выявлять ключевые узлы социальной сети и определять их свойства [4]. Один из наиболее известных сторонников социально-сетевого анализа Б. Уэллман отмечал, что данный подход представляет собой наиболее системный и объективный способ изучения различных структур, в результате применения которого можно выявить и охарактеризовать модели связей и отношений, влияющих на распределение ресурсов внутри системы [13]. Представляется, что использование методологии социально-сетевого анализа является одним из наиболее перспективных методологических подходов в исследовании процессов политизации и радикализации современной молодежи.

Прикладной анализ визуального контента социальных сетей в последние годы привлекает значительное внимание представителей как технических, так и социальных наук. В рамках разработки различных научных направлений было предложено множество методов визуальной аналитики для понимания крупномасштабных структурированных и неструктурированных данных социальных сетей. Обычно эти методы классифицируются на две большие группы. Первая группа методов акцентируется на сборе и структуризации визуального контента социальных сетей. Вторая концентрируется на понимании и объяснении поведения их пользователей.

Ранние системы анализа визуального контента социальных сетей, как правило, фокусировались на их структурных характеристиках и особенностях. Достижения в области методологии сетевого анализа данных привели к появлению более сложных методов, которые позволяют визуально фокусироваться на важных локальных структурах или семантически организовывать визуализацию определенного вида медиаконтента. К настоящему времени научное сообщество визуальных аналитиков активно разрабатывает новые визуальные подходы к представлению данных социальных сетей, включая представление смежности и визуальные конструкции, которые фокусируются на временной динамике [14].

Зрелость многих из этих подходов привела к появлению широкого спектра прикладных работ в этой области. Сюда входят приложения для анализа визуального контента, разработанные для понимания сетевой динамики в тех областях, где данные социальных сетей являются наиболее актуальными. К таковым относится и анализ уровня радикализации современной молодежи [10].

В последнее время проведено множество прикладных исследований, направленных на исследование и понимание коллективного поведения пользователей с использованием большого массива данных социальных сетей. Особенно растет интерес процессу распространения визуального контента, который изучается с разных сторон, например, с позиций соответствия тематики и настроения пользователей [15].

Большой интерес для анализа визуального контента, распространяемого в социальных сетях радикализованной молодежью, имеет понимание аффективных изображений [11]. Выявление аномального или неприемлемого поведения пользователей социальных сетей на основе анализа визуального контента, который они формируют, является перспективным направлением для его исследования в русле социальных наук.

Представляется, что в настоящее время существует ряд определенных методологических сложностей при конструировании концептуального дизайна исследования влияния визуального контента социальных сетей на процесс радикализации молодежи. Во-первых, проблема необходимости анализа большого объема данных может быть решена путем объединения интерактивной визуализации, natural language processing и мультимедийных методов. В будущем, вероятно, будут предложены более эффективные методы для обработки крупномасштабных визуальных потоковых данных социальных сетей. Во-вторых, проводимые в настоящее время исследования отображают смысл изображений и видео, не рассматривая их метаданные или семантическую информацию.

Анализ и понимание достоверности визуального контента, собранного из социальных сетей, остается сложной задачей. На достоверность информации могут влиять различные факторы, такие как доверие к пользователям и надежность применяемых методов сбора данных.

Кроме того, сегодня еще не существует стандартного принципа проектирования при анализе визуального контента пользователей социальных сетей. В социальных науках нет какой-либо одной разделяемой большинством исследователей теории, иллюстрирующей поведение пользователей при производстве и распространении визуального контента в социальных сетях. Исходя из этого тезиса для обеспечения всестороннего понимания и представления поведения пользователей необходимы теоретические исследования как в области социальных наук, так и в области визуализации больших объемов визуальной информации.

Несмотря на достигнутый исследовательским сообществом прогресс в анализе различных типов данных социальных сетей, сегодня еще остается много нерешенных проблем. Одной из них является проблема быстрого масштабирования различных типов социальных сетей. Мультимодальный аспект данных социальных сетей также становится все более сложным. Данные генерируются в различных видах из большего числа источников и передаются огромному количеству пользователей. Это означает, что методы анализа визуального контента социальных сетей, которые используют в основном структурированный контент, должны сочетаться с нетривиальной аналитикой, сконцентрированной на неструктурированных данных, таких как видео или фото.

Таким образом, при проектировании концептуального дизайна исследования влияния визуального контента социальных сетей на процесс

радикализации молодежи, необходимо опираться на теоретические постулаты визуальной социологии. Основным методологическим подходом при подобном рода исследованиях является

Литература:

1. *Бааль Н.Б.* Методы профилактики политического экстремизма молодежи / Н.Б. Бааль // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2012. № 1(1). С. 293–297.
2. *Богданова Н.М.* Анализ социально-философских оснований исследования визуального в истории социологии / Н.М. Богданова // Вестник СамГУ. 2011. № 85. С. 28–34.
3. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалёва. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
4. *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии. М., 2004.
5. *Зубок Ю.А.* Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–47.
6. Психолого-педагогические превентивные технологии противодействия экстремизму в социокультурной практике европейских стран / Под ред. О.Д. Федотовой. Ростов-н/Д., 2013. С. 10–11.
7. *Самыгин С.И.* Вызовы и угрозы религиозного радикализма национальной безопасности постсекулярных обществ / С.И. Самыгин, А.В. Верещагина, А.В. Рачипа // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 2. С. 103–107.
8. *Becker H.* Exploring Society Photographically. North-western University Press. 1981. 96 p.
9. *Ganter B.* Formal concept analysis: Mathematical foundations / B. Ganter, R. Wille. Springer, Berlin, 1999.
10. Web Science 2.0: Identifying Trends through Semantic Social Network Analysis. Proceedings of International Conference on Computational Science and Engineering / P.A. Gloor [et al.]. 2009. Vol. 4. P. 215–222.
11. Visual affect around the world: A large-scale multilingual visual sentiment ontology. Proceedings of the ACM International Conference on Multimedia / B. Jou [et al.]. 2015. P. 159–168.
12. *Thrasher F.M.* The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. Chicago : Chicago University Press, 1927. P. 14.
13. *Wellman B.* Network analysis: from method and metaphor to theory and substance. Social Structures: a Network Approach / B. Wellman; Ed. by B. Wellman, S.D. Berkowitz. N.Y., 1988. P. 20.

социально-сетевой анализ, используемый в сочетании с методами сбора и обработки больших объемов неструктурированных данных.

Literature:

1. *Baal N.B.* Methods of prevention of political extremism of youth / N.B. Baal // Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. N. Novgorod, 2012. № 1(1). P. 293–297.
2. *Bogdanova N.M.* Analysis of Socio-Philosophical Foundations for the Study of the Visual in the History of Sociology / N.M. Bogdanova // Vestnik Samara State University. 2011. № 85. P. 28–34.
3. *Hoffman I.* Presenting oneself to others in everyday life / I. Hoffman; Transl. from engl. and the introductory article by A.D. Kovalev. M. : CANON-press-C, Kuchkovo Pole, 2000. 304 p.
4. *Gradoselskaya G.V.* Network measurements in sociology. M., 2004.
5. *Zubok Y.A.* Youth Extremism. Youth extremism. Essence and features of manifestation / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // Sociological research. 2008. № 5. P. 37–47.
6. Psycho-pedagogical preventive technologies to counter extremism in socio-cultural practice of European countries / Ed. by O.D. Fedotova. Rostov-on/D., 2013. P. 10–11.
7. *Samygin S.I.* Challenges and threats of religious radicalism to national security of post-secular societies / S.I. Samygin, A.V. Vereshchagina, A.V. Rachipa // Economic and Humanitarian Studies of Regions. 2016. № 2. P. 103–107.
8. *Becker H.* Exploring Society Photographically. North-western University Press. 1981. 96 p.
9. *Ganter B.* Formal concept analysis: Mathematical foundations / B. Ganter, R. Wille. Springer, Berlin, 1999.
10. Web Science 2.0: Identifying Trends through Semantic Social Network Analysis. Proceedings of International Conference on Computational Science and Engineering / P.A. Gloor [et al.]. 2009. Vol. 4. P. 215–222.
11. Visual affect around the world: A large-scale multilingual visual sentiment ontology. Proceedings of the ACM International Conference on Multimedia / B. Jou [et al.]. 2015. P. 159–168.
12. *Thrasher F.M.* The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. Chicago : Chicago University Press, 1927. P. 14.
13. *Wellman B.* Network analysis: from method and metaphor to theory and substance. Social Structures: a Network Approach / B. Wellman; Ed. by B. Wellman, S.D. Berkowitz. N.Y., 1988. P. 20.

14. A Survey on Visual Analytics of Social Media Data. IEEE Transactions on Multimedia / Y. Wu [et al.]. 2016. Vol. 18. № 11. P. 2135–2148.

15. *Xiong R.* Peoplegarden: creating data portraits for users. Proceedings of the ACM symposium on User interface software and technology / R. Xiong, J. Donath. 1999. P. 37–44.

14. A Survey on Visual Analytics of Social Media Data. IEEE Transactions on Multimedia / Y. Wu [et al.]. 2016. Vol. 18. № 11. P. 2135–2148.

15. *Xiong R.* Peoplegarden: creating data portraits for users. Proceedings of the ACM symposium on User interface software and technology / R. Xiong, J. Donath. 1999. P. 37–44.

Зейналов Гусейн Гардаш Оглы

доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
Мордовский государственный
педагогический университет
имени М.Е. Евсевьева
zggo@mail.ru

Кадакин Василий Васильевич

кандидат педагогических наук,
доцент,
президент МГПУ,
Мордовский государственный
педагогический университет
имени М.Е. Евсевьева
zggo@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. До недавнего времени в научно-педагогической литературе актуализировался процесс информатизации образования. Под этим термином понимался комплекс мер по преобразованию педагогических процессов на основе внедрения в обучение и воспитание информационной продукции, средств, технологий. Статья посвящена анализу объективных процессов цифровизации современной культуры. Учитывая проблемы, стоящие на пути цифровизации отечественной культуры, авторы считают образование ускорителем данного процесса. Ими предлагаются мероприятия перевода системы образования, процесса обучения на платформу цифровизации путем стандартизации, интенсификации процессов.

Ключевые слова: цифровизация, культура, образование, автоматизация, интенсификация, стандартизация.

До недавнего времени научно-педагогическая литература актуализировался процесс информатизации образования. Под этим термином понимался комплекс мер по преобразованию педагогических процессов на основе внедрения в обучение и воспитание информационной продукции, средств, технологий. Однако последние годы все больше мы слышим о цифровизации культуры¹.

Как следует трактовать термин «цифровизация»? Цифровизация – особый процесс в системе

¹ Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов – партнеров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет имени

Guseyn G. Zeynalov

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor
of the Department of Philosophy,
Mordovian State Pedagogical University
named after M.E. Evseveva
zggo@mail.ru

Vasilii V. Kadakin

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
President of MGPU,
Mordovian State Pedagogical University
named after M.E. Evseyev
zggo@mail.ru

DIGITALIZATION OF CULTURE AND TRANSFORMATION OF EDUCATION

Annotation. Until recently, scientific and pedagogical literature actualized the process of informatization of education. This term was understood as a set of measures to transform pedagogical processes based on the introduction of information products, tools, technologies into training and education. The article is devoted to the analysis of the objective processes of digitalization of modern culture. Taking into account the problems on the way of digitalization of Russian culture, the authors consider education to be an accelerator of this process. Measures are proposed for the transfer of the education system, the learning process to the digitalization platform through standardization, intensification of processes.

Keywords: digitalization, culture, education, automation, intensification, standardization.

культуры современного общества. В широком смысле – это объективный процесс, направленный на вытеснение всего аналогового и замена их цифровым форматом в рамках всей культуры. Философия цифровизации, ее цель – это изменение модели всей культуры от научно составляющего до технологии производства и методологии образования в целом, достижение, т.е. достичь перевода всех областей культуры на рельсы цифровых технологий. В узком смысле, цифровизация – инструмент повышения эффективности культуры на основе автоматизации, интенсифи-

И.Я. Яковлева» и ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева» по теме «Философские проблемы образования в эпоху цифровизации культуры».

кации оборота информации на основе внедрения комплекса цифровых технологий.

Как мы заметили, цифровизация культуры – это сложный комплексный процесс. Замедление цифровизации отечественной культуры происходит, благодаря человеческому (нехватка подготовленных кадров) и технологическому (отсутствует единые технические и технологические стандарты) факторам. Проблема, заключается в том, что в течение последних веков классическая наука развивалась путем дифференциации.

Цифровизация, будучи инструментом постнеклассической науки, требует целостного, комплексного подхода и интегрированной полиметодологии при исследовании предмета. По этой причине, каждая область науки предлагает свои методы, принципы исследования. Полученные результаты отдалены друг от друга, а порою противоречат друг другу. В процессе трансляции их через инструменты образования, в сознании обучающегося, а потом и специалиста происходит фрагментация знания. В результате, специалисты из различных областей культуры (науки, производства, образования) не понимают друг друга. Еще одна трудность – в отсутствии единых технологических стандартов в области цифровизации: производственных элементов, программного обеспечения, номенклатуры, документооборота и их интегрированности друг в друга, что свидетельствует об отсутствии единого управления в этих сферах. Мы только приступаем к разговорам о стандартизации в области цифровизации.

Анализ научной литературы о цифровизации свидетельствует о том, что отечественная научная мысль видит в данном инструменте культуры больше опасности. На наш взгляд, причина – в отсутствии понимания положительных моментов цифровизации, наличие противоречия между техническими возможностями цифровизации и интеллектуальными возможностями специалиста ими воспользоваться, управлять цифровыми инструментами. Нам кажется, что существующий разрыв между классической культурой и цифровой можно ликвидировать в результате трансформации и цифровизации образования в первую очередь. В связи с этим, актуализируется исследование проблем цифровизации системы образования.

На примере опыта цифровизации в Мордовском государственном педагогическом университете можем отметить, что использование в процессе обучения цифровых учебников и видеоуроков – это автоматизация учебного процесса и интенсификация освоения теоретического знания в визуализированной форме (оцифрованный формат). В таком случае, цифровизация образования – ускорение доставки оцифрованной учебной информации от источника студентам и формирования целостного знания у студентов. Цифровые учебные материалы (в зависимости от применяемой технологии – технологии виртуальной реальности, технологии дополненной реальности, технологии смешанной реальности) имеют возможность передать: текст, форму, образы, движение, цвета, звуки, раскрыть характер процессов,

эмоции и чувства людей. Такая комплексность позволяет построить новую образовательную среду на основе цифровой платформы [1].

Как мы видим, цифровизация вводит изменения по всей системе культуры образования, и реально происходят повсеместно. В результате, меняется наше образовательное пространство, образовательное время, учебный процесс, методика, буквально все. Меняемся и мы, участники образовательного процесса. Требуется постоянное совершенствование своих знаний, умений, компетенций, овладение новыми видами деятельности субъектам образования.

В данной культурной среде старая педагогика, методология, дидактика не работают. Цифровизация часть учебного процесса доверяет машинам (автоматизация), так как меняется место человека в образовательном процессе, содержание его творчества. Мы понимаем, что нужна новая методология, новая методика обучения и воспитания.

Цифровизация позволяет превратить обучающегося в самостоятельного субъекта учебного процесса, даёт ему возможность самому выбирать, цель, время, темп и программу обучения, траекторию подготовки и профессионального роста, индивидуализацию определения области и направления подготовки. Преподаватель и администрация учебного заведения сопутствуют этому и способствуют, оказывают технологическую и методико-методологическую помощь. В целостности – это и есть цифровизация обучения и образования. Обобщая сказанное, можно отметить, что педагог становится ключевым элементом цифровизации образования. Он из классического носителя знания превращается в проводника студентов в цифровой мир. Цифровая культура преподавателя включает в себя цифровую грамотность, умение создавать цифровой контент и владение способностью применения инструментов цифровых технологий (минимальный уровень программирования, поиска, анализа, синтеза, обработки, обмена информацией и обеспечения коммуникации и общения).

Цифровое обучение лучше организовать в игровой форме и коллективно, что позволит повысить вовлеченность субъектов образования в учебный процесс и улучшить линии коммуникации между ними. Это позволит студентами предмет исследования освоить синкретично и выработать практические навыки.

В цифровой среде игра превращается в методологию образования и проникает в ядро обучения, формирование модели поведения. Суть игры ни в том, чтобы подчиниться условиям, а в том понять смысл игры, осмысливать свое место и значение в игре, развивать и изменить правила игры в свою пользу. Т.е. из ведомого превратиться в ведущего. Такое обучение снижает риск фрагментации знания, позволяет восполнять его постоянно из различных источников, синтезировать знания на уровне всей команды, а также применять на практике в зависимости от ситуации в различных вариантах.

Игровая технология обучения (интеграция учебного материала) на базе цифровых инструментов широко используется и в Мордовском государственном педагогическом университете в рамках основных образовательных курсов и образовательных кружках. Такой комплексный подход к познанию знания (полипознавательность) не является отрицанием традиционных учебных методик, дисциплин, знаний, а их восполнение на метауровне и осмысление их интегративности. Возникают вопросы: Ставится ли грань между игрой и реальностью или игра сама есть часть реальности? Как вернуть человека из игры в реальный мир? Не увлекайся! (Биант).

Итак, цифровая культура предоставляет современному человеку не только технологию, но и формирует его жизненное пространство, среду существования, но и обеспечивает его обучение и образования как личности в течение всей жизни. Цифровое образование в России постепенно начинает развиваться и этот процесс все больше в стране набирает обороты. В реальности в ведущих вузах все больше образовательные программы переводятся на онлайн-формат, преподаватели стараются применять цифровые инструментарию в учебном процессе, переводя учебный материал в электронный формат и т.д. Явно, это начальный этап цифровизации образования. Еще предстоит:

- развитие средств ускоренной доставки информации и знаний от цифровых источников обучающимся;

Литература:

1. Зейналов Г.Г. Смешанная объективно-виртуальная реальность как технологическая платформа развития современного образования / Г.Г. Зейналов // *Alma mater* (Вестник высшей школы). Научно-методический журнал. 2019. № 10. С. 33–37.

2. Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01 марта 2018. URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

- разработка более эффективных методик и способов преподавания на основе цифровых инструментов;

- создание новых цифровых учебных материалов по различным дисциплинам;

- построение единой цифровой образовательной среды;

- формирование и развитие цифровой педагогики;

- производство технических ресурсов цифровизации, в том числе компьютеров, планшетов, мобильных устройств, видеосистем, интерактивных экранов по необходимым и единым стандартам;

- формирование образовательных ресурсов, в частности специальных программных обеспечений, информационно-образовательных порталов, системы дистанционного обучения, электронных библиотек и т.д.

В итоге, можно согласиться с президентом В.В. Путиным, который в своем Послании Федеральному собранию от 01 марта 2018 года указал перспективы развития образования в России: «Нужно переходить и к принципиально новым, в том числе индивидуальным технологиям обучения, уже с ранних лет прививать готовность к изменениям, к творческому поиску, учить работе в команде, что очень важно в современном мире, навыкам жизни в цифровую эпоху» [2].

Literature:

1. Zeynalov G.G. Mixed objective-virtual reality as a technological platform for the development of modern education / G.G. Zeynalov // *Alma mater* (Bulletin of the higher school). Scientific and methodological journal. 2019. № 10. P. 33–37.

2. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of March 01, 2018. URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

Кахаров Арслан Самуилович

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры
теории и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет
имени А.А. Кадырова
arслан9699@mail.ru

Рябова Татьяна Викторовна

кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка,
Военный институт
железнодорожных войск
и военных сообщений
военной академии МТО
имени генерала армии П.В. Хрулева
rtv64@bk.ru

Лугинина Анна Григорьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры
социологии и культурологии,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
luginina.anna8@mail.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
И ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация. В статье освещается взаимосвязь социокультурного пространства и языковой культуры российского общества. С точки зрения авторов, состояние социокультурного пространства российского общества, в контексте его языковой культуры, целесообразно рассматривать с позиций трехуровневой системы с опорой на аксиологический подход. Языковая культура российского общества рассматривается на государственном, общественном и индивидуально-личностном уровнях. Делается вывод о необходимости воспитания и возрождения языковой культуры как залога подъема культуры общественного мнения и реабилитации социокультурного пространства российского общества.

Ключевые слова: социокультурное пространство, российское общество, языковая культура, государственный уровень, общественный уровень, индивидуально-личностный уровень, молодежь.

Актуальность всех вопросов, связанных с социокультурным пространством, (которое изначально было неоднородным формированием)

Arslan S. Kakharov

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory and Technology of Social Work,
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov
arслан9699@mail.ru

Tatiana V. Ryabova

Candidate of Philological Sciences,
Head of the Department
of the Russian Language,
Military Institute Railway Troops
and Military Communications
MTO Military Academy
named after Army General P.V. Khrulev
rtv64@bk.ru

Anna G. Luginina

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
Sociology and Cultural Studies,
Kuban State
Agrarian University
named after I.T. Trubilin
luginina.anna8@mail.ru

**SOCIOCULTURAL SPACE
AND LANGUAGE CULTURE
OF RUSSIAN SOCIETY**

Annotation. The article highlights the relationship between the socio-cultural space and the linguistic culture of Russian society. From the point of view of the authors, the state of the socio-cultural space of Russian society in the context of its linguistic culture, it is advisable to consider from the standpoint of a three-level system based on an axiological approach. The linguistic culture of Russian society is considered at the state, social and individual-personal levels. The conclusion is made about the necessity of education and revival of linguistic culture as a guarantee of raising the culture of public opinion and rehabilitation of the socio-cultural space of Russian society.

Keywords: socio-cultural space, Russian society, linguistic culture, state level, social level, individual and personal level, youth.

и изменением языковой культуры общества в процессе проникновения западной лингвокультуры, приобретает все большую остроту. С

начала 1990 годов в российском обществе кардинально изменился социокультурный контекст, социокультурное пространство может быть охарактеризовано как пространство, находящееся в состоянии глубоких преобразований, что оказывает непосредственное влияние на статусные характеристики языка и языковой культуры общения [1; 2].

Языковая характеристика представляется важной и неотъемлемой частью характеристики личности, группы и общества в целом, являясь отражением общей культуры общества. Как справедливо указывают Г.М. Пурынычева и М.И. Шигаева, язык – это не просто средство передачи имеющегося знания, но и порождение нового знания, инновационного опыта в рамках социокультурного пространства общества. «Факты свидетельствуют о том, что реальный мир в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества» [3, с. 132].

Социокультурное пространство российского общества представляет собой особую, уникальную пространственно-временную целостность, которая является результатом функционирования культуры и языка, которые находятся в тесной взаимосвязи и духовно-аксиологическом измерении. Этот факт объясняется тем, что «культура означает совокупность материальных и духовных ценностей, которые создало человечество на протяжении своей истории», поскольку язык является «проявлением культуры», заботясь о развитии и сохранении самобытности языка, общество, тем самым, способствует сохранению национальной культуры [4, с. 232].

Важно подчеркнуть, что отдельный человек, групповое сообщество создают социокультурное пространство, а последнее, в свою очередь, создает отдельного человека, групповое сообщество. Человек реализуется в культуре мысли, культуре труда и культуре языка, что свидетельствует о качестве социокультурного пространства.

По мнению Е.А. Разумовской, мы можем судить о влиянии языка на культуру и социокультурное пространство, рассматривать язык в качестве «надкультурного явления, от которого зависят многие процессы, протекающие в культуре», при этом влияние языковой культуры на социокультурное пространство общества можно «показать через термин «лингвокультурема», который объединяет языковое и неязыковое содержание и показывает, как язык, «погружая» в культуру новые элементы реальности, не «оставляет» ей выбора: элементы могут адаптироваться, но могут и не быть принятыми «родной» культурой» [5, с. 274].

То есть, социокультурное пространство современного российского общества «рассеяно», рассредоточено по причине существования в его рамках самых разнообразных культур. Как подчеркивает Е.Ю. Шакирова, общественно-историческое развитие российского государства «свидетельствует о том, что единство исторического пути способствует формированию социокультурного пространства, имеющего определенную целостность при наличии разнокачественных и

разнородных социокультурных элементов» [6, с. 130].

Анализ языковой культуры в контексте социокультурного пространства общества позволяет выделять языковое (лингвистическое) пространство, которое представлено:

- во-первых, вербальным (речевым) языком (со знанием грамматики, синтаксиса, правильности произношения и логичности построения фраз);
- во-вторых, невербальным (неречевым) языком, который читается визуально (манера общения, сопровождающаяся жестами, мимикой, телодвижениями (проксемикой), стилем одежды и другими внешними атрибутивными проявлениями).

Как известно, уровень языковой культуры человека свидетельствует о его духовности или бездуховности, полноценности или неполноценности, интеллекте или невежестве. Пожалуй, сложно отрицать тот факт, что в низкой культуре языка проявляются отчетливые признаки бездуховности. К сожалению, языковая неграмотность, неумение написать элементарный текст, перевести его с одного языка на другой и наоборот, сегодня, по каким-то причинам, перестают восприниматься как серьезный недостаток. Заметим, что значительная часть информационных потоков напрямую внедряется на индивидуальном, групповом и социальном уровнях в сознание населения. И обнаруживается их отрицательное влияние: «кардинально меняются смыслы, системы идеалов и ценностей» социокультурного пространства российского общества. На смену традициям приходят инновации, которые весьма сомнительны по значению для личности, социальной морали и социокультурного пространства [3, с. 133].

Таким образом, по нашему мнению, состояние социокультурного пространства российского общества в контексте его языковой культуры, целесообразно отобразить на трех взаимосвязанных уровнях с позиций аксиологического подхода, а именно: на государственном, общественном и индивидуально-личностном уровнях.

На государственном уровне транслируется и актуализируется языковая культура как ценность. Как показывают результаты научных исследований, на данном уровне наблюдаются серьезные изменения языка политики, средств массовой информации, связанные с пропагандой искаженной лингвистической культуры чиновников, публичных людей, которые допускают серьезные ошибки в речи, пренебрегают ролью языковой культуры общества. Как подчеркивает М.Р. Разуваева, существует проблема бедности словаря, утрата крылатых выражений и фразеологизмов, «тогда как основным показателем качества и богатства языка» и речи считается «словарный запас, или лексикон» [7, с. 179]. Такими темпами социокультурное пространство общества, с подачи публичных людей и политиков, обесценивающих языковую культуру, по мнению М.Р. Разуваевой, «может достигнуть минимума и содержать в себе жаргонизмы и нецензурную брань» [7, с. 180].

Состояние социокультурного пространства российского общества транслируется также на общественном уровне, отражающем состояние языковой культуры различных слоев населения российского общества. Как известно, общество вырабатывает определенные стандарты и нормы социального поведения, не являющиеся исключением и нормы культуры языка и речи, определяемые представлениями о шаблонах поведения в конкретной социокультурной ситуации среди различных социальных групп. И одной из таких проблемных групп является современная российская молодежь, которая ориентирована на сленговую коммуникацию, причем данная коммуникация имеет отношение преимущественно к устной речи молодежного сообщества, письменно не фиксируемой, и в которой пласт англо-американской лексики имеет значительный удельный вес [8]. Американский сленг, по мнению Е.А. Разумовской, становится атрибутом референтной молодежной группы, формирующей свои нормы и ценности в рамках современного социокультурного пространства общества. Речь сообщества молодежи включает в себя комбинацию русских и английских выражений, сигнализирующих о возрастной солидарности, оппозиционном отношении к ценностям мира старших поколений, социокультурном расколе внутри российского общества, поскольку сленговая коммуникация оказывается «безальтернативным способом общения» [5, с. 276]. Л.Ю. Петровская также отмечает, что огромное беспокойство вызывает состояние современного языка, снижение культуры речи и грамотности российского населения, на смену которым приходит молодежный сленг, представляющий собой вызов социокультурной жизни общества [9]. Произошедшее в ходе череды нескончаемых реформ отделение образования от духовно-нравственного воспитания молодежи [10; 11], породило серьезную проблему социокультурного пространства российского общества: формируется новый слой молодежи, образно выражаясь, «без корней», молодежи, не знающей и не уважающей общественно-исторические и социально-культурные традиции своей Родины [12].

Состояние социокультурного пространства российского общества транслируется и на индивидуально-личностном уровне. Языковая культура программирует поведение человека, «определяя личностно-оценочную характеристику», она отражает социальную роль личности и «программу жизни», влияя на формирование личности, ее нравственные характеристики [3, с. 132]. В этой

Литература:

1. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society / E.A. Karapetyan [et al.] // Revista Gênero e Direito. 2020. Vol. 9. № 4. P. 830–845.
2. Рябова Т.В. Языковой принцип образовательного процесса в военном вузе / Т.В. Рябова, О.А. Кунникова // Специальная техника и технологии транспорта. Сб. научных статей. 2019. С. 241–244.

связи, Р.Р. Саримова задается вопросом: А что же навязывается современному человеку? И дает ответ: «Прежде всего, жаргон», «зачастую жаргон – единственный код, которым владеют и на котором способны изъясняться» на личностном уровне [13]. Искажение и нарушение общепринятых языковых норм ведет к формированию особых «программ» общения и поведения личности индивидуально-личностном уровне. По мнению упомянутых выше Г.М. Пурынычевой и М.И. Шигаевой, посредством этих «программ», индивид входит в корпоративную связь (язык программистов, спортсменов, интернета и пр.). Смена базового кода зачастую «приводит к психологическим травмам, к трансформации системы ценностей» [3, с. 133].

Языковая культура выражает меру эмоциональной экспрессии, включенность метафор, сравнений и жестовых проявлений в различных ситуациях коммуникации. При этом формируется языковая картина мира, в которой четко представлены те участники социокультурного пространства, которые являются наиболее значимыми для конкретной личности. Языковое пространство индивида или группы нельзя назвать зеркальным отражением реального социокультурного пространства, оно представляет собой динамичное образование. Данное образование:

- во-первых, попадает в зависимость от богатства накопленного жизненного опыта индивида, коллективного сознания, менталитета;
- во-вторых, языковое пространство испытывает на себе воздействие ситуации взаимодействия иных языков [14].

В связи со всем, сказанным выше, необходимо воспитывать и возрождать языковую культуру как залог подъема культуры общественного мнения и реабилитации социокультурного пространства российского общества. Для этого:

- во-первых, необходима грамотная и взвешенная государственная политика, основанная на единой национальной идее;
- во-вторых, осознание обществом данной идеи и воплощение ее в жизнь;
- в-третьих, личная ответственность носителей языковой культуры за формирование устойчивого социокультурного пространства.

Literature:

1. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society / E.A. Karapetyan [et al.] // Revista Gênero e Direito. 2020. Vol. 9. № 4. P. 830–845.
2. Ryabova T.V. The language principle of the educational process in a military university / T.V. Ryabova, O.A. Kunnikova // Special equipment and transport technologies. Sat. scientific articles. 2019. P. 241–244.

3. *Пурынычева Г.М.* О программирующей функции языка в жизнедеятельности общества / Г.М. Пурынычева, М.И. Шигаева // Успехи современной науки. 2017. Т. 7. № 2. С. 132–134.
4. *Фролова Н.Н.* Язык и культура общества / Н.Н. Фролова // Известия на Съюза на ученице – Сливен. Националната конференция с международно участие «Образователни технологии 2013». Каварна, 2013. Т. 24. С. 232–235.
5. *Разумовская Е.А.* Молодежная лексика и ее особенности / Е.А. Разумовская // Социальная политика и социология. М., 2008. № 2(38). С. 274–277.
6. *Шакирова Е.Ю.* Особенности российского социокультурного пространства / Е.Ю. Шакирова; Под ред. Е.В. Листвиной, Н.П. Лысиковой // Этнокультурная ситуация региона: варианты и перспективы развития. Саратов, 2017. С. 129–140.
7. *Разуваева М.Р.* Проблемы языковой культуры в современном российском обществе / М.Р. Разуваева // Экономическая среда. 2015. № 3(13). С. 179–181.
8. Крупнейший сборник онлайн-словарей. URL : <http://www.onlinedics.ru/slovar/ojegov/k/kultura.html>
9. *Петровская Л.Ю.* Проблема культуры речи в современном обществе / Л.Ю. Петровская // Молодой ученый. 2016. № 12.2(116.2). С. 30–31.
10. *Васьков М.А.* Онлайн-образование в высшей школе России: основные акторы институционализации и социальные последствия / М.А. Васьков // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 3. С. 45–57.
11. *Гафиатулина Н.Х.* Институт образования: социокультурные риски в сфере офлайн- и онлайн-образования молодежи / Н.Х. Гафиатулина, А.Г. Лугинина, Н.М. Сизова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 21–25.
12. *Рябова Т.В.* Социокультурная среда вуза как условие воспитания патриотизма / Т.В. Рябова, Н.Г. Тищенко; Под общ. ред. А.Ю. Шенбергера // В сборнике: Вклад железнодорожных войск в победу над фашистской Германией. Материалы заочной отраслевой науч.-практ. конф. 2020. С. 165–172.
13. *Саримова Р.Р.* Основные тенденции развития речевой культуры современного российского общества. 2014. Т. 17. №16. С. 333–335.
14. The language policy and the institutional practices of the language interaction. Opcion / S.G. Iki-likyan [et al.]. 2020. Vol. 36. № Special Edition 26. P. 1636–1649.
3. *Purynycheva G.M.* On the programming function of language in the life of society / G.M. Purynycheva, M.I. Shigaeva // Successes of modern science. 2017. Vol. 7. № 2.
4. *Frolova N.N.* Language and culture of society / N.N. Frolova // Izvestia na Syuza on a student – Sliven. National conference with international participation «Educational Technologies 2013». Kavarna, 2013. Vol. 24. P. 232–235.
5. *Razumovskaya E.A.* Youth vocabulary and its features / E.A. Razumovskaya // Social policy and sociology. M., 2008. № 2(38). P. 274–277.
6. *Shakirova E.Yu.* Features of the Russian sociocultural space / E.Yu. Shakirova; Ed. E.V. Listvina, N.P. Lysikova // Ethnocultural situation of the region: options and development prospects. Saratov, 2017. P. 129–140.
7. *Razuvaeva M.R.* Problems of language culture in modern Russian society / M.R. Razuvaeva // Economic environment. 2015. № 3(13). P. 179–181.
8. The largest collection of online dictionaries. URL : <http://www.onlinedics.ru/slovar/ojegov/k/kultura.html>.
9. *Petrovskaya L.Yu.* The problem of speech culture in modern society / L.Yu. Petrovskaya // Young scientist. 2016. № 12.2(116.2). P. 30–31.
10. *Vaskov M.A.* Online education in the highest school of Russia: the main actors of institutionalization and social consequences / M.A. Vaskov // Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9. № 3. P. 45–57.
11. *Gafiatulina N.Kh.* Institute of Education: Sociocultural risks in the field of offline and online education of young people / N.Kh. Gafiatulina, A.G. Luginina, N.M. Sizova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 9. P. 21–25.
12. *Ryabova T.V.* Socio-cultural environment of the university as a condition for the upbringing of patriotism / T.V. Ryabova; Ed. by A.Yu. Schoenberger // In the collection: The contribution of the railway troops to the victory over Nazi Germany. Materials of correspondence branch scientific-practical. conf. 2020. P. 165–172.
13. *Sarimova R.R.* The main trends in the development of speech culture in modern Russian society. 2014. Vol. 17. № 16. P. 333–335.
14. The language policy and the institutional practices of the language interaction. Opcion / S.G. Iki-likyan [et al.]. 2020. Vol. 36. № Special Edition 26. P. 1636–1649.

Касьянов Валерий Васильевич
доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Самыгин Петр Сергеевич
доктор социологических наук,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
samycin78@yandex.ru

Манучарян Артур Константинович
кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры
истории России факультета истории,
социологии и международных отношений,
Кубанский государственный университет
antrop@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье отмечается, что государственная молодежная политика выступает в настоящее время в качестве главного инструмента воздействия власти на молодежь, которая особенно нуждается в поддержке со стороны государства в период кризиса, вызванного пандемией. Результаты социологических опросов представителей экспертного сообщества, а также -самой молодежи свидетельствуют о наличии определенных проблем в реализации государственной молодежной политики, отрыве последней от реальных потребностей молодых людей. Молодежная политика государства должна быть направлена на выравнивание стартовых возможностей представителей данной социально-демографической группы, перспектив их самореализации в постоянно меняющихся условиях внешней среды.

Ключевые слова: молодежь, общество, государство, молодежная политика, социум, интеграция, социализация, воспитание, социальная неопределенность, жизненные проекты, жизненное проектирование, самореализация.

Valery V. Kasyanov
Doctor of Sociology,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department
of Russian History,
Faculty of History, Sociology
and International Relations,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Petr S. Samygin
Doctor of Science,
Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Rostov State University
of Economics (RINH)
samycin78@yandex.ru

Artur K. Manucharyan
Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer of the Department
History of Russia Faculty of History,
Sociology and International Relations,
Kuban State University
antrop@mail.ru

SOCIO-HISTORICAL PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF STATE YOUTH POLICY IN MODERN RUSSIA

Annotation. The article notes that the state youth policy currently acts as the main instrument of the government's influence on young people, who especially need support from the state during the crisis caused by the pandemic. The results of sociological surveys of representatives of the expert community, as well as the youth themselves, indicate the presence of certain problems in the implementation of the state youth policy, the separation of the latter from the real needs of young people. The state's youth policy should be aimed at equalizing the starting opportunities of representatives of this socio-demographic group, the prospects for their self-realization in constantly changing environmental conditions.

Keywords: youth, society, state, youth policy, society, integration, socialization, education, social uncertainty, life projects, life design, self-realization.

Эффективная социализация молодежи и ее успешная интеграция в социум выступают в качестве важнейших приоритетов политики молодого современного государства. Будущее страны, ее социально-экономическое развитие находится в зависимости от облика молодежи как особой социально-демографической группы: данное обстоятельство обуславливает необходимость заботы государства о молодых людях, их воспитании, формировании тех качеств, которые являются неотъемлемым условием для осуществления профессиональной и других направлений деятельности. Здесь, в качестве главного инструмента воздействия государства на молодых людей выступает реализуемая органами власти различных уровней государственная молодежная политика.

В соответствии с федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», последняя определяется как комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера. Данные мероприятия должны реализовываться на основе межведомственного взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, юридических лиц. Рассматриваемая политика направлена на создание условий для развития молодежи, ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации [1].

Необходимо отметить, что в настоящее время в нашей стране сформирована институционально-правовая основа реализации молодежной политики. Так, правовую основу реализации молодежной политики составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, закон «О молодежной политике», а также другие федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты, содержащие нормы, регулирующие отношения в сфере реализации прав молодежи. Законодательством также определен круг субъектов, ответственных за осуществление молодежной политики: к числу данных субъектов относятся молодежные общественные объединения, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также иные органы и организации, в том числе, объединения юридических лиц, работодателей, профессиональные союзы и их объединения, институты гражданского общества, редакции средств массовой информации и т.д. [2].

В современной России, таким образом, сформирована сеть государственных и муниципальных учреждений, ответственных за реализацию молодежной политики, а в соответствующих нормативно-правовых актах закреплена ответственность власти за соблюдение прав и законных интересов представителей молодежи, приоритетность поддержки развития молодых людей в социальной, физической и культурной сферах. В то же время, несмотря на данное обстоятельство, государственную политику в отношении молодежи отличает отсутствие системного подхода, а также, декларативный характер мер, закрепленных в текстах различных нормативно-правовых актов и государственных целевых программ. По мнению Н.С. Лупачевой, молодежная политика в реальности не выступает в настоящее время в качестве приоритетного направления государственной политики в современной России [3, с. 282–291]. Принимаемые постановления нередко являются рекомендательными, а финансирование различных молодежных программ зачастую осуществляется по остаточному принципу. Дело в том, что практическая реализация многих мероприятий, направленных на молодежь, находится в зависимости от наличия соответствующих средств в региональных бюджетах.

Большое значение в рамках реализации молодежной политики имеет кадровое обеспечение последней: несмотря на наличие в отечественных вузах специальных факультетов и кафедр, осуществляющих подготовку специалистов в сфере работы с молодежью, большинство лиц, ответственных за реализацию соответствующего направления государственной политики, не имеют профильного образования, не обладают теми компетенциями, которые необходимы для эффективного взаимодействия с молодежью и работы с представителями данной социально-демографической группы. Проблема здесь заключается в том, что лица, осуществляющие различные мероприятия в рамках государственной молодежной политики, зачастую, являются представителями так называемого старшего поколения, в сознании которых сформировано определенное представление о молодежи, не всегда соответствующее реальной действительности, актуальным потребностям и интересам представителей молодых людей. Так, материалы экспертного опроса, посвященного оценке соответствия государственной молодежной политике ситуации в молодежной среде, свидетельствуют о том, что данная политика расходится с реальными потребностями и интересами самой молодежи [4, с. 30–58].

Необходимо отметить, что многие эксперты крайне негативно оценивают государственную молодежную политику в современной России: по мнению одного из экспертов, «как таковой молодежной политики в нашей стране нет». Что же касается отдельных реализуемых мероприятий, то они, по словам экспертов, «носят либо декларативный характер, не обеспеченный ресурсами для достижения поставленных целей, либо бессистемный характер с противоречием одних ее компонентов другим». Соответственно, молодежь оказывается предоставленной самой себе,

и самореализация ее представителей осуществляется не благодаря, а вопреки тем или иным государственным программам и стратегиям развития молодежи. Эксперты также оценивают как низкую степень эффективности различных комитетов по делам молодежи, которые существуют на региональном и муниципальном уровнях: последние «занимаются освоением бюджетов под никому не нужные мероприятия». В целом, с точки зрения большинства экспертов, заявленные государством программные положения молодежной политики на практике расходятся с реальностью и находятся в отрыве от складывающегося положения дел по наиболее чувствительным для молодого поколения проблемам, включающим в первую очередь образование, профессиональную востребованность, духовный упадок, нарастание этноконфессиональных проблем и т.д. [4, с. 30–58].

Как показывают результаты социологических опросов молодежи, представители данной социально-демографической группы, в целом, «ожидают решения многих своих проблем от государства», вследствие чего, и государственная молодежная политика выступает для них в качестве одного из важнейших и приоритетных направлений деятельности власти [5, с. 495–500]. Именно поэтому оценку молодежной политики следует рассматривать в качестве важного показателя социального настроения молодежи: если молодые люди, в целом, удовлетворены своим положением, высоко оценивают перспективы самореализации, то и отношение к молодежной политике государства будет, преимущественно, позитивным (причем, данная оценка может иметь место даже в случае неосведомленности молодежи о данном направлении государственной политики, конкретных мероприятиях органов власти). Те же представители молодежи, которые не удовлетворены условиями своей жизнедеятельности в обществе, не видят благоприятных перспектив на будущее, склонны давать негативные оценки реализуемой органами власти различных уровней молодежной политики [6, с. 242–243].

Позиции молодых людей по отношению к государственной молодежной политике являются противоречивыми, что свидетельствует о «расколоте общественного мнения» данной категории населения: так, половина молодежи удовлетворена государственной политикой и считает, что эта политика способствует социальной самореализации молодежи, а другая половина, напротив, демонстрирует неудовлетворенность рассматриваемой политикой, полагая, что последняя не позволяет им реализовать свои жизненные планы. Молодежной политикой, в частности, удовлетворены большинство молодых государственных служащих, а также – профессиональных военных и сотрудников МВД. В то же время, доля неудовлетворенных данной политикой является наиболее большой среди рабочей молодежи и представителей так называемой молодой интеллигенции (более 50 %). Большая часть молодежи (67,8 %) при этом отмечает невозможность влияния на осуществление государственной политики (здесь, по мнению М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги,

сказывается неразвитость автономных гражданских молодежных организаций). Большинство опрошенных молодых людей также полагают, что в настоящее время у молодежи нет возможности донести свои интересы до власти и эффективно отстаивать их, вести диалог с властью по тем проблемам, которые действительно являются актуальными для молодежи. Довольно значительной является доля тех молодых людей, которые не уверены в своих перспективах на будущее, в возможности получения качественного профессионального образования и т.д. [7, с. 245–246].

Таким образом, данные социологических опросов представителей экспертного сообщества, а также, самой молодежи как особой социально-демографической группы свидетельствуют о наличии определенных проблем в реализации государственной молодежной политики, отрыве последней от реальных потребностей молодежи. Как показывают результаты исследований, проведенных крупнейшими отечественными социологическими центрами, молодежь нуждается в поддержке со стороны государства, соответствующей политике, проводимой органами власти различных уровней. Необходимость в государственной поддержке является особенно актуальной в кризисные периоды общественного развития, и современный социально-экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, здесь не является исключением. Российскую молодежь и до начала кризиса не отличало стремление к осуществлению жизненного проектирования на сколько-нибудь долговременную перспективу [8, с. 95].

Так, по оценкам известных отечественных специалистов в области социологии молодежи В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, значительная часть российской молодежи, даже при наличии жизненных перспектив и соответствующих планов и ориентаций, не выходит на более высокий уровень жизненного проектирования, который предусматривает выработку оптимальной стратегии своей жизнедеятельности в будущем. Жизненные стратегии большей части российской молодежи характеризуются краткосрочностью, размытостью и неопределенностью [8, с. 133–134].

В период пандемии, соответственно, жизненное проектирование российской молодежи приобрело еще более размытый и неопределенный характер: это проявляется, в частности, в том, что уже имеющиеся жизненные планы или проекты молодых людей стали максимально краткосрочными и рассчитываются на короткие промежутки времени (в данном случае можно говорить о планировании своей жизнедеятельности даже не на годы, а, в лучшем случае, на месяцы по причине постоянно меняющихся эпидемиологической обстановки, нормативно-правовой базы и т.д.). С точки зрения Ю.А. Зубок, кризис, вызванный пандемией, «спровоцировал мощнейшую эскалацию неопределенности» [9, с. 7].

Здесь большое значение приобретают объективные факторы, связанные с неблагоприятной

экономической конъюнктурой, различными нормативными ограничениями, вводимыми государством и т.д.: они обуславливают сложности для молодых людей с планированием их жизнедеятельности, конструированием собственных жизненных проектов. Отметим, что на негативное воздействие пандемии на молодежь, являющуюся уязвимой социально-демографической группой, обращается внимание в докладе Международной организации труда (МОТ) под названием «Молодежь и пандемия COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и психологическое состояние» [10]. В рассматриваемом докладе, в частности, отмечается влияние кризиса, вызванного пандемией COVID-19, на образование и профессиональную подготовку молодых людей (речь идет, в частности, о потрясениях, связанных с потерей рабочих мест, утратой перспектив трудоустройства, нарушении нормального хода обучения и профессиональной подготовки, что в совокупности оказывают деструктивное воздействие на состояние психики молодых людей). Специалистами МОТ здесь предлагаются некоторые меры, призванные стабилизировать сложившуюся негативную ситуацию: данные меры связаны, в частности, с реинтеграцией на рынке труда, обеспечением для молодежи доступа к страховым пособиям и даже поддержанием психического здоровья [10]. Таким образом, в ситуации кризиса именно на государство ложится дополнительная нагрузка, связанная с поддержкой социально уязвимых групп населения, к числу которых относится и молодежь.

Отечественные исследователи также выделяют молодежь в числе групп, наиболее пострадавших от кризиса, вызванного пандемией: так, глава ВЦИОМ В. Федоров, опираясь на материалы прикладных социологических исследований, констатирует, что пандемия привела к разрушению жизненных планов многих представителей российской молодежи. По мнению Федорова, российская молодежь является «достаточно тепличной»: «тепличному растению, как отмечает данный исследователь, и под сквозняком не просто, а уж, если начинается буря, то многие из них не выдерживают напряжения» [11]. Иными словами, в условиях современного кризиса мы наблюдаем дестабилизацию так называемого механизма жизненного проектирования, который в идеале предусматривает осмысленный выбор молодыми людьми оптимальных целей и средств практической реализации своих жизненных проектов (в ситуации крайней неопределенности молодежь, как

уже отмечалось выше, испытывает сложности в определении своих жизненных планов на долгосрочную перспективу).

Многие современные авторы справедливо отмечают, что молодежи необходимо учиться соотносить свои индивидуальные возможности с имеющимися жизненными потребностями и притязаниями, а также с условиями постоянно меняющейся внешней среды, складывающейся социально-экономической конъюнктурой. Однако и на государстве также лежит немалая доля ответственности, связанная с минимизацией негативных экономических последствий кризиса, вызванного пандемией, стабилизацией общего положения в стране и функционирования отдельных социально-демографических групп, к числу которых относится и молодежь. Тем более, что как показывают данные эмпирических исследований, в современной России достаточно велика доля тех молодых людей (43,8 %), которые ожидают от государственной власти в отношении себя проявления патерналистских функций (с точки зрения М.К. Горшкова и Ф.Ю. Шереги, эта часть молодежи готова «принять авторитарное устройство государства взамен проявления со стороны последнего патерналистских обязательств»).

Стабилизационные мероприятия в идеале должны способствовать снижению порога неопределенности, что неизбежно отразится на системе жизненного проектирования молодежи, будет иметь следствием пролонгацию ее жизненных планов. Конструирование и практическая реализация молодежных жизненных проектов на долгосрочную перспективу находится в зависимости от степени доступности для молодежи основных ресурсов и материальных благ, степени эффективности оказываемой государственной поддержки, а также стабильности основных норм и правил, регулирующих базовые сферы жизнедеятельности российской молодежи [12]. В задачу государства входит создание необходимых условий для полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах жизни России: это необходимо для того, чтобы молодежь могла развивать свои индивидуальные качества, проявлять высокий уровень социальной активности. Молодежная политика государства, таким образом, должна быть направлена на выравнивание стартовых возможностей молодых людей, перспектив самореализации в постоянно меняющихся условиях внешней среды.

Литература:

1. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск № 1(8352). 11 января 2021 г.
2. Касьянов В.В. Государственная молодёжная политика в России: опыт, проблемы, перспективы. Краснодар : Периодика Кубани, 2010.

Literature:

1. Federal Law of December 30, 2020 № 489-FZ «On youth policy in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. Federal issue № 1 (8352). January 11, 2021.
2. Kasyanov V.V. State youth policy in Russia: experience, problems, prospects. Krasnodar : Kuban periodicals, 2010.

3. *Лупачева Н.С.* Основные проблемы государственной молодежной политики в России и пути их решения / Н.С. Лупачева // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67.
4. Материалы экспертного опроса: оценка соответствия государственной молодежной политики ситуации в молодежной среде // Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: Материалы семинара для молодых ученых. Московский гуманитарный университет; Институт фундаментальных и прикладных исследований. М., 2012.
5. *Гаврилов Ю.И.* Молодежная политика: поиск эффективных решений / Ю.И. Гаврилов, В.В. Харченко, В.В. Нехаев // В кн.: Российская молодежь: проблемы и решения. М. : Изд-во: ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга», 2005.
6. *Горшков М.К.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М. : ФНИСЦРАН, 2020.
7. Жизненное проектирование молодежи в условиях социальной неопределенности в современном российском обществе / П.С. Самыгин [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3.
8. *Чупров В.И.* Социология молодежи. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011.
9. *Зубок Ю.А.* Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности / Ю.А. Зубок // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3.
10. Молодежь и пандемия COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и психологическое состояние. Доклад Международной организации труда. 11 августа 2020 г. URL : www.ilo.org (дата обращения 25.10.2021).
11. *Кузнецова Е.* Глава ВЦИОМ назвал наиболее пострадавшие от пандемии группы населения. URL : www.rbc.ru/politics (дата обращения 25.10.2021).
12. *Касьянов В.В.* Молодёжь России XXI века: особенности и проблемы самореализации : монография. Краснодар : Периодика Кубани, 2016.
3. *Lupacheva N.S.* The main problems of state youth policy in Russia and ways to solve them / N.S. Lupacheva // Public administration. Electronic bulletin. 2018. № 67.
4. Materials of an expert survey: assessing the compliance of state youth policy with the situation in the youth environment // State youth policy: Russian and world practice of implementing the innovative potential of new generations in society: Materials of a seminar for young scientists. Moscow University for the Humanities; Institute for Fundamental and Applied Research. M., 2012.
5. *Gavrilov Yu.I.* Youth Policy: Finding Effective Solutions. In the book: Russian youth: problems and solutions / Yu.I. Gavrilov, V.V. Kharchenko, V.V. Nekhaev. M. : Publishing house: LLC «Center for Social Forecasting and Marketing», 2005.
6. *Gorshkov M.K.* Youth of Russia in the mirror of sociology. By the results of many years of research / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M. : FNISTSRAN, 2020.
7. Life design of youth in conditions of social uncertainty in modern Russian society / P.S. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 3.
8. *Chuprov V.I.* Sociology of youth. M. : Norma : INFRA-M, 2011.
9. *Zubok Yu.A.* Youth: life strategies in a new reality / Yu.A. Zubok // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2020. № 3.
10. Youth and the COVID-19 pandemic: impact on jobs, education, rights and mental health. Report of the International Labor Organization. August 11, 2020. URL : www.ilo.org (date of treatment 10/25/2021).
11. *Kuznetsova E.* The head of VTsIOM named the population groups most affected by the pandemic. URL : www.rbc.ru/politics (date of application 25.10.2021).
12. *Kasyanov V.V.* Youth of Russia in the XXI century: features and problems of self-realization : monograph. Krasnodar : Kuban periodicals, 2016.

Кахаров Арслан Самуилович

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры
теории и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет
имени А.А. Кадырова
arslan9699@mail.ru

Arslan S. Kakharov

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory and Technology of Social Work,
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov
arslan9699@mail.ru

МЕСТО СМИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

PLACE OF MASS MEDIA IN THE SYSTEM OF SOCIALIZATION OF CHILDREN AND ADOLESCENTS

Аннотация. Современное поколение подростков называют аборигенами цифрового столетия, подчеркивая особый характер социализации данной когорты. Актуальность темы заключается в том, что в условиях кризиса традиционных институтов социализации, представленных семьей и школой, СМИ, в первую очередь, печатными изданиями, радио, телевидением, Интернет становятся одним из важнейших институтов социализации нового поколения, неформального образования и просвещения, в определенной мере, замедляя традиционно сложившиеся формы социализации.

Annotation. The current generation of teenagers is called the aborigines of the digital century, emphasizing the special nature of the socialization of this cohort. The relevance of the topic lies in the fact that in the context of the crisis of traditional socialization institutions represented by family and school, the media, primarily print media, radio, television, the Internet, are becoming one of the most important institutions of socialization of the new generation, informal education and enlightenment, to a certain extent slowing down the traditionally established forms of socialization.

Ключевые слова: подростки, социализация, средства массовой информации, интернет, институты социализации, новое поколение, неформальное образование.

Keywords: teenagers, socialization, mass media, Internet, institutions of socialization, new generation, non-formal education.

Общество, в котором мы живем, можно назвать информационным, поскольку, главный источник богатства - информация, передающаяся с помощью различных цифровых носителей: интернета, телевидения, радио, периодической печати называются средствами массовой информации. Сегодня не вызывает сомнения то, что они имеют огромное влияние на социализацию человека; доносят до аудитории информацию, рассчитанную на то, чтобы сформировать мировоззренческие установки, выработать определенную картину мира, ценности, нормы, модели поведения, стремления, идеи, убеждения. То, что это воздействие является во многом и негативным, подтверждают многие исследования социологов и психологов.

новые социальные и когнитивные навыки с ошеломляющей скоростью, и мы не хотим, чтобы часы, проведенные в социальных сетях, препятствовали этому. Но взросление – не менее важный период быстрого развития, и слишком немногие из нас обращают внимание на то, как на них влияет использование технологий и социальные сети [7, с. 100].

Социальные сети – это большая часть жизни многих подростков. Опрос Исследовательского центра в г. Москва в 2020 году, проведенный среди почти 750 детей в возрасте от 13 до 17 лет, показал, что 45 % из них почти постоянно находятся в социальных сетях, а 97 % используют платформы социальных сетей, такие как YouTube, VK, Instagram или Tik-Tok [7].

На самом деле, эксперты обеспокоены тем, что социальные сети и текстовые сообщения, которые стали неотъемлемой частью подростковой жизни, способствуют повышению тревожности и снижению самооценки [8, с. 46]. Есть веские причины для беспокойства. В ходе опроса, проведенного Московским обществом общественного здравоохранения, у 14–24-летних жителей Московской области был задан вопрос о том, как платформы социальных сетей влияют на их здоровье и благополучие. Результаты опроса показали, что VK, Facebook, Twitter и Instagram - все это привело к усилению чувства депрессии, тревоги, одиночества. Подростки проводят время в социальных сетях до тех пор, пока не наступит время ложиться спать. Когда они не делают свою домашнюю работу, они находятся в Сети и в своих телефонах, переписываются, делятся «мемами», смотрят различные видео. Конечно, до

Любые родители беспокоятся о том, как воздействие технологий может повлиять на развитие детей. Мы знаем, что наши дошкольники осваивают

того, как у всех появился аккаунт в Instagram, подростки тоже были заняты, но они, с большей вероятностью, общались по телефону или лично. Но, благодаря социальным сетям, необходимость личных встреч сократилась в разы [3, с. 90].

Современные подростки учатся общаться в основном, глядя на экран, а не на другого человека. Нет никаких сомнений в том, что детям не хватает очень важных социальных навыков. В некотором смысле, текстовые сообщения и онлайн-общение – это не то, что создает невербальную неспособность к обучению, но это ставит всех в невербальный контекст с ограниченными возможностями, где язык тела, выражение лица и даже мельчайшие виды речевых реакций становятся невидимыми.

Конечно, косвенное общение создает барьер для четкого общения, но это еще не все. Научиться заводить друзей – важная часть взросления, а дружба требует определенного риска. Это верно для того, чтобы завести нового друга, но это также верно и для поддержания дружеских отношений. Когда возникают проблемы, с которыми необходимо столкнуться, требуется мужество, чтобы честно рассказать о своих чувствах, а затем услышать, что хочет сказать другой человек [4, с. 78].

Частью здоровой самооценки является умение говорить то, что вы думаете и чувствуете, даже когда вы не согласны с другими людьми или чувствуете себя эмоционально рискованно. Но когда дружба ведется онлайн и с помощью текстовых сообщений, дети делают это в контексте, лишенном многих самых личных – и иногда пугающих – аспектов общения. Легче сохранять бдительность, когда вы переписываетесь [2, с. 102]. Вы не слышите и не видите того эффекта, который ваши слова оказывают на другого человека. Поскольку разговор происходит не в реальном времени, каждая сторона может потратить больше времени на обдумывание ответа. Неудивительно, что дети говорят, что звонить кому-то по телефону «слишком напряженно» – это требует более прямого общения, и если вы к этому не привыкли, это вполне может показаться пугающим.

Если дети не получают достаточной практики общения с людьми и удовлетворения своих потребностей лично и в режиме реального времени, многие из них вырастут взрослыми, которые беспокоятся о главном средстве общения нашего вида – разговоре. И, конечно, социальные переговоры становятся все более рискованными по мере того, как люди становятся старше и начинают ориентироваться в романтических отношениях и работе.

Другая большая опасность, исходящая от детей, общающихся косвенно, заключается в том, что им стало легче быть жестокими. Дети пишут всевозможные вещи, которые вы никогда бы и не подумали сказать кому-либо в лицо [1, с. 3–4].

Стоит отметить, что девочки особенно подвержены риску. Они больше социализированы, чтобы сравнивать себя с другими людьми, в

частности, с девочками, чтобы развивать свою индивидуальность, поэтому это делает их более уязвимыми к недостаткам всего этого. Часто это происходит из-за отсутствия нормальной самооценки. Мы забываем, что агрессия в отношениях возникает из-за неуверенности в себе, ужасного самочувствия и желания унижить других людей, чтобы вам стало лучше.

Признание со стороны сверстников имеет большое значение для подростков, и многие из них заботятся о своем имидже не меньше, чем политик, баллотирующийся на пост президента, и для них это может быть так же серьезно. Добавьте к этому тот факт, что дети сегодня получают фактические данные опросов о том, насколько они нравятся людям или их внешность, с помощью таких вещей, как «лайки». Этого достаточно, чтобы вскружить голову любому. Кто бы не хотел выглядеть лучше, если бы мог? Таким образом, дети и подростки могут часами улучшать свои онлайн-личности, пытаясь спроецировать идеализированный образ [9, с. 25].

Девочки-подростки перебирают сотни фотографий, мучительно решая, какие из них разместить в Интернете. Мальчики соревнуются за внимание, пытаясь превзойти друг друга, раздвигая границы настолько, насколько это возможно. Отметим, что подростки всегда делали это, но с появлением социальных сетей они сталкиваются с большим количеством возможностей – и большим количеством ловушек – чем когда-либо прежде.

Когда дети просматривают различные аккаунты в социальных сетях и видят, какими замечательными кажутся все, это только усиливает давление на психику подростка. Подростковый возраст – это годы, когда вы остро осознаете контраст между тем, кем вы кажетесь, и тем, кем вы себя считаете. По мере того, как вы становитесь старше и приобретаете больше навыков, вы начинаете понимать, что, на самом деле, вы способны делать много чего полезного, и тогда вы чувствуете, что этот разрыв, сокращается. Но представьте, что ваш самый глубокий и темный страх заключается в том, что вы не так хороши, как выглядите, а затем представьте, что вам нужно все время выглядеть так хорошо [5, с. 33–34].

Неудивительно, что необходимость быть доступным 24/7 в социальных сетях является очень реальной проблемой для современных подростков. Помимо того факта, что их понимание социальных сетей и зависимость от них намного превышают уровень многих взрослых, они также используют социальные сети с гораздо большей скоростью. Отчет Common Sense Media показал, что 75 % + подростков имеют профили в социальных сетях. Социальные сети – это повседневная часть жизни подавляющего большинства подростков. Поскольку в подростковом возрасте происходит интенсивное развитие мозга, важно, чтобы родители понимали, какое влияние использование социальных сетей может оказать на их детей. По этой причине важно установить руководящие принципы использования социальных сетей. Хотя многие дети имеют неограниченный

доступ к своим телефонам и другим устройствам, установление ограничений может быть полезно для вашего ребенка [7].

Также, важно, чтобы семьи регулярно обсуждали, как ответственно и безопасно пользоваться социальными сетями. Когда семьи вместе ориентируются в мире социальных сетей, онлайн-мир подростка становится намного более управляемым.

Негативное влияние СМИ на социализацию подростков можно устранить, если будут приложены совместные усилия, как педагога, так и родителей. Усилия педагога заключаются в формировании у подростков правильного представления об использовании СМИ, в привитии детям любви к здоровью, сберегающим технологиям, в информировании о последствиях злоупотребления информационными технологиями.

Литература:

1. *Левин В.К.* Защита информации в информационно-вычислительных системах и сетях / В.К. Левин // Программирование. 2014. № 5. С. 5–16.
2. *Мудрик А.В.* Социальная педагогика. М. : Академия, 2010. 194 с.
3. *Нольден М.* Ваш первый выход в Internet: Для начинающих пользователей Internet и широкого круга пользователей PC / М. Нольден; Гл. ред. Е.В. Кондукова; Пер с нем. К.А. Шиндер. СПб. : ИКС, 2016. 238 с.
4. *Пугачев В.П.* Политология. Справочник студента. М., 2009. 421 с.
5. *Сидоренко И.В.* Тренинг влияния и противостояние влиянию. СПб. : Речь, Санкт-Петербург, 2019.
6. *Терин В.П.* Массовая коммуникация. Исследования опыта Запада. М. : МГИМО, 2020. 314 с.
7. *Фролов А.В.* Глобальные сети компьютеров. Практическое введение в Internet, E-mail, FTP, WWW, и HTML, программирование для Windows Sockets. – Диалог – МИФИ / А.В. Фролов, Г.В. Фролов. 2021. 283 с.
8. *Хаптаев Ф.Р.* Роль СМИ в социальной работе. URL : spf. Bsu (дата обращения 19.11.2021).
9. *Хоникат Д.* Internet Windows 95: Руководство пользователя / Д. Хоникат; Пер. с англ. В. Неклюдова. М. : БИНОМ, 2006. 334 с.

Усилия родителей в осуществлении родительского контроля (чтобы дети активно выполняли все рекомендации) направлены на ограничение времени, отводимого на досуг ребенка, заполнение его общением или альтернативными видами деятельности, иначе у подрастающего поколения сформируются неправильные нравственные ценности и установки.

Здоровый образ жизни, высокий реализованный интеллектуальный потенциал, развитые нравственные и ценностные установки, честь, доброта и ответственность, помогают человеку социализироваться, найти свое место в жизни, обрести душевный покой. Данные качества должны, в первую очередь, воспитываться и характеризовать наше молодое поколение.

Literature:

1. *Levin V.K.* Information protection in information-computing systems and networks / V.K. Levin // Programming. 2014. № 5. P. 5–16.
2. *Mudrik A.V.* Social pedagogy. M. : Academy, 2010. 194 p.
3. *Nolden M.* Your first access to the Internet: For novice Internet users and a wide range of PC users / M. Nolden Editor-in-Chief E.V. Kondukova; Translated from German by K.A. Shinder. SPb. : IKS, 2016. 238 p.
4. *Pugachev V.P.* Political Science. Student's Handbook. M., 2009. 421 p.
5. *Sidorenko I.V.* Influence training and opposition to influence. SPb. : Speech, St. Petersburg, 2019.
6. *Terin V.P.* Mass communication. Studies of the experience of the West. M. : MGIMO, 2020. 314 p.
7. *Frolov A.V.* Global computer networks. Practical introduction to the Internet, E-mail, FTP, WWW, and HTML, programming for Windows Sockets. – Dialog – MEFPh, 2021. 283 p.
8. *Khaptaev F.R.* The role of mass media in social work. URL : spf. Bsu (date of application 19.11.2021)
9. *Khonikat D.* Internet Windows 95: User's Guide / D. Khonikat; Transl. from the engl. by V. Neklyudova. M. : BINOM, 2006. 334 p.

Кортелева Анна Валентиновна
кандидат социологических наук,
доцент,
Высшая школа международных
исследований и дипломатии,
Институт социально-политических
технологий и коммуникаций,
Тихоокеанский
государственный университет
003788@pnu.edu.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Положение женщины в традиционном Китае определялось с момента появления на свет. С распространением конфуцианства, статус, приписываемый китайской женщине, укрепился и мало видоизменялся с течением длительного времени. В Китае, находящемся под глубоким влиянием конфуцианства на протяжении тысячелетий, гендерное расслоение и распределение власти обосновывалось идеями «трех устоев». С момента образования КНР в 1949 г. произошли значительные изменения в экономике и социальной структуре, и традиционные конфуцианские идеалы гендерных ролей постепенно ослабевают.

Ключевые слова: китайская женщина, семья, общество, положение женщины.

Знаменитое высказывание Мао Цзэдуна о том, что «женщины держат половину неба», давно используется китайским правительством для поощрения работающих женщин, а также, применяется в качестве лозунга, пропагандирующего гендерное равенство. Тем не менее, современная ситуация, омраченная дискриминацией женщин, ориентированных на карьеру свидетельствует о том, что эта поговорка все еще остается лозунгом.

Положение женщины в традиционном Китае определялось с момента ее появления на свет. С распространением конфуцианства, статус, приписываемый китайской женщине, укрепился и мало видоизменялся с течением длительного времени. Конфуцианская концепция «Три устоя и пять постоянств» (三纲五常; сокр. «устои и постоянства») подразумевала модель общества, при которой «мудрый правитель являлся главенствующим по отношению к чиновникам, отец – по отношению к сыну, а муж – по отношению к жене» [1]. Таким образом, «Три устоя» устанавливали следующие нормы отношений: правители, отцы и мужья обладают абсолютной властью над соответственно сановниками, сыновьями и женами. Роли женщин

Anna V. Korteleva
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Graduate School of International
Research and Diplomacy,
Institute of Social and Political Affairs
Technologies and Communications,
Pacific State University
003788@pnu.edu.ru

TRANSFORMATION OF GENDER STEREOTYPES IN CHINESE SOCIETY

Annotation. The position of women in traditional China has been determined since birth. With the spread of Confucianism, the status attributed to the Chinese woman became stronger and changed little over time. In China, deeply influenced by Confucianism for millennia, gender stratification and the distribution of power have been justified by the idea of the «three obediences». Since the founding of the PRC in 1949, significant changes have taken place in the economy and social structure, and the traditional Confucian ideals of gender roles are gradually weakening.

Keywords: Chinese woman, family, society, women's status.

были, прежде всего, родственными ролями: дочери, сестры, жены, невестки, матери и свекрови. Во всех этих ролях женщины должны были соответствовать желаниям и потребностям близких родственников мужчин: их отцов в молодости, их мужей в браке, их сыновей, когда они овдовели.

На законодательном уровне женщины имели намного меньше прав, чем мужчины. Это касалось наследства, замужества, развода и др. [2]. Примером может послужить тот факт, что за неподобающее обращение с мужем, оскорбление или причинение вреда свёкру/свекрови, за убийство мужа по ошибке жена несла тяжкое наказание, в то время, как за подобные действия по отношению к жене муж нёс небольшое наказание.

Другим аспектом лишения автономности и независимости китайской женщины являлось бинтование ног. Данная весьма болезненная практика считалась обязательной для успешного замужества, но по факту обездвиживала женщину на всю жизнь, приковывая ее к дому.

Официального образования для китайских женщин не существовало вплоть до династии Цин

(1644–1912 гг.), но и в этот период получали образование только те девушки, чьи родители могли себе позволить такую «роскошь». Считалось, что базовая грамотность и навыки «как быть леди» помогут им удачно выйти замуж. Остальное женское население государства было безграмотно.

Переход к современному этапу истории Китая обусловил большие перемены в положении китайских женщин. После образования Китайской Народной Республики началось распространение термина «железные девушки». Оно является метафорой, означающих крепких девушек или женщин, имеющих физические возможности, позволяющие им выполнять тяжелый физический труд. Стали выпускаться различные постеры со слоганами, мотивирующими на большую отдачу в работе на фермах, фабриках и в строительстве. Китаю нужна была рабочая сила, которая могла бы в ускоренном темпе развить экономику. Из-за этого внутренняя политика его руководства в 1950–1970-х гг. была обращена в сторону гендерного равенства среди населения [3].

В 1950-х гг. правительство стало проводить внутреннюю политику семьи с пятью принципами (五好家庭):

- в такой семье должны быть уважение к старшим и любовь к младшим;
- гармония между мужем и женой;
- хорошие отношения с соседями;
- трудолюбие и бережливость в семейном быту;
- охрана окружающей среды [4].

Три законопроекта стали особенно важны для китайских женщин.

Во-первых, Закон о браке 1950 года предоставил женщинам свободу вступать в брак и разводиться, распространяя марксистскую идеологию, которая пропагандирует эгалитарные гендерные роли. Хотя, этот закон был принят скорее, как инструмент мобилизации китайских женщин на равноправное участие в строительстве социалистического строя, некоторые женщины рассматривали этот новый закон как возможность заявить о своей независимости.

Во-вторых, согласно Избирательному закону КНР 1953 года, китайские женщины получили то же право голоса, что и мужчины.

В-третьих, китайские женщины получили право владеть или наследовать имущество наравне с мужчинами.

Новое правительство также развернуло движение за земельную реформу и раздало землю крестьянам, в том числе и женщинам. Партия поощряла китайских женщин участвовать в общественном производстве. В 1957 году около семидесяти процентов сельских женщин и около 3,2 миллиона

городских женщин занимались производственной деятельностью. 90 % китайских женщин были неграмотны до 1949 года. К 1958 году 16 миллионов женщин научились читать и получили базовую грамотность. Поэтому китайское правительство заявляло, что «китайские женщины достигли поистине исторических успехов в достижении цели равенства, развития и мира» [5].

Получение права на образование и дальнейшее трудоустройство помогло женщинам приобрести небольшую финансовую независимость. С другой стороны, труд, которым занимались женщины в Китае XX в., часто был более тяжелым физически и низкооплачиваемым, чем у мужчин [6]. К тому же, существовал так называемый «стеклянный потолок» – метафора, используемая для обозначения невидимого барьера при повышении по службе для женщин; даже имея значительные успехи на работе, китайки не могли занимать руководящие должности.

И, тем не менее, поколения китайских женщин выросли с идеей гендерного равенства. Однако, несмотря на большой процент женского населения в трудоспособной части рабочей силы Китая, традиционные ценности «женственности», такие как физическая привлекательность, кроткий характер, послушание и хорошие навыки ведения домашнего хозяйства, остаются востребованными и обязательными на брачном рынке. Для большинства мужчин по-прежнему идеальной является послушная, покорная жена, зависимая от супруга, не только в эмоциональном, но и в финансовом плане. В то же время, женщин, которые считаются слишком умными и успешными, не могут причисленными к таковым. В китайском языке существует идиома, описывающая эту ситуацию: «В мире существует три пола: мужчина, женщина и женщина, получившая докторскую степень». Эта «шутка» означает, что женщины с более высоким уровнем образования воспринимаются как недостаточно женственные и асексуальные. Одинокие китайки, сфокусированные на карьере, сталкиваются с новым видом дискриминации, поскольку они не воспринимаются как привлекательные кандидаты для брака, так как, традиционно, женственность ассоциируется с подчинением, жертвенностью и послушанием.

В СМИ и повседневном обиходе укоренился термин «оставшиеся женщины» (剩女, leftover women), применяющийся в отношении незамужних работающих женщин, имеющих высокий уровень образования и высокую зарплату, но вышедших за пределы ожидаемого возраста для заключения брака. Данный пример отражает негативное восприятие в обществе женщин, «излишне сосредоточенных» на своей карьере. Незамужние женщины, которые остаются одинокими, становятся мишенью социальных ярлыков, стереотипов и исключения из общества, потому что они не следуют социальным ожиданиям и обязанностям. Незамужние женщины не могут выполнять главную роль материнства и, как следствие, ярлык ненормальности появляется, когда женщины не имеют детей и даже не состоят в браке.

Таким образом, на данный момент в китайском обществе существует большой разрыв между

ожиданиями мужчин и женщин относительно гендерных ролей: женщины, особенно хорошо образованные и финансово независимые, стремятся к эгалитарным отношениям, в то время как большинство мужчин все еще придерживаются традиционной модели. Это показывает, что от женщин по-прежнему ожидается, что они будут придерживаться традиционных ролей жены и матери, а любое отклонение от «нормы» критикуется. Несмотря на то, что многие молодые мужчины и женщины получили современное образование, более широкие социальные и экономические реалии по-прежнему основаны на традиционном гендерном разделении труда. В этом контексте, современные китайские женщины поощряются за стремление к независимости и собственному финансовому благополучию, но в то же время от них ожидается уход за семьей и исполнение домашних обязанностей. Это дает мужчине возможность поставить карьеру на первое место и значительно преуспеть в осуществлении

Литература:

1. *Зыонг Куок Куан*. Китайское и вьетнамское средневековое конфуцианство: основные принципы и категории / Зыонг Куок Куан // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Т. 7. Вып. 1.
2. *Бичурин Н.Я.* Китай в гражданском и нравственном состоянии. М. : Восточный Дом, 2002.
3. Shelah Gilbert Leader. The Emancipation of Chinese Women, *World Politics* 26:1 (October 1973). P. 55–79.
4. *Почагина О.* Семья в Китае: новые формы – иные ценности / О. Почагина // Отечественные записки. 2008. № 3.
5. White Paper: The Situation of Chinese Women. Инф Office of the State Council of tKHP 1994, Beijing. P. 1–11.
6. *Дампилон Н.Б.* Юридический статус женщин Китая: осуществление эгалитаризма в семейном праве / Н.Б. Дампилон // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 6–10.

профессиональных целей. В то время как женщине приходится лавировать между работой и домом, выполняя двойную нагрузку.

Со времени, прошедшего после Второй мировой войны, большинство китайок занялись оплачиваемой работой и внесли важный вклад в экономическое развитие страны. Однако дискриминация незамужних женщин, ориентированных на карьеру, и давление по поводу брака указывают на то, что традиционные идеи гендерной роли все еще существуют сегодня в китайском обществе. Вынужденная социально-экономическая гипергамия, стигматизация незамужних женщин и акцент на традиционных ролях женщин свидетельствуют о том, что появление женщин в рабочей силе существенно не изменила их неблагоприятный социальный статус и их традиционные роли как потенциальной жены и матери.

Literature:

1. *Duong Quoc Quan*. Chinese and Vietnamese Medieval Confucianism: Basic Principles and Categories / Duong Quoc Quan // Electronic scientific publication Almanac Space and Time. 2014. Vol. 7. Iss. 1.
2. *Bichurin N.Ya.* China in a civil and moral state. M. : East House, 2002.
4. Shelah Gilbert Leader. The Emancipation of Chinese Women, *World Politics* 26:1 (October 1973). P. 55–79.
5. *Pochagina O.* Family in China: new forms – different values / O. Pochagina // Otechestvennye zapiski. 2008. № 3.
6. White Paper: The Situation of Chinese Women. Инф Office of the State Council of tKHP 1994, Beijing. P. 1–11.
7. *Dampilon N.B.* The legal status of women in China: the implementation of egalitarianism in family law / N.B. Dampilon // Bulletin of the Buryat State University. 2011. № 8. P. 6–10.

Костюк Анна Владимировна

адъюнкт,
Краснодарский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Milena.555@mail.ru

Семенихина Мария Андреевна

соискатель,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
Milena.555@mail.ru

Юрчевская Галина Гаврииловна

соискатель,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
Milena.555@mail.ru

**ФАКТОРНЫЕ ПРИЗНАКИ
И МОТИВАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ
В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ
В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ
СОЦИАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. В статье рассмотрены функции и факторные признаки управленческого поведения молодежи современной России с позиции процесса ее правовой социализации. Авторами анализируются известные подходы к рассмотрению функций систем социального знания и выясняются возможности их применения к исследуемому вопросу. Проблемы функций факторного анализа представлены ими в виде сложной динамической системы, активность которой направлена на преобразование действительности. Рассмотрены вопросы, как развития духовного потенциала человека, так и социализации индивида в целом.

Ключевые слова: общество, молодежь, семья, управленческая мотивация, функции и факторные признаки управленческого поведения, социализации молодежи.

Семья выступает как такая организация, которая тождественна самой себе, с сохранением управленческой динамики движения и изменения её компонентов. Исследования управленческого поведения как сложной системы связаны с изучением процессов управления, тех механизмов, которые лежат в основе соотношения устойчивости и изменчивости, обеспечивают известную согласованность между относительной независимостью индивидов и, свойственной институту семьи, стабильностью во взаимоотношении

Anna V. Kostyuk

Adjunct,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

Maria A. Semenikhina

Applicant,
Essentuki Institute
of Management, Business and Law
Milena.555@mail.ru

Galina G. Yurchevskaya

Applicant,
Essentuki Institute
of Management, Business and Law
Milena.555@mail.ru

**FACTOR SIGNS AND MOTIVATION
OF MANAGERIAL BEHAVIOR OF YOUNG
PEOPLE IN A MODERN FAMILY IN THE
ASPECT OF SOCIO-LEGAL SOCIALIZATION**

Annotation. The article examines the functions and factorial signs of managerial behavior of young people in modern Russia and the position of the process of legal socialization. The well-known approaches to the consideration of the functions of social knowledge systems and the clarification of the possibilities of their application to the issue under study are analyzed. The problems of factor analysis functions are presented in the form of a complex dynamic system, the activity of which is aimed at transforming reality. The issues of both the development of a person's spiritual potential and the socialization of the individual as a whole are considered.

Keywords: society, youth, family, managerial motivation, functions and factor signs of managerial behavior, socialization of youth.

элементов. Изучая функции и факторные признаки управленческого поведения молодежи в современной семье, следует учитывать, что в любых условиях в сознании человека и общества должна присутствовать категория «ценность» (т.е., разделение социальных фактов на ценные и неценные). И обязателен критерий определения данного аспекта деятельности именно как ценного, независимо от интенций и условий, какие, те или иные события, порождают. Более того, автору не требуется, чтобы он заранее создавал

ценность, поскольку ценностное отношение к предмету требуется лишь от воспринимающего субъекта. Тем более, что последний и к предмету, процессу заведомо ценному, может отнестись лишь как к практически необходимому, выделяя его утилитарность и игнорируя существующую, либо предполагаемую систему функций в шкале ценностей [1].

Существенное положение, требующее рассмотрения в свете нашего исследования, заключается в следующем: понятие «ценность» исторически изменчиво. Одни и те же события, факты, признаки и предметы то попадают в сферу оценки, то исключаются из нее. Механизм этого отбора кроется в изменчивости требований и отношений к окружающему.

Изучая любую систему ценностных ориентаций, любую конкретную ценность и присущие им функции, следует учитывать условия, в которых они возникли, и систему предъявляемых к ним, либо предполагаемых ими самими требований – с одной стороны. А с другой – учитывать разницу между пониманием ценности современным исследователем, и пониманием этой ценности, бытующим в исследуемую эпоху. Как отмечал Н.О. Лосский: «Проявления различных субстанционных деятелей не обособлены друг от друга: реальное бытие, творимое деятелем, соотносено не только с остальными проявлениями того же деятеля, но и со всеми проявлениями других субстанциальных деятелей ...» [2].

Отсутствие удовлетворительного определения отнюдь не означает, что факторы поведенческой детерминации и система таких факторов, в целом, не поддаются изучению. С этой точки зрения, рассматриваемая система ничем не отличается от любого другого объекта. Ей также присущи разные аспекты и её также можно изучать с разных сторон. Более того, поскольку «быть ценным», это лишь одна из возможных функций предмета, то совершенно ясно, что конкретный процесс, предмет можно изучать и в полном отрыве от его практической функции. Тогда, как правило, он привлекает внимание специалистов разных областей знания, весьма отдаленных друг от друга.

Новизна проблематики, определяющая недостаточную степень ее теоретической проработки, задает важное направление для нашего исследования - анализ уже известных подходов к рассмотрению функций систем социального знания и выяснение возможностей их применения (через допустимую интерпретацию).

В обозначенном объекте анализа – факторах социальной детерминации – необходимо выделить предмет, т.е., ту сторону процесса познания человеком общества и самого себя, которая наиболее близка по смыслу и закономерностям существования современной теории управления. Таким, аксиологически насыщенным массивом социального знания, предстает, например, искусство, разнобразное не только по видовым и жанровым признакам, но и по вариантам рассмотрения и осмысления его основных функций.

В системе ценностных ориентаций следует различать функции, выражающие черты индивидуального и общественного, случайного и необходимого и т.д. Отправным условием поиска в этой сфере следует считать, очевидно, признание кардинального различия между материальной и духовной сторонами человеческой деятельности. Такое признание, в свою очередь, делает возможным выявление самых общих контуров систем социализации молодежи. Так, ряд авторов выделяет в структуре творческо-преобразовательной деятельности человека общие функциональные элементы – познание, общение, преобразование, ценностную ориентацию. Необходимо отметить, что поиск и выделение функций именно систем социализации – процесс не прямолинейный, осуществляемый на основе принципа многократных приближений к заведомо неоднозначному результату.

Как ряд предпосылок выяснения основных условий функционирования факторных признаков управленческого поведения молодежи в семье, следует рассматривать поиск ответов на вопросы о роли ценностей в общении, о взаимосвязи познания и оценки, о воспитании как системе преобразования личности и т.п. Важно также, что в нашем представлении наметилась тенденция к признанию того факта, что система ценностных ориентаций – явление полифункциональное, многогранное, синтезирующее в себе познание, общение, преобразование и ценностную ориентацию как единичный элемент рассматриваемой системы. Необходимо только на деле учитывать, что индивидуальная деятельность социально детерминирована, и что общество, в конечном итоге, наполняет активность человека во всех наиболее общих тенденциях конкретным социальным содержанием. Предваряя возможные заблуждения, отметим, что, именно на основании вышеизложенного, система всеобщих видов индивидуальной деятельности не может заменить собой структуру ценностного ориентирования, а система ценностных ориентаций – претендовать на роль универсального интегратора общественных отношений [3].

В научном исследовании проблемы функций факторного анализа как сложной динамической системы необходимо различать две ситуации:

- первая связана с процессом создания системы управленческого поведения, направленной на отражение действительности;
- вторая – с исследованием порядка функционирования выделенной системы, активность которой направлена на преобразование действительности.

В первом случае, следуя наметившейся традиции, необходимо выделять не менее четырех основных функций, три из которых (познавательная, оценочная и преобразовательная) проявляются по отношению к действительности, а одна (коммуникативная) – по отношению к человеку.

Во втором случае, среда, на которую воздействует система ценностного ориентирования,

весьма неоднородна: она включает в себя природу, общество и культуру как основные сферы жизнедеятельности человека. Соответственно, и функции системы можно рассматривать, исходя из особенностей сочетания ее с перечисленными сферами действительности.

Первой рассмотрим функцию, проявляющуюся во взаимосвязи личности и общества. Определив её как социально-организационную, отметим, что эта функция является своеобразным ответом на одну из важнейших потребностей общества как саморегулирующейся системы – потребности в постоянном укреплении своей целостности, в обеспечении прочности связей своих компонентов. Социально-организационная функция осуществляется двояко: как через подсистему коллективных действий, так и через процесс социализации индивида. Здесь под социализацией индивида понимается, складывающийся по определенным общественным меркам, исторически необходимый процесс формирования человека как личности, в котором он приобщается к общественным ценностям, впитывая в себя социальный опыт.

Следующая важная функция системы детерминации управленческого поведения определяется как развитие духовного потенциала человека. Она также может быть рассмотрена в двух функциональных подсистемах, обеспечивая, с одной стороны – духовное возвышение человека, а с другой – социализацию индивида, в целом.

Как особую функцию рассматриваемой системы следует представить преобразование личности во имя повышения её роли в структуре управленческих взаимосвязей и в целях оптимизации отношений человека с обществом. Свои специфические отличия от уже отмеченных выше, имеют функции саморегуляции и развития.

Перечисленные функции, очевидно, не исчерпывают всего их возможного состава, поскольку, хотя и определяются, исходя из реальных общественных потребностей, но не отражают многообразия всеобщих форм деятельности, всей полноты социальных отношений. На основании этого

Литература:

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов) Текст. М. : ИНФРА-М, 2015.
2. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи : учеб. пособие – практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. Заведений. Издательский центр «Академия», 2017.
3. Баразгова Е.С. Семейная политика: проблема субъекта. Текст / Е.С. Баразгова, О.В. Козловская // Семья в России. 2018. № 3–4.
4. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика: Философия. История. Теория. М. : Голос, 2011.

замечания отметим, что спектр функций систем ценностного ориентирования очень широк, в силу этого - малоизучен, составляя особое поле исследования, включающее в себя функции, подфункции, системы функций, как общего, так и специфического порядка. Отмеченное многообразие аспектов рассмотрения может быть освещено на материале отдельных актов (этапов) процессов управленческого поведения молодежи в современной семье.

Управленческая мотивация социализации молодежи раскрывается и как комплексная характеристика современного общества. В потребительском поведении, общественное мнение постоянно отбирает из духовной и природной действительности то, что полезно, важно и необходимо для удовлетворения его интересов, обеспечения выживания и развития. Особенно важна его связь с процессами обеспечения прогнозирования и планирования экономического и социального развития региона, отрасли, государства.

Для всестороннего развития семьи в современной России ситуация осложняется тем, что существует глубокое противоречие между количеством, качеством и масштабностью социальных проблем и «отсталостью культурных, интеллектуальных ресурсов и архаичностью управленческих решений, принимаемых на пути их преодоления» [4].

Социологический смысл основных идей и принципов теорий организации и управления состоит в том, что их можно распространять на качественно различные системы вне зависимости от их конструкции и предметной природы.

В познании факторных признаков управленческого поведения молодежи социологический подход позволяет выявить сущностное единство разнородных социальных объектов. Разработка более обобщенных представлений является, вместе с тем, формированием тех основ, на базе которых осуществляется синтез новой информации о факторах детерминации управленческого поведения молодежи в социальном институте современной семьи [5].

Literature:

1. Antonov A.I. Microsociology of the family (methodology of research of structures and processes) Text. M. : INFRA-M, 2015.
2. Leaders A.G. Psychological examination of the family: studies. practical manual for students. fac. psychology higher. studies. Institutions / Publishing Center «Academy», 2017.
3. Barazgova E.S. Family policy: the problem of the subject / E.S. Barazgova, O.V. Kozlovskaya // Family in Russia. 2018. № 3–4.
4. Ilyinsky I.M. Youth and Youth Policy: Philosophy. History. Theory. M. : Golos, 2011.

5. *Минюшев Ф.И.* Духовная жизнь молодых россиян: что впереди? / Ф.И. Минюшев; Под ред. И.М. Ильинского // Молодежь и общество на рубеже веков. М. : Голос, 2019.

5. *Minyushev F.I.* Spiritual life of young Russians: what's ahead? / F.I. Minyushev; Ed.by I.M. Ilyinsky // Youth and society at the turn of the century. M. : Golos, 2019.

Кузьмичева Людмила Николаевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры истории, философии
и социальных технологий,
Новочеркасский
инженерно-мелиоративный институт
(филиал)
Донского государственного
аграрного университета
mila.donchenko.74@mail.ru

Окулич Екатерина Сергеевна
студентка 4 курса,
Новочеркасский
инженерно-мелиоративный институт
(филиал)
Донского государственного
аграрного университета
okulich.katyusha@mail.ru

ПРОБЛЕМА БУЛЛИНГА В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ – СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Сегодня одной из главных задач системы образования – это создание безопасной среды для получения ребенком образования. Травля и издевательства в учебном заведении наносят вред психическому здоровью и самооценке школьника. Статья посвящена остросоциальной, современной проблеме российских школ – буллингу. Согласно различным исследованиям, ежегодно с этой проблемой сталкиваются до 30 % российских школьников. Авторы статьи делают выводы о проблеме школьной травли на основании социологического опроса учеников 10 класса средней общеобразовательной школы г. Новочеркаска Ростовской области.

Ключевые слова: буллинг, травля, психология, кибербуллинг, школьное насилие, подростки, характеристика буллинга, социологический анализ, проблемы школьников, издевательства.

Сегодня одной из главных задач системы образования – это создание безопасной среды для получения ребенком образования. Травля и издевательства в учебном заведении наносят вред психическому здоровью и самооценке школьника.

Впервые описал явление буллинга в 1970-е годы Дэвид Олвеус. Несмотря на глобальность буллинга, в современном мире в нашей стране этой проблеме не уделяется достаточное количество внимания.

Ludmila N. Kuzmicheva
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of History, Philosophy
and Social Technologies,
Novocherkassk Engineering
and Land Reclamation Institute
(branch) Don State Agrarian University
mila.donchenko.74@mail.ru

Ekaterina S. Okulich
Student of the 4th year,
Novocherkassk
Institute of Engineering
and Land Reclamation (branch)
Don State Agrarian University
okulich.katyusha@mail.ru

THE PROBLEM OF BULLYING IN RUSSIAN SCHOOLS – SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Annotation. Today, one of the main tasks of the education system is to create a safe environment for a child to receive an education. Bullying and bullying in an educational institution harms the mental health and self-esteem of a student. The article is devoted to the acute social, modern problem of Russian schools – bullying. According to various studies, up to 30 % of Russian schoolchildren face this problem every year. The authors of the article draw conclusions about the problem of school bullying on the basis of a sociological survey of students of the 10th grade of a secondary school in Novocherkassk, Rostov region.

Keywords: bullying, psychology, cyberbullying, school violence, teenagers, characteristics of bullying, sociological analysis, problems of schoolchildren.

Буллинг (от англ. *bullying* – запугивание) – это один из видов насилия, предполагающий агрессивное преследование одного из членов коллектива со стороны другого или группой лиц.

Насилие в образовательных учреждениях имеет различную природу и характер, проявляется как в форме однократных насильственных действий, так и в виде постоянных издевательств, унижений и систематической травли (буллинга). Насилие может быть физическим и словесным, выражаться в насильственных действиях и высказываниях сексуального характера, иметь явно или

неявно выраженную гендерную направленность, преследовать материальную выгоду (вымогательство и отбирание вещей и денег), но практически всегда оно наносит психологическую травму всем вовлеченным сторонам. Насилие может исходить как от учителей в отношении учащихся, так и от учащихся в отношении учителей или сверстников [3, с. 7].

По данным ЮНЕСКО, «Почти треть учеников – 32 % – становятся жертвами издевательств сверстников в школе по крайней мере один раз в месяц», – говорится в документе, подготовленном на основе данных из 144 стран мира.

Согласно результатам Programme for International Student Assessment (PISA) 2018 года, 37 % российских школьников сообщили, что над ними издевались, по крайней мере, несколько раз за последний месяц. Согласно данным UNESCO за 2018 год, эта цифра составляет 32 % [1 с. 200].

Молодые люди, над которыми издеваются, подвергаются повышенному риску негативных психологических и эмоциональных воздействий, включая тревогу, депрессию, низкую самооценку, злоупотребление алкоголем и наркотиками, враждебность, преступность, поведение, причиняющее вред самому себе (особенно для девочек), и насильственное или преступное поведение (особенно для мальчиков). Те, над кем жестоко издеваются, также статистически более склонны к попытке или совершению самоубийства, и исследования показали, что суицидальные идеи особенно распространены среди жертв издевательств. Издеательства могут спровоцировать проблемы с психическим здоровьем у жертв, у которых ранее их не было, и могут усугубить проблемы у молодых людей с существующими проблемами с психическим здоровьем. Исследования также показали, что жертвы издевательств, как правило, страдают от снижения успеваемости в учебе [3 с. 3].

Буллинг делят на четыре основных типа:

- Физическое издевательство: физическое нападение на жертв или запугивание угрозой физического насилия.
- Словесные издеательства: издеательства, вызывание чувства стыда и словесное оскорбление жертв с целью вызвать страх и понизить самооценку.
- Социальное или эмоциональное запугивание: распространение вредных сплетен или намеренное исключение кого-то из круга общения с намерением нанести вред или разрушить репутацию, или социальное положение жертвы.
- Киберзапугивание: использование электронных средства массовой информации, включая социальные сети, мгновенные сообщения, текстовые сообщения, интернет-форумы, приложения для смартфонов и электронную почту (среди других средств массовой информации), чтобы нацелить жертв на текстовые эквиваленты вербальных издевательств или социальных, или эмоциональных форм издевательств.

Хотя существует множество причин издевательств, определенные факторы риска могут привлекать хулиганов к их жертвам:

- Дети, которые отличаются от своих сверстников.
- Дети, которые слабее (чем хулиганы).
- Дети, которые социально изолированы, менее популярны и имеют мало друзей.
- Может иметь подспудное чувство личной неадекватности

Хулиганы – Эти дети могут обладать следующими характеристиками:

- Все более агрессивное поведение.
- Склонность винить других в своих проблемах.
- Не в состоянии взять на себя ответственность за свои действия.
- Могут быть чрезмерно конкурентоспособны и беспокоиться о своей репутации или популярности.
- Возможно, у вас есть друзья, которые запугивают других.
- Может усматривать враждебные намерения в действиях других.
- Может иметь желание власти или доминирования.

Не обязательно, чтобы хулиган был сильнее или крупнее своей жертвы. Дисбаланс власти может быть вызван многими причинами, включая популярность, силу или когнитивные способности. Хулиганское поведение может быть использовано для получения социального статуса.

Для исследования проблемы буллинга в российских школах нами бы проведен социологический опрос, была использована методика на выявление «буллинг-структуры» Д.А. Лейна.

Данный тест предназначен для подростков. Стоит из 25 вопросов, три из которых позволяют узнать о наличии насилия в классе, как со стороны учеников, так и педагогов.

По итогам диагностики в соответствии с классификацией О.Л. Глазман класс разделяется на:

1. Инициаторов (обидчиков), характеризуются как индивиды, обладающие высоким потенциалом общей агрессивности. Они «нападают» не только на своих жертв, но и на педагогов и родителей.
2. Помощников инициатора характеризуются стремлением помогать и подражать «обидчику». Они пользуются прямым буллингом, именно они обзывают и бьют.
3. Защитников «жертвы», как правило, защитники обладают наибольшим авторитетом среди

одноклассников. Они реже всех проявляют буллинг по отношению к сверстникам и реже подвергаются буллингу.

4. Жертв. Такие дети испытывают психологическое насилие, изолированность и одиночество, ощущение опасности и тревоги. «Жертвам» буллинга свойственно проявление симптомов депрессии, высокий уровень тревожности и иные сходные отрицательные эмоциональные проявления.

5. Наблюдателей (свидетелей). В ситуациях буллинга в роли «свидетелей» находится большинство детей во всем своем многообразии и разнородности [4].

Прошли данную методику 22 респондента из числа учащихся 10 класса средней общеобразовательной школы г. Новочеркаска.

Ответы на вопросы 13, 17 и 20 позволяет узнать о наличии насилия в классе, как со стороны учеников, так и педагогов. 73,3 % ответили, что в их классе нет учеников, которых боятся остальные, 52,4 сказали, что в их классе нет актов насилия за исключением пары случаев, а 50 % ответили, что иногда оскорбления исходят от педагогов.

Результаты исследования «буллинг-структуры» 10 класса показал, что большинство опрошенных детей являются «наблюдателями», но могут совмещать в себе роль «защитника», в то же время, нередко «жертвы» выступают в роли «помощника». В исследуемом классе большой процент «защитников», что говорит о сплочённости коллектива. Количество детей с ролью «жертв» совпадают с количеством «исполнителей», поэтому мы можем судить о наличии проблемы буллинга в коллективе и, как следствие, это может стать причиной ухудшения успеваемости и психологического здоровья учеников (рис. 1).

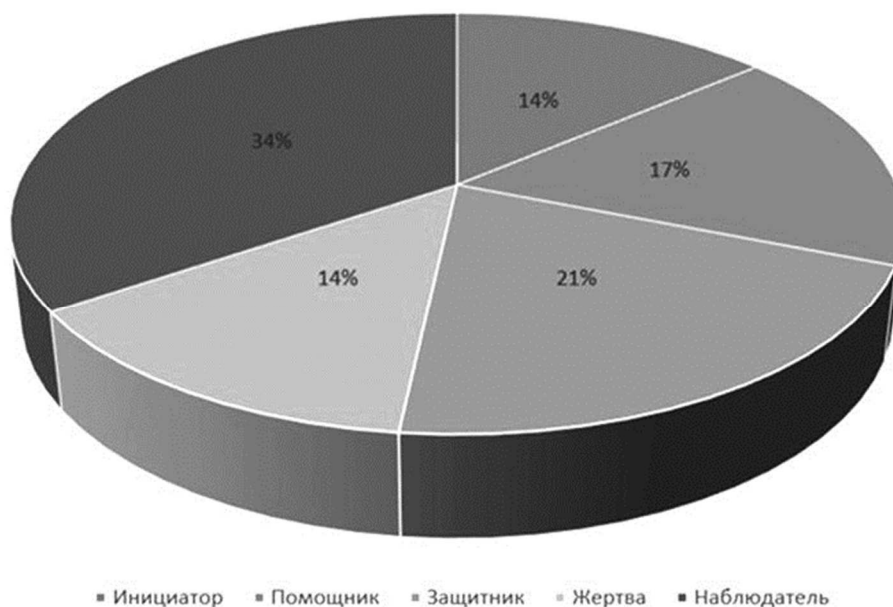

Рисунок 1 – Результаты исследования «буллинг-структуры»

Согласно полученным результатам, необходимо осуществлять работу по профилактике эмоционального насилия в 10 классе.

Профилактика-это лучшее вмешательство:

- Помогите ребенку и семье создать благоприятную и безопасную среду.
- Обеспечьте ребенку уверенность в том, что издевательства не являются его или ее виной.
- Работайте со школой и другими учреждениями, если это применимо, для защиты жертвы.

Борьба с издевательствами-это многоступенчатый процесс.

- Препятствуйте запугиванию.
- Улучшите надзор в местах, обычно находящихся под наблюдением, таких как детская площадка, кафетерий, коридор.

- Стратегии профилактики издевательств должны быть ясными и видимыми для других детей.

- Расскажите детям о последствиях издевательств и дайте им понять, что издевательства являются неправильными и серьезными действиями.

- Применять последовательные дисциплинарные последствия (например, лишение привилегий, возмещение ущерба).

Проявления буллинга разнообразны, но условно их делят на прямую травлю и косвенную. Прямая травля выражается в оскорблениях, избиениях, отбирании денег, вещей; косвенная – в распространении слухов о человеке, бойкотировании его, игнорировании, манипуляции «дружбой». Все это может сопровождаться комментариями сексуального, национального или этнического

содержания с негативным контекстом, высказанными непосредственно или опосредовано через других участников ситуаций. Кроме того, буллинг может проявляться в различных пространствах: в повседневной деятельности (школа, место службы, игровые площадки на пришкольных территориях, улица и проч.) и в Интернете (в первую очередь, социальные сети и другие коммуникационные каналы). Такая форма буллинга получила название «кибербуллинг». Одной из особенностей кибербуллинга является анонимность буллера в случае его желания и большая аудитория свидетелей, имеющих доступ к информации,

Литература:

1. Бушина Е.В. Адаптация русскоязычной версии опросника Ольвеуса «Роли жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга». Методический инструментарий / Е.В. Бушина, А.М. Муминова // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 2. С. 197–216.
2. Воронцов Д.Б. Особенности буллинга в школе / Д.Б. Воронцов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 2(95). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-bullinga-v-shkole> (дата обращения 27.11.2021).
3. Глазырина Л.А. Предотвращение насилия в образовательных учреждениях : метод. пособие для педагогических работников / Л.А. Глазырина, М.А. Костенко // ЮНЕСКО, 2015 Т.А. Епоян. М., 2015 144 с. URL : <https://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214741.pdf> (дата обращения 26.11.2021).
4. Норкина Е.Г. Методика на выявление «Буллинг-структуры» / Е.Г. Норкина // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3(8). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-na-vyyavlenie-bulling-struktury> (дата обращения 27.11.2021).
5. Обзор темы издевательств // Онлайн-коллекция Gale Opposing Viewpoints, Гейл, 2019. URL : <http://example.comhttps://www.gale.com/intl/databases-explored/social-issues/child-bullying> (дата обращения 26.11.2021).

являющихся друзьями по социальным сетям [2 с. 131].

В настоящее время буллинг приобретает новые формы, оставаясь одной из самых актуальных проблем в образовании. На сегодняшний день у нас в стране нет готового практического метода по профилактике буллинга в школах. Поэтому можно сделать вывод о необходимости создания и проведения мероприятий, направленных на ликвидацию и предотвращение школьного буллинга.

Literature:

1. Bushina E.V. Adaptation of the Russian version of the Olveus questionnaire «The roles of victim and aggressor in the situation of school bullying». Methodological tools / E.V. Bushina, A.M. Muminova // Social psychology and society 2021 Vol. 12. № 2. P. 197–216.
2. Vorontsov D.B. Features of bullying at school / D.B. Vorontsov // Bulletin of Cherepovets State University. 2020. № 2(95). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-bullinga-v-shkole> (date of application 27.11.2021).
3. Glazyrina L.A. Prevention of violence in educational institutions. Methodical manual for teaching staff / L.A. Glazyrina, M.A. Kostenko // UNESCO, 2015 T.A. Epoyan. M., 2015 144 p. URL : <https://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214741.pdf> (date of application 26.11.2021).
4. Norkina E.G. Methodology for identifying the «Bullying structure» / E.G. Norkina // Tavrichesky scientific Observer. 2016. № 3(8). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-na-vyyavlenie-bulling-struktury> (date of application 27.11.2021).
5. Bullying Topic Overview // Gale Opposing Viewpoints Online Collection, Gale, 2019. URL : <http://example.comhttps://www.gale.com/intl/databases-explored/social-issues/child-bullying> (date of application 26.11.2021).

Ларина Елена Викторовна

научный сотрудник сектора социологии
девиантного поведения,
Институт социологии Федерального
научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук
elena_shulgina@inbox.ru

Elena V. Larina

Researcher in the Sector
of Sociology of Deviant Behavior,
Institute of Sociology of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
elena_shulgina@inbox.ru

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ
НОРМАТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
СТУДЕНТОВ О ПОТРЕБЛЕНИИ
АЛКОГОЛЯ (ПО ДАННЫМ
ИССЛЕДОВАНИЯ 2020–2021)**

**FEATURES OF MODERN
NORMATIVE IDEAS OF STUDENTS
ABOUT ALCOHOL CONSUMPTION
(ACCORDING TO THE STUDY 2020–2021)**

Аннотация. В статье представлен анализ данных проведенного исследования студенческой молодежи (2020–2021 гг. N = 528, г. Москва, Краснодар, Ярославль) с целью выявления современных представлений данной группы населения о нормах в отношении потребления алкоголя. Согласно полученным результатам, употребление спиртного остается серьезной проблемой среди студенчества. Отмечается достаточно раннее приобщение молодежи к распитию спиртных напитков. Зафиксировано противоречие между представлением об алкопотреблении как о социально приемлемой практике жизни и декларируемой ценностью здорового образа жизни, подразумевающего полный отказ от спиртного. Наиболее распространенная причина отказа от употребления алкоголя – личное волевое решение индивида – «просто решил(а) и не пью».

Annotation. The article presents an analysis of the data of the conducted research of students (2020–2021, N = 528, Moscow, Krasnodar, Yaroslavl) in order to identify the modern ideas of this population group about the norms regarding alcohol consumption. According to the results, alcohol consumption remains a serious problem among students. An early introduction to drinking alcoholic beverages were revealed. A contradiction between the idea of alcohol consumption as a socially acceptable life practice and the declared value of a healthy lifestyle, that including a complete rejection of alcohol were found out. The most common reason for refusing to drink alcohol is a personal volitional decision of an individual – «I just decided and don't drink».

Ключевые слова: алкоголь; потребление; студенты; нормативное представление; первая проба.

Keywords: alcohol; consumption; students; normative idea; first intake.

Согласно официальным данным, представленным Федеральной службой государственной статистики, наблюдается неуклонное снижение показателей заболеваемости населения РФ алкоголизмом и алкогольными психозами[1]. Однако, в то же время, увеличилось число летальных исходов, обусловленных употреблением алкоголя: 47427 – 2019 г., 50435 – 2020 г.[4]. Кроме того, по информации Министерства здравоохранения РФ, отмечен рост потребления спиртных напитков в период режима самоизоляции – на 2–3 % [2]. Зафиксировано также повышение значения показателя розничной продажи алкогольной продукции на душу населения: 6,03 л этанола – 2019 г., 6,18 л – 2020 г. [3]. Таким образом, несмотря на снижение некоторых показателей, проблема пагубного употребления алкоголя не теряет своей актуальности. При этом наибольшую обеспокоенность вызывает вред, наносимый потреблением спиртным, организму

молодых людей, который еще не успел полностью сформироваться.

Цель настоящей работы состоит в анализе современного представления студенческой молодежи о нормах в отношении потребления алкоголя, что может способствовать выработке актуальных эффективных мер профилактики злоупотребления спиртным и формирования алкогольной зависимости.

Эмпирической базой исследования является опрос студентов высших учебных заведений, проведенный сотрудниками Центра в 2020–2021 гг. (N = 528, г. Москва, Краснодар, Ярославль). Среди опрошенных 37 % – студенты мужского пола, 63 % – женского. Средний возраст респондентов – 19,8 лет.

Согласно полученным ответам, только около четверти респондентов (23 %) вообще не употреб-

ляют спиртные напитки. Среди них 41 % – лица мужского пола, 59 % – женского пола. При этом если брать за 100 % весь массив мужского пола, то ответил, что вообще не пьет спиртное каждый четвертый респондент всего массива мужского пола (25 %), если брать за 100 % весь массив женского пола – каждый пятый респондент всего массива женского пола (21 %). Самыми распространенными причинами отказа от алкоголя были указаны следующие:

- «просто решил(а) и не пью» – 73,5 %;
- «не нравится вкус или воздействие» – 34 %;
- я считаю, что трезвость – норма жизни» – 30 %.

Примерно, каждый третий опрошенный (31 %) указал на то, что не помнит в каком возрасте осуществил свою первую пробу алкоголя (учитывая молодость респондентов, из чего, можно сделать вывод о том, что это произошло в несовершеннолетнем возрасте). В ответах остальной части массива наиболее популярным стал возраст «16 лет» (13 %), на втором месте – в равных долях – «14 лет» и «18 лет» – по 11 %.

Таким образом, каждый десятый респондент приобщился к потреблению алкоголя в возрасте, соответствующем обучению на первом курсе, что может свидетельствовать о роли алкоголя в качестве элемента интеграции в новую социальную среду. Полученное в результате анализа среднее значение возраста первой пробы спиртного составляет 15,4 лет. Следует также подчеркнуть, что, согласно полученным ответам, лишь 13,5 % респондентов массива из тех, кто пробовал алкоголь, указал, что первый прием спиртного произошел в совершеннолетнем возрасте (от 18 лет и старше).

Исследование нормативных представлений студенческой аудитории в отношении алкопотребления осуществлялось при помощи ряда вопросов, включающих в себя оценку мнений:

- о допустимой частоте распития;
- о возможности использования спиртного для снятия стресса;
- о повышении возрастного ценза продажи алкогольных напитков;
- о допустимом возрасте первой пробы алкоголя;
- о соблюдении полной трезвости;
- о допустимости вождения автомобиля в нетрезвом состоянии.

Анализ полученных ответов дал следующие результаты.

Подавляющее большинство опрошенных (80 %) считают нормальным употребление алкоголя по случаю праздника или в хорошей компании. В то же время, примерно такая же доля респондентов

(74 %) придерживается мнения о том, что лучше пить как можно реже.

Половина респондентов (49,5 %) выразили согласие с утверждением, что пить можно сколько угодно, если себя контролируешь.

12 % считают, что при современных стрессогенных условиях жизни без алкоголя невозможно нормально расслабиться.

Что касается повышения минимального возраста продажи алкогольных напитков до 21 года, то примерно половина (49 %) относится к этому положительно, однако, в то же время, считает, что ограждать подростков от употребления спиртного невозможно. 19 % выступает против данной инициативы, утверждая, что знакомство с алкоголем является неотъемлемой частью взросления. 17 % затруднились сформировать свою позицию по данному вопросу и лишь 15 % опрошенных безусловно выступили за.

Среди нормативных представлений студентов о допустимом возрасте первой пробы алкоголя выделились две лидирующие позиции – в 16 лет (30 %) и в 18 лет (28,5 %). На третьем месте по популярности с большим отрывом – в 14 лет (10 %). При том, что из всего массива лишь 23 % ответили, что вообще не употребляют спиртное, больше половины (57 %) указали, что выступают за полную трезвость.

Анализ гендерного распределения ответов респондентов показал, что 58 % всего массива мужского пола и 54 % всего массива женского пола придерживаются данной позиции.

Абсолютное большинство ответивших (92 %) уверены, что нельзя садиться за руль в нетрезвом состоянии. Однако 5 % массива считают, что иногда это допустимо при условии, что опьянение не сильное. 2 % респондентов отметили, что у них самих бывали случаи, когда они водили, употребив спиртное.

Таким образом, согласно полученным результатам исследования, потребление алкоголя остается достаточно популярной практикой среди студенческой аудитории: 77 % респондентов употребляют спиртное с той или иной периодичностью. В то же время, больше половины опрошенных отметили, что выступают за полную трезвость. Примерно, равные доли ответов получены по позициям «нормально употреблять алкоголь по праздникам или в хорошей компании» и «лучше пить как можно реже» – 80 % и 74 % соответственно. Отсюда, наблюдается противоречие между представлением о потреблении алкоголя как о социально приемлемой практике жизни и декларируемой ценностью здорового образа жизни, включающего полный отказ от спиртного, стигматизацию пьющих.

Примерно, каждый десятый (12 %) рассматривает алкоголь в качестве обязательного элемента расслабления, т.е., алкопотребление выступает определенной стратегией адаптации к современным условиям жизни, характеризующимся высоким уровнем стресса.

Наиболее высокую значимость среди причин отказа от алкоголя показал мотив личного волевого решения индивида – «просто решил(а) и не пью» – 73,5 % от ответов респондентов, не употребляющих спиртное респондентов.

Выявлено достаточно раннее приобщение к потреблению спиртного. Лишь 13,5 % всего массива тех, кто когда-либо пробовал алкоголь, осуществил свой первый прием спиртного в совершеннолетнем возрасте (18 лет и старше). Среднее значение возраста первой пробы спиртного, согласно полученным ответам, составляет 15,4 лет.

Литература:

1. Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13721#> (дата обращения 08.11.2021).
2. Мурашко сообщил о росте потребления в России алкоголя во время эпидемии // Информационное агентство «РБК» от 03.05.2020. URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5eaf0ec19a7947c2e36e70f1> (дата обращения 09.11.2021).
3. Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции в 2018–2020 годах. Статистический сборник. Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка. М., 2021. 131 с.
4. Число умерших по причинам смерти // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 08.11.2021).

При этом сами респонденты в качестве допустимого возраста первого приема алкоголя наиболее часто называли 16 и 18 лет.

Значительные гендерные и возрастные различия по распределению ответов выявлены не были.

В целом, проблема алкопотребления среди студенческой молодежи остается достаточно серьезной, что требует современных эффективных мер профилактики, разработанных с учетом характеристик, нормативных представлений и особенностей восприятия данной конкретной группы населения.

Literature:

1. Morbidity of the population with alcoholism and alcoholic psychoses // Official website of the Federal State Statistics Service URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (date of application 08.11.2021).
2. Murashko reported an increase in alcohol consumption in Russia during the epidemic // RBC News Agency from 03.05.2020 URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5eaf0ec19a7947c2e36e70f1> (date of application 09.11.2021).
3. The main indicators characterizing the alcohol market in 2018–2020. Statistical digest. Federal Service for Alcohol Market Regulation. M., 2021. 131 p.
4. The number of deaths due to causes of death // Official website of the Federal State Statistics Service URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (date of application 08.11.2021).

Лях Павел Петрович

кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра социальной работы и психологии,
Тихоокеанский
государственный университет
lhpp@mail.ru

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ
В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ**

Аннотация. В настоящее время в России регулярно наблюдаются проявления экстремистских настроений среди молодёжи. Причина существования экстремизма в молодёжной среде заключаются в специфических характеристиках данной возрастной группы. Молодёжи присущ максимализм и склонность к экстремальному поведению. В статье анализируются данные социологического исследования, фиксирующего виды и степень распространения экстремизма среди молодёжи на примере города Хабаровска.

Ключевые слова: экстремизм, молодёжь, студенты, максимализм, девиантное поведение, радикализм, социализация, интернет.

Массовое убийство в гимназии № 175 в Казани 11 мая 2021 года, в результате которого погибли 9 человек, и стрельба в Пермском государственном университете 20 сентября 2021 года, жертвами которой стали 6 человек, потрясли российскую общественность и в очередной раз поставили вопрос об эффективности государственной молодёжной политики. При этом в уже принятых распоряжением правительства России в 2014 году Основах государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года было указано: «...Проблемным фактором является деструктивное информационное воздействие на молодёжь, следствием которого в условиях социального расслоения, как показывает опыт других стран, могут стать повышенная агрессивность в молодёжной среде, национальная и религиозная нетерпимость, а также социальное напряжение в обществе» [1].

Произошедшие события стали наглядным примером проявления в молодёжной среде случаев приверженности к крайним взглядам и методам действия – экстремизму. Под молодёжным экстремизмом принято понимать взгляды и тип поведения молодых людей, основанные на культивировании принципа силы, агрессии в отношении окружающих, вплоть до насилия и убийства.

Как известно, молодёжь является самой подвижной и социально восприимчивой частью

Pavel P. Lyakh

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of Social Work
and Psychology,
Pacific State University
lhpp@mail.ru

**EXTREMISTISCHE STIMMUNG
IN DER JUGENDUMWELT VERBREITEN**

Annotation. Currently in Russia, there are regular manifestations of extremist sentiments among young people. The reason for the existence of extremism in the youth environment lies in the specific characteristics of this age group. Young people are characterized by maximalism and a tendency to extreme behavior. The article analyzes the data of a sociological study that records the types and extent of the spread of extremism among young people using the example of the city of Khabarovsk.

Keywords: extremism, youth, students, maximalism, deviant behavior, radicalism, socialization, Internet.

общества, она содержит в себе потенциал как для конструктивной деятельности, так и деструктивной. Таким образом, создается опасность криминальной социализации молодёжи, при этом нарушается восприятие ею традиционной духовно-ценностной базы воспитания и социализации [2].

Молодые люди неопытны в анализе и критическом восприятии окружающего мира, им свойственны максимализм и стремление достичь своих целей любой ценой, не считаясь с последствиями. В исследовании сущности молодёжного экстремизма, обычно, выделяют два аспекта. Первый относится к максимализму присущему подростковому возрасту и проявляющемуся, прежде всего, в девиантном поведении. Это можно рассматривать как попытку молодого поколения продемонстрировать старшему поколению свою возрастающую социальную роль в жизни обществ. Второй аспект определяется не удовлетворенностью части молодёжи своим ограниченным статусом в политической системе общества, предписываемой ей ролью простого избирателя и инструмента в руках политической элиты. В этом случае, действия молодых людей также могут выйти за рамки поведения одобряемого системой и могут создавать серьёзную угрозу общественному порядку.

Следует учитывать, что молодёжная среда в силу своих социальных характеристик и остроты

восприятия окружающей обстановки является благодатной почвой, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала [3].

Проявление молодёжного экстремизма требует постоянного мониторинга и анализа порождающих его факторов и форм проявления. С декабря 2018 г. по февраль 2019 г. в городе Хабаровске было проведено социологическое исследование, посвященное изучению проблем распространения экстремистских настроений в студенческой

среде. В ходе исследования было опрошено 387 студентов трёх вузов всех курсов и разных направлений обучения. Выборка репрезентативна по всем основным показателям.

Результаты опроса показали, что подавляющее большинство респондентов (87,8 %) утвердительно ответило на вопрос о наличии проявлений экстремизма в среде молодёжи в России, почти половина о наличии в городе Хабаровске (41,1 %) и около четверти подтвердило существования экстремистских настроений у них в вузе (27,7 %).

Таблица 1

Проявление экстремистских настроений среди молодёжи

Проявление	В России	В Хабаровске	В вашем вузе
Существует	87,8 %	41,1 %	27,7 %
Частично существует	9,7 %	35,7 %	16,6 %
Не существует	2,4 %	6,8 %	18,5 %
Затрудняюсь ответить	5,5 %	18,7 %	37,4 %

И если данные по России можно объяснить информационными волнами, вызываемые отдельными случаями экстремизма, происходящими в стране достаточно регулярно, то высокий процент указывающих на существование этого явления в каждом конкретном вузе порождает законное опасение по поводу масштаба данной проблемы. Это косвенно подтверждает и достаточно большая часть затруднившихся ответить (37,4 %) – студенты не знают случаев проявления экстремизма в их вузе, но списывают это на свою неинформированность.

Интересно было узнать, что же студенты понимают под экстремизмом и какую деятельность, по их мнению, можно отнести к экстремистской? Респондентам был задан соответствующий вопрос и предложено выбрать несколько вариантов ответов. Получены следующие результаты:

- пропаганда превосходства по признаку политической, расовой, национальной или религиозной принадлежности – 62,2 %,
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека в зависимости политической, расовой, национальной или религиозной принадлежности – 57,1 %,
- демонстрация неуважения по признаку политической, расовой, национальной или религиозной принадлежности – 51,3 %,
- создание незаконных вооруженных формирований – 39,9 %,
- участие в незаконных объединениях, организациях – 33,7 %,
- участие в неразрешенных формах протеста, в митингах – 31,2 %,
- затруднились ответить – 3,4 %.

Очень показательно, что проявлением экстремизма большинство опрошенных молодых людей считают нарушения принципов равенства,

уважения и попрание свобод по признакам политической, расовой, национальной или религиозной принадлежности. А вот – незаконное участие в неразрешенных формах протеста, в митингах, демонстрациях, в объединениях и организациях считают экстремистской деятельности значительно меньшая часть опрошенных. Молодёжь, как бы, оставляет за собой право защищать свои интересы даже незаконными методами. Факты участия подростков и молодых людей в протестных акциях в России, в том числе, и в Хабаровске, подтверждает это. Отдельной проблемой является доступность материалов, пропагандирующих экстремизм, нетерпимость и насилие по отношению к различным группам людей, государству или власти. Исследование показало, что большинство (55,8 %) молодых людей имели возможность познакомиться с такими материалами, а не сталкивались с ними только 38,6 %. Учитывая, что правоохранительные органы стараются, в соответствии с принятыми законами, контролировать и пресекать распространение подобной информации, её доступность для столь большого процента молодёжи свидетельствует о недостаточной эффективности их деятельности. Естественно возникает вопрос и об источниках такой информации.

Первенство интернет-ресурсов как информационной базы в настоящее время является устойчивым трендом и не вызывает сомнения. Пользование интернетом среди молодых россиян 12–24 лет в 2020 году приблизилось к 100 % [4]. Ориентируясь на это, идеологи экстремизма активно используют социальные медиа как платформы для размещения запрещенных материалов, стараясь воздействовать на сознание молодежи, восприимчивой, в силу возрастной специфики, к радикализму, нигилизму и нетерпимости.

Члены экстремистских движений и групп активно пользуются возможностью распространять свою идеологию и убеждения с помощью интернет-ресурсов, численность аудитории которых может колебаться от нескольких десятков до сотен тысяч человек. Под видом обмена мнениями в

интернете экстремисты могут вести пропаганду, вербовать новых сторонников и увеличивать количество «сочувствующих», используя в своих

целях несформировавшееся сознание молодого поколения [5].

Таблица 2

Источники материалов, содержащих экстремистскую информацию

Источники информации	%
Интернет	64,7 %
Телевидение	19,7 %
Фильмы	18,6 %
Книги	7,9 %
Листовки	5,2 %
Другое	5,2 %
Затрудняюсь ответить	14,8 %

Полученные данные, несмотря на свое локальное значение, являются наглядным подтверждением существования проблемы распространения экстремистских настроений в молодёжной среде. Все понимают, что молодежь – это будущее страны. Однако, если сегодня мы фиксируем, что в процессе формирования и развития молодежи как социально-демографической группы общества под воздействием негативных факторов происходят нежелательные отклонения, то

существует реальная опасность того, что в ближайшем будущем наше общество столкнется с рядом сложных проблем. Государство и общество не могут игнорировать данный факт и должны принимать эквивалентные меры для ограничения распространения экстремизма, его изоляции и, в конечном итоге, ликвидации, как деструктивного явления несущего реальную угрозу общественному порядку.

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL : <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 27.11.2021).
2. Егоров М.И. Экстремизм: понятие, сущность, подходы к изучению и осмыслению / М.И. Егоров // Молодой ученый. 2011. № 3(26). Т. 2. С. 83–84. URL : <https://moluch.ru/archive/26/2795/> (дата обращения 27.11.2021).
3. Сущенко С.А. Экстремизм в среде российской молодежи: социальные и психологические истоки возникновения / С.А. Сущенко, Е.С. Жидяева, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. Вып. № 10. URL : https://online-science.ru/m/products/social_science/gid4282/pg0/ (дата обращения 27.11.2021).
4. Аудитория интернета в России в 2020 году. URL : <https://mediascope.net/news/1250827/> (дата обращения 27.11.2021).
5. Болдырев Е.В. Молодежный экстремизм в социальных сетях: анализ основных трендов и мер противодействия / Е.В. Болдырев, Н.Н. Гонтаренко // Обзор.НЦПТИ. 2020. Вып. № 2(21). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-v-sotsialnyh-setyah-analiz-osnovnyh-trendov-i-mer-protivodeystviya/> (дата обращения 27.11.2021).

Literature:

1. Order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 № 2403-r. Fundamentals of the state youth policy of the Russian Federation for the period up to 2025. URL : <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (date of application 27.11.2021).
2. Egorov M.I. Extremism: concept, essence, approaches to the study and understanding / M.I. Egorov // Young scientist. 2011. № 3(26). Vol. 2. P. 83–84. URL : <https://moluch.ru/archive/26/2795/> (date of application 27.11.2021).
3. Sushchenko S.A. Extremism among Russian youth: social and psychological origins. // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. Iss. № 10 / S.A. Sushchenko, E.S. Zhidiyeva, S.I. Samygin. URL : https://online-science.ru/m/products/social_science/gid4282/pg0/ (date of application 27.11.2021).
4. Internet audience in Russia in 2020. URL : <https://mediascope.net/news/1250827/> (date of application 11/27/2021).
5. Boldyrev E.V. Youth Extremism on Social Media: An Analysis of Major Trends and Countermeasures / E.V. Boldyrev, N.N. Gontarenko // Review. NTSPIT. 2020. Issue № 2(21). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-ekstremizm-v-sotsialnyh-setyah-analiz-osnovnyh-trendov-i-mer-protivodeystviya/> (date of application 27.11.2021).

Манкова Мария Владимировна
студентка бакалавриата,
Южный федеральный университет
mankova@sfedu.ru

Пирумян Арменуи Арсеновна
старший преподаватель,
Южный федеральный университет
pirumyan@sfedu.ru

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ МНЕНИЙ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ВОЗМОЖНОСТИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ОЧНОГО И ДИСТАНЦИОННОГО ФОРМАТОВ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ

Аннотация. В современном мире все большую актуальность приобретает проблема дистанционных занятий, пришедших на смену очным в связи с нынешней эпидемиологической обстановкой. Данное исследование рассматривает мнения студентов и преподавателей о возможности отождествления обоих форматов обучения, а также, о различиях между ними. По результатам контент анализа были выделены различия, разнящиеся по количеству упоминаний, как для разных групп студентов, так и для преподавателей.

Ключевые слова: дистанционное обучение, онлайн-обучение, аудиторные занятия, студенты, университет, мотивация, эффективность.

Дистанционное образование, несмотря на то, что оно с нами не так долго, уже повсеместно стало частью образовательной системы и может решать задачи, которые не всегда подвластны аудиторному обучению [7]. Однако представления о нем как у студентов, так и у преподавателей до сих пор очень разные: от мнения о том, что дистанционный формат обучения может полностью заменить занятия в аудиториях, до мнения, что это лишь временное явление.

Вопрос об эффективности дистанционного образования и мотивации к обучению крайне актуален сейчас, так как их уровни разнятся по сравнению с очным обучением [3]. Несмотря на очевидные преимущества дистанционного обучения – экономия времени и средств, комфорт [1], существуют и очевидные недостатки. Зачастую, студенты прибегают к легким путям по типу списывания [5], и, не имея достаточной мотивации, они не включаются полноценно в образовательный процесс [4]. Также, ведется активная разработка способов для достижения повышения качества образования, одним из которых является улучшение обратной связи [6]. Смешанное обучение при

Maria V. Mankova
Undergraduate Student,
Southern Federal University
mankova@sfedu.ru

Armenui A. Pirumyan
Senior Lecturer,
Southern Federal University
pirumyan@sfedu.ru

CONTENT ANALYSIS OF THE OPINIONS OF STUDENTS AND TEACHERS REGARDING THE POSSIBILITY OF IDENTIFYING FACE-TO-FACE AND DISTANCE LEARNING FORMATS

Annotation. In the modern world, the problem of distance learning, which has replaced full-time studies, is becoming increasingly important in connection with the current epidemiological situation. This study examines the opinions of students and teachers about the possibility of identifying both learning formats, as well as the differences between them. Based on the results of the content analysis, differences were identified that differ in the number of references both for different groups of students and for teachers.

Keywords: distance learning, online learning, classroom studies, students, university, motivation, efficiency.

грамотной его организации, также представляется возможным решением для сочетания плюсов обоих типов обучения и создания более полного мотивационного пространства [2].

Исследование призвано рассмотреть мнения преподавателей и студентов о возможности отождествления очного обучения в аудиториях и обучения с помощью дистанционных образовательных технологий (далее, «дистанционное обучение»). В перспективе, результаты помогут выявить особенности обоих видов обучения и определить вектор, который поспособствует улучшению качества и снижению влияния недостатков на сам процесс обучения.

Нами было проведено исследование мнений студентов и преподавателей высших учебных заведений (Южного федерального университета и Донского государственного технического университета). Выборка студентов состояла из студентов 1 курса в количестве 69 человек, 96 студентов 2–4 курса бакалавриата в возрасте от 18 до 23 лет. И из 37 преподавателей, возраст которых составил от 23 до 78 лет.

Сбор данных осуществлялся путем онлайн анкетирования на платформе Google Forms. Студенты и преподаватели отвечали на вопросы в период с февраля по март 2021 года.

Всем респондентам–студентам был задан вопрос: «Можно ли, на ваш взгляд, отождествлять очное и дистанционное образование? Если нет, то в чем, по-вашему, различия?», а респондентам-преподавателям вопрос: «Можно ли, на Ваш взгляд, отождествлять очное и дистанционное образование с точки зрения успешности передачи смыслов и значений предмета студентам? Если нет, то в чем, по-вашему, различия?». Оба заданных вопроса предполагали развернутый ответ.

Далее, был проведен рейдовый контент–анализ, с выделением понятийно–тематических единиц в полученных ответах.

В результате проведенного анализа мнений были выделены 3 группы ответов:

- 1) допущение возможности полного отождествления очного и дистанционного форматов обучения;
- 2) полное отрицание возможности отождествления очного и дистанционного форматов обучения;
- 3) те, кто не выражает свою позицию явно или допускает отождествление этих форматов проведения занятий с некоторыми условиями.

На рисунке 1 представлена диаграмма выделенных групп мнений у первокурсников, на рисунке 2 – студентов 2–4 курсов бакалавриата, и на рисунке 3 – преподавателей.

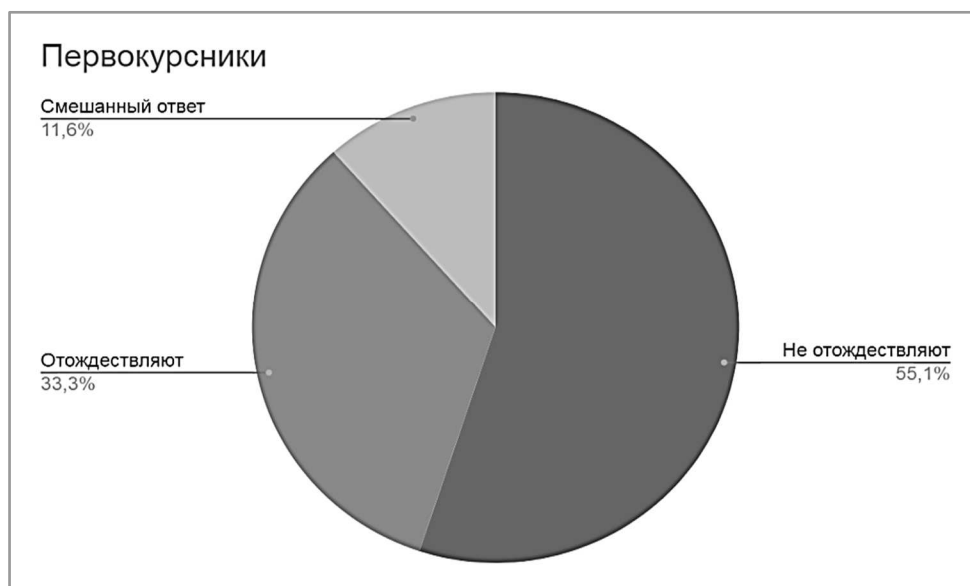

Рисунок 1 – Распределение мнений студентов 1 курса о возможности отождествления очного и дистанционного форматов обучения

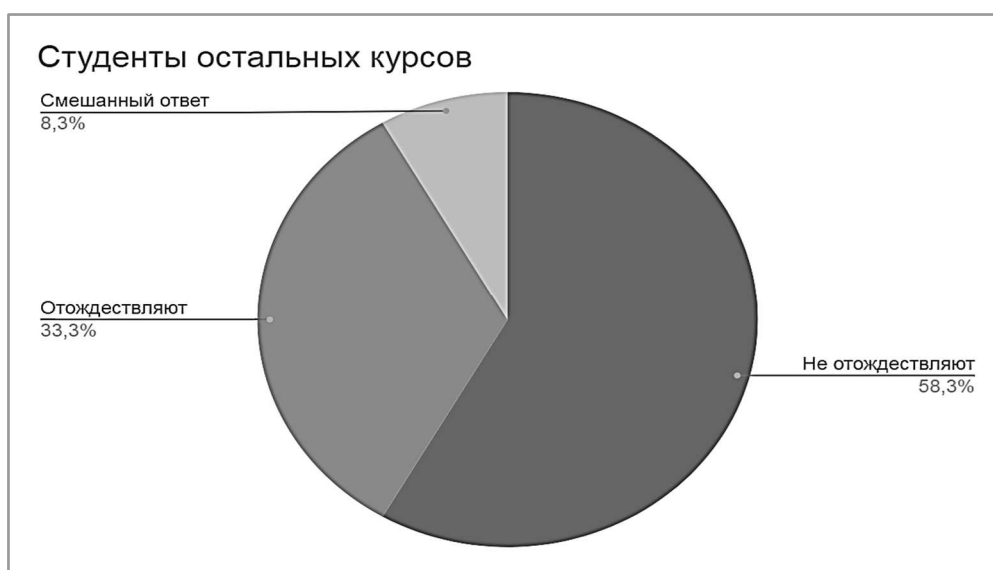
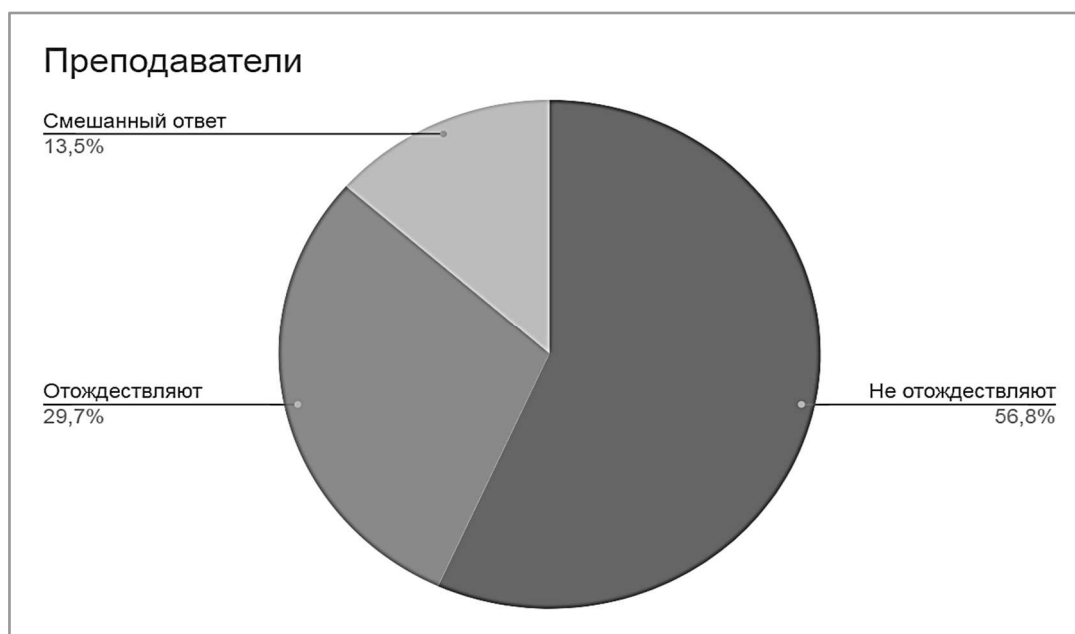

Рисунок 2 – Распределение мнений студентов 2–4 курсов о возможности отождествления очного и дистанционного форматов обучения

Рисунок 3 – Распределение мнений преподавателей о возможности отождествления очного и дистанционного форматов обучения

Данные, представленные на диаграммах, показывают, что мнения, примерно, одинаково распределены у всех трех рассматриваемых контингентов респондентов.

При проведении контент-анализа были обозначены несколько категорий это – 2 основные, и 1 дополнительная категория: отождествление, выделяемые различия, и успешность передачи смыслов и значений (последняя только для преподавателей).

Категория «Отождествление» включает в себя отношение к возможности отождествления очного и дистанционного образования.

Следующая категория – «Различия», выделяемые респондентами между обоими форматами образования. В этой категории есть 12 подкатегорий и 13-я дополнительная для преподавателей. Это следующие подкатегории:

1. Условия – упоминание в ответе условий для возможности отождествления, например, высказывание о том, что дистанционный формат подходит для лекций, но не для практической занятий.
2. Технические особенности – все зависящие от техники трудности (помехи, обрывы подключения, недостаточная развитость платформ для занятий), и все плюсы, связанные с процессом обучения (легкость подключения из любого местонахождения).
3. Непосредственное общение – особенности невербальной стороны общения, упоминания важности физического присутствия в одной аудитории.
4. Эффективность – оценка получаемого образования, качественная его сторона.

5. Включенность – вовлеченность в процесс занятий, а также – концентрация на процессе обучения.

6. Мотивация – ее наличие для обучения, заинтересованность в нем.

7. Организация времени и средств – упоминания различий в организации времени, и всевозможные упоминания любых видов физических и нематериальных затрат.

8. Степень разработанности – подкатегория, отмечающая мнения касательно разработанности методической стороны дистанционного и очного образования.

9. Контакт – ощущение наличия психологического контакта, диалога между субъектами обучения, наличие обратной связи.

10. Самостоятельность – упоминания самостоятельной организации студентами своей учебной деятельности.

11. Усвоение материала – аспекты усвоения знаний учебных предметов.

12. Комфорт – психологический и физический комфорт, относительно проводимых занятий и учебной обстановки.

13. Различия смыслопередачи – выделяемые различия передачи смыслов и понимания учебных предметов (подкатегория только для преподавателей).

В таблице результатов (табл. 1.) представлено количество мнений, содержащих упоминание подкатегории, которое совпадает с количеством упоминаний найденных во время проведения анализа. Последняя категория «Успешность

передачи смыслов и значений», как следует из названия, ориентирована на учет мнений о смыслопередаче и усвоение значений. Единицы данной категории могут быть выявлены только у опрошенных преподавателей, так как уточнение

про успешность смыслопередачи содержалось только в вопросе для них.

Далее представлены результаты самого анализа в таблице 1.

Таблица 1

Результаты контент анализа ответов студентов

Выявляемые различия	Студенты первокурсники		Студенты остальных курсов	
	Количество мнений, содержащих единицы категории	Процент мнений, содержащих единицы категории	Количество мнений, содержащих единицы категории	Процент мнений, содержащих единицы категории
1. Условия	9	13 %	7	7 %
2. Технические особенности	3	4 %	6	6 %
3. Непосредственное общение	2	3 %	14	15 %
4. Эффективность	9	13 %	21	22 %
5. Включенность	14	20 %	11	11 %
6. Мотивация	7	10 %	5	5 %
7. Организация ресурсов	9	13 %	9	9 %
8. Степень разработанности	0	0 %	2	2 %
9. Контакт	18	26 %	25	26 %
10. Самостоятельность	3	4 %	6	6 %
11. Усвоение материала	10	14 %	22	23 %
12. Комфорт	19	28 %	7	7 %

Среди 69 первокурсников наиболее часто встречаются упоминания таких подкатегорий различий как – включенность 14 (20 %), контакт 18 (26 %), и комфорт 19 (28 %). Учитывая условия их поступления в университет сразу на смешанную форму дистанционного с очным форматами обучения, и то, что они заканчивали школу дистанционно, самые часто упоминаемые подкатегории различий иллюстрируют степень обращения внимания к данным аспектам.

Студенты 2–4 курсов бакалавриата, 96 человек, участвовавшие в опросе, уже имевшие опыт очного обучения в университете, чаще всего, отмечают следующие различия между дистанционным и очным образованием:

- 14 (15 %) ответов содержащих высказывания о непосредственном общении;
- 21 (22 %) – об эффективности;
- в 22 (23 %) мнениях упоминаются аспекты усвоения материала;
- 25 (26 %) респондентов отмечают особенности контакта в своем ответе.

Непосредственное общение упоминается чаще у студентов 2–4 курсов, что может говорить о большем внимании их к необходимости данного аспекта в обучении, нежели у студентов первого курса. Также, старшие студенты уделяют большее внимание в ответах особенностям эффективности получаемого образования и усвоению материала, так как с переходом на дистанционное образование есть вероятность появления проблем с включенностью у них, учившихся ранее очно, уделяя внимание живому человеку, а не используя технологии, опосредующие процесс проведения занятий. В ответах студентов первого

курса, в свою очередь, чаще встречаются упоминания комфорта. Они, поступив в университет, сразу обучались в смешанной форме и успели оценить возможности обеих форм проведения занятий. Частота упоминания психологического контакта совпадает у обеих групп рассматриваемых студентов, обе группы студентов придают большую значимость этому аспекту обучения.

У преподавателей обнаруживается другая картина, выделяемых различий (табл. 2.)

Наибольшая частота встречаемости во мнениях 37 преподавателей отводится различию в смыслопередаче 6 (16 %) ответов, а также, непосредственному общению и контакту, 8 (22 %) человек и в одной, и в другой подкатегориях упоминали это.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что студенты видят достаточно большое количество различий между очным обучением и обучением с помощью дистанционных образовательных технологий, причем, частота упоминаний определенных тем разная у различных групп студентов. Это можно объяснить сложившейся ситуацией поступления нынешних первокурсников в университет сразу на смешанный формат обучения, тогда как у студентов 2–4 курсов есть опыт полноценного очного образования. Несмотря на то, что психологический контакт значим и для первокурсников, и для студентов других курсов, вторые в большей степени заинтересованы в непосредственном общении, более привычном им, также, их более волнует усвоение знаний, и вопрос о эффективности обоих типов занятий. А студенты первого курса, познавшие оба возможных типа обучения в университете сразу – чаще отмечают комфорт и особенности включенности, испытывая с ней затруднения на онлайн-занятиях.

Результаты контент анализа ответов преподавателей

Выявляемые различия	Преподаватели	
	Количество мнений, содержащих единицы категории	Процент мнений, содержащих единицы категории
1. Условия	4	11 %
2. Технические особенности	3	8 %
3. Непосредственное общение	8	22 %
4. Эффективность	4	11 %
5. Включенность	0	0 %
6. Мотивация	0	0 %
7. Организация ресурсов	1	3 %
8. Степень разработанности	3	8 %
9. Контакт	8	22 %
10. Самостоятельность	1	3 %
11. Усвоение материала	1	3 %
12. Комфорт	0	0 %
13. Различия смыслопередачи	6	16 %

Говоря о результатах контент-анализа ответов преподавателей, можно сказать, что их волнуют, больше всего, вопрос контакта со студентами, одной из причин таких результатов могут быть сложности с получением обратной связи во время дистанционных занятий, так как общение со студентами в данном случае опосредованно компьютером и интернет-связью, часто без видео со стороны студентов.

Литература:

1. *Иванушкина Н.В.* Исследование специфики организации онлайн-обучения в вузе / Н.В. Иванушкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. № 76. С. 18–22.
2. *Медова Н.А.* Создание мотивационного пространства студентов и преподавателей средствами смешанного обучения / Н.А. Медова, Н.В. Байгулова // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 1(35). С. 104–110.
3. Эффективность обучения и академическая мотивация студентов в условиях онлайн-взаимодействия с преподавателем (на примере видеолекции) / В.Н. Панферов [и др.] // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 127–143.
4. *Пуляева В.Н.* Академическая мотивация как фактор удовлетворенности образовательными услугами / В.Н. Пуляева, А.Н. Неврюев // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 3. С. 533–544.
5. *Симонова Ж.Г.* Академическое мошенничество как побочный эффект дистанционного обучения / Ж.Г. Симонова // Innova. 2020. № 3(20). С. 56–59.
6. *Фомина Н.В.* Обратная связь как инструмент повышения эффективности дистанционного обучения / Н.В. Фомина // Шамовские педагогические чтения научной школы управления образовательными системами: Сб. ст. XIII Международной

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на то, что дистанционное обучение, в той или иной степени, уже стало частью нынешней системы образования, предстоит еще долгий путь осмысления этого формата проведения занятий с целью улучшения психологических условий осуществления учебной и педагогической деятельности, и в целом улучшения качества высшего образования.

Literature:

1. *Ivanushkina N.V.* Investigation of the specifics of the organization of online learning at a university / N.V. Ivanushkina // Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, biomedical sciences. 2021. № 76. P. 18–22.
2. *Medova N.A.* Creation of motivational space for students and teachers by means of blended learning / N.A. Medova, N.V. Baigulova // Scientific and pedagogical review. 2021. № 1(35). P. 104–110.
3. The effectiveness of teaching and academic motivation of students in the context of online interaction with the teacher (using the example of a video lecture) / V.N. Panferov [et al.] // Social Psychology and Society. 2020. Vol. 11. № 1. P. 127–143.
4. *Pulyaeva V.N.* Academic motivation as a factor of satisfaction with educational services / V.N. Pulyaeva, A.N. Nevryuev // Creative Economy. 2019. Vol. 13. № 3. P. 533–544.
5. *Simonova Zh.G.* Academic Fraud as a Side Effect of Distance Learning / Zh.G. Simonova // Innova. 2020. № 3(20). P. 56–59.
6. *Fomina N.V.* Feedback as a tool for increasing the effectiveness of distance learning / N.V. Fomina // Shamov pedagogical readings of the scientific school of educational systems management: Sat. Art. XIII International Scientific and Practical Conference : in 2

научно–практической конференции : в 2-х ч., Москва, 23 января 01 2021 года. М. : МАНПО, 5 за знания, 2021. С. 357–360.

7. *Цибульникова В.Ю.* Архитектура обучающей среды как основа мотивации студентов к активному обучению / В.Ю. Цибульникова // Современное образование: повышение конкурентоспособности университетов. Материалы международной науч.-методич. конф. : в 2 ч. Томск, 28–29 января 2021 года. Томск : ТГУСиР, 2021. С. 202–206.

parts, Moscow, January 23 01 2021. М. : МАНПО, 5 for knowledge, 2021. P. 357–360.

7. *Tsibulnikova V.Yu.* The architecture of the learning environment as the basis for motivating students to active learning / V.Yu. Tsibulnikova // Modern education: increasing the competitiveness of universities. Materials of international scientific–methodical. conf. : in 2 parts, Tomsk, January 28–29, 2021. Tomsk : TSUSiR, 2021. P. 202–206.

Масалов Александр Григорьевич
доктор политических наук,
профессор,
профессор кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
masalovag@inbox.ru

Досакаев Алимберди Базарбиевич
старший преподаватель
кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
dosakaev@yandex.ru

Бондаренко Юлия Владимировна
кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
bondarenko.yuliya.81@mail.ru

Молодежный наркотизм: понятие, социальное значение

Аннотация. В статье дается определение сущности незаконного оборота наркотиков, получившее название «наркотизм», рассматриваются условия, факторы и тенденции его распространения среди российской молодежи, имеющие долговременные негативные социально значимые последствия. Авторами приводится криминологическая характеристика молодежного наркотизма, отмечается тенденция распространения молодежного наркотизма в условиях пандемии коронавируса, обусловленная усилением значимости маргинального социального статуса молодежи, оказавшейся наиболее подверженной нарастающим современным социально-экономическим проблемам и вызванным ими проблемами психических расстройств, подталкивающих молодых людей к употреблению наркотиков и участию в их распространении.

Ключевые слова: наркотики, психотропные вещества, наркомания, наркотизм, молодежь, молодежный наркотизм.

Одним из направлений деятельности органов государственной власти Российской Федерации по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина является противодействие незаконному распространению в России наркотических средств и психотропных веществ (далее - наркотики), применение которых частью

Alexander G. Masalov
Doctor of Political Sciences,
Professor,
Professor at the Department
of State and Civil Law Disciplines,
Stavropol branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
masalovag@inbox.ru

Alimberdi B. Dosakaev
Senior Lecturer at the Department
at the State and Civil Law Disciplines,
Stavropol branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
dosakaev@yandex.ru

Yulia V. Bondarenko
Candidate of Sociological Sciences,
Lecturer in the Department of State
and Civil Law Disciplines,
Stavropol branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
bondarenko.yuliya.81@mail.ru

YOUTH DRUGS: CONCEPT, SOCIAL SIGNIFICANCE

Annotation. The article defines the essence of illicit drug trafficking, which is called «narcotism», discusses the conditions, factors and trends of its spread among Russian youth, which have long-term negative socially-significant consequences. The article gives criminological characteristics of youth drug addiction. It notes a trend of spread of youth drug addiction in conditions of pandemic coronavirus, due to increased importance of marginal social status of young people who are most susceptible to the growth of modern social and economic problems and mental disorders caused by these problems, encouraging young people to use drugs and participate in their distribution.

Keywords: drugs, psychotropic substances, drug abuse, drug addiction, youth, youth drug abuse.

населения порождает реальные угрозы государственной и общественной безопасности. Болезненная зависимость людей от употребления наркотиков обозначается термином «наркомания» (от от греч. *narke* – оцепенение и *mania* – страстное влечение) [3].

Вместе с тем, в юриспруденции расширяется использование термина «наркотизм», обозначающего следующие незаконные действия:

- незаконный оборот наркотиков путем неразрешенного законодательством культивирования содержащих наркотики растений, разработки, производства, изготовления, переработки, хранения, перевозки, пересылки, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования, ввоза на территорию государства или вывоза с нее, а также уничтожении наркотиков;
- умышленное злоупотребление наркотиков, приобщение других лиц к их приему без медицинских целей и контроля;
- правонарушения и аморальное поведения лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения или испытывающих «ломку».

Таким образом, термин «наркотизм» обозначает совокупность взаимосвязанных социально опасных противоправных деяний лиц, совершающих незаконный оборот и неконтролируемое врачами потребление наркотиков. Он не подменяет термин «наркомания», а расширяет за пределы медицины понимание не только причин наркомании, но и других многочисленных экономических, социальных, политических и иных проблем. Как сообщается во Всемирном докладе о наркотиках за 2021 год, опубликованном Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), примерно 271 млн человек (5,5 % населения мира) в возрасте 15–64 лет, хотя бы один раз употребляли наркотики, а 36,3 млн человек (13 % от общего числа лиц, употребляющих наркотики) страдают расстройствами, связанными с их употреблением. За 2010–2019 гг. количество людей, употребляющих наркотики, увеличилось на 22 %, что связано не только с ростом мирового населения, но и участвующим употреблением наркотиков. Прогнозы, основанные только на демографических изменениях, предполагают, что к 2030 г. число потребителей наркотиков в мире увеличится на 11 %, а в Африке – на 40 % [4].

В условиях пандемии повысились риски, связанные с наркотизмом. Но молодежь недооценивает их опасность. Поэтому УНП ООН призывает улучшать антинаркотическое просвещение молодежи [4].

В России несколько сократилось количество зарегистрированных наркоманов и уровень наркопреступности, но ситуация остается сложной. За январь–октябрь 2021 г. в РФ выявлено более 157 тыс. наркопреступлений, из которых не раскрыто более 55 тыс. преступлений, хотя показатели их раскрываемости превышают показатели по иным видам преступлений [8].

Новые проблемы противодействия наркотизму во многом объясняются опережающим развитием технологий, применяемых участниками рынка наркотиков в теневых секторах экономики и электронных коммуникаций. Так, в «даркнете» (одном из секторов интернета) с середины 2017 г. объем продаж наркотиков увеличился в четыре раза и

превысил 315 млн долл. США [4]. Устойчивость рынков наркотиков во время пандемии демонстрирует способность наркоторговцев быстро адаптироваться к изменившимся обстоятельствам.

Несмотря на общие положительные тенденции снижения смертности среди молодежи из-за наркопотребления, наркотизм среди российской молодежи остается социально опасным явлением: уровень смертности в возрастной категории от 15 до 34 лет в России составляет более 200 человек на 100 тыс. населения, что выше среднеевропейских показателей (45 умерших на 100 тыс. населения). Около двух третей от общего количества ежегодно умирающих в России молодых людей погибает от соматических заболеваний, порождаемых наркотиками [9].

По отчетам Минздрава России за последние 10 лет возраст наркоманов уменьшился в 2,5 раза. В группу риска попадают несовершеннолетние в возрасте 12–14 лет. Смертность среди них выше в 42 раза [9], поэтому проблемы противодействия распространению наркотизма среди молодежи выделились в особый блок социально-психологических, политических, экономических, демографических и иных проблем России, приобрели большое значение для национальной безопасности, обеспечения устойчивого развития российского общества. В связи с такими обстоятельствами, в политике российского государства особо выделяются меры по противодействию молодежному наркотизму, под которым понимается участие молодежи в незаконном производстве, распространении и потреблении наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Для выработки адекватных мер защиты прав и свобод молодежи от негативного влияния наркотизма необходимо иметь криминологическую характеристику молодежного наркотизма, предполагающую описание его сущности, условий, факторов и последствий распространения среди некоторых членов молодежной социальной группы.

В современном обществе наркотики в разрешенных законодательством целях выполняют полезные анестезирующую, седативную, психостимулирующую медицинские функции. Но наркотики способны выполнять и другие немедицинские функции:

- коммуникативную (снижают напряженность в отношениях);
- развлекательную (дают состояние эйфории и иные новые эмоции);
- протестную (используются для «ухода» от собственных проблем и выхода из конфликтных ситуаций по принципу «принял наркотик и забылся») и другие.

Такие немедицинские функции наркотики выполняют без врачебного контроля, что может привести к наркомании.

Однозначное восприятие информации о наркомании и наркотизме обеспечивает юридическая трактовка основных терминов понятий, характеризующих наркосферу, данная в статье 1 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» [1].

В свою очередь, при характеристике молодежной социальной группы учитывается переходное социальное состояние ее членов от детской несамостоятельности к взрослой самоопределенности. Такое нестабильное маргинальное положение характерно для большинства членов современного общества в возрасте 14–25 лет. Но реальные возрастные границы молодых индивидуумов не имеют четкого определения. Поэтому в отечественной социологии молодежь традиционно определялась как социально-демографическая группа, имеющая усредненные возрастные границы 14–30 лет, обусловленные существенными гормональными перестройками организма, а также, социальной мобильностью, связанной с переходом индивида от детской несамостоятельности к личностному самоопределению в обществе, экономической и иной независимости от родителей, полной правовой ответственности за собственное поведение [5].

Социальная психология и девиантология признают молодежь наиболее кризисной и конфликтной частью общества.

В 2002 г. в России насчитывалось 39,4 млн человек в возрасте 14–30 лет (27 % от общей численности населения страны). В 2017 г. численность этой социальной группы снизилась до 19,4 млн человек (13,1 % населения всей страны)[8]. Очевидно, поэтому «молодежный возраст» в России был «расширен» до 35 лет, что позволило провайдеру сайта Всероссийской переписи населения разместить информацию об увеличении количества молодежи в России до 39,1 млн человек (рост на 12,6 млн человек) [10].

Молодежь составляет основной социальный ресурс общества, поэтому распространение наркотизма среди молодежи угрожает всему обществу, сокращает количество трудоспособного населения, снижает качество трудовых ресурсов и мобилизационных ресурсов Вооруженных Сил России, что создает угрозы национальной безопасности.

Основной формой проявления наркотизма является наркомания. По оценке ВОЗ, если 7 % населения страны употребляет наркотики, то страна находится на грани кризиса. Минздрав России насчитывает около 4 млн человек с диагнозом «наркомания», из них, около 80 % составляют молодые люди в возрасте 14–30 лет, неквалифицированные рабочие – 23 %, лица, не занятые общественно полезным трудом – около 62 %, учащиеся – 5,3 % [6].

Лечение наркоманов осуществляется добровольно или принудительно. Добровольное лечение лиц, официально имеющих диагноз «наркомания», осуществляется, как правило, в условиях лечебного учреждения и (или) центра социальной реабилитации, а в случаях уклонения от лечения

законодательство предусматривает возможность принудительного лечения. Однако эффективные медикаменты для лечения наркомании не разработаны, а заграничные методики замещения «тяжелых» наркотиков «легкими» в РФ запрещены из-за их неэффективности [2].

К формам проявления наркотизма относится незаконная транспортировка наркотиков. Все правоохранительные органы ежегодно изымают из незаконного оборота около 18 тонн наркотиков, среди которых большие объемы занимает дезоморфин, имеющий низкую цену и простоту изготовления в кустарных условиях. Количество выявленных преступлений, совершенных с использованием современных бесконтактных способов расчетов с покупателями наркотиков, возросло на 70 процентов [8].

Другим показателем наркотизма является вовлечение новых лиц в незаконное, немедицинское потребление наркотиков. В России насчитывается полтора миллиона героиновых наркоманов, каждый из которых потребляет ежедневно, в среднем, по 2 дозы стоимостью по полторы тысячи рублей каждая. Минимум треть таких наркоманов (полмиллиона человек), не имея необходимых 90 тыс. рублей в месяц на приобретение наркотиков для собственного потребления, зарабатывает свои дозы распространением, полученных от мелких наркодилеров наркотиков для целей сбыта около 200 наркодоз в месяц. Так, героиновые наркоманы обеспечивают 1 миллиард наркопреступлений в год. Подобное происходит в среде потребителей марихуаны, гашиша и синтетических наркотиков. При этом отмечено снижение возраста лиц, впервые пробовавших наркотики в возрасте до 13–15 лет [6]. Таким образом, молодые потребители наркотиков становятся наркопреступниками, участвующими в незаконном распространении наркотиков. За такие преступления ежегодно привлекается к уголовной ответственности около 150 тыс. человек, из которых 70 % составляют лица в возрасте от 16 до 30 лет [9].

Криминологические характеристики молодежного наркотизма указывают на социальную значимость проблем борьбы с незаконным распространением наркотиков и на необходимость поиска оптимальных средств противодействия их незаконному обороту, выявления и устранения причин и условий, обуславливающих наркопреступность.

В свою очередь, условия и факторы распространения молодежного наркотизма в современной России можно разделить на экономические, медицинские, социокультурные, политико-правовые.

Социальная психология рассматривает молодежный наркотизм как своеобразную реакцию на текущее положение дел в государстве и обществе, так как наркотическая эйфория временно снижает психологическое напряжение, вызванное неумением преодолевать жизненные трудности, дает возможность «закрыться» от неприятности и получить желанную психологическую разрядку.

Поэтому традиционными причинами наркотизма считались трудные жизненные ситуации. Но теперь основными потребителями наркотиков становятся молодые люди из материально хорошо обеспеченных семей. Они пресыщены удовольствиями, получаемыми за счет родительских средств, активно ищут новых ощущений от наркотиков. Часто причиной употребления наркотиков молодежью является влияние компании, которая выделяется своей вседозволенностью и внешне приятным времяпровождением. В таких группах принятие наркотика повышает статус молодого человека, придает ему, якобы, независимость. Средний возраст начала употребления наркотиков составляет 15–16 лет [6]. Элементом молодежной культуры стало экзальтированное состояние на вечеринках и в ночных клубах, где молодые люди приобщаются к групповому употреблению наркотиков.

Основными поводами к употреблению наркотиков молодежью служат любопытство (33,1 %), влияние компании (20 %), стремление к получению удовольствия (19 %), попытка ухода от проблем (17 %) [6]. Но особая опасность возникает тогда, когда принятый из любопытства или от скуки наркотик, вызывает желание повторно испытать те же «приятные ощущения».

Иногда, приобщение к наркотикам возникает при потере близкого человека. При этом к приему психоактивных средств подталкивает не только желание заглушить горе, но и страх перед эмоциональной пустотой, боязнь одиночества. В такие периоды жизни молодому человеку требуется повышенное внимание окружающих людей, которые, зачастую, остаются безучастными.

Среди политических причин выделяются недостатки международного сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а также, коррупция, предательство служебных и национальных интересов некоторыми работниками органов государственной власти, призванными организовывать противодействие наркотизму.

На ситуацию оказывают влияние существенные недостатки в государственной молодежной политике, в организации профилактики наркотизма среди молодежи, которыми пользуются наркодилеры, учитывающие в своей работе мобильность и коммуникабельность молодежи, ее новаторский характер, мифологизацию криминального и божественного мира с повышенным спросом на наркотики.

Выкая доходность наркобизнеса мотивирует активность наркодилеров по поиску новых каналов незаконного оборота наркотиков в глобальных масштабах и постоянному обновлению ассортимента наркотиков, вызывающих быстрое привыкание и сильную психическую зависимость.

Особую опасность представляет тенденция сращивания наркобизнеса и организованных преступных группировок, ведущих конкурентную борьбу.

Признавая высокую общественную опасность наркотизма для безопасности нашей страны, в целях дальнейшей реализации государственной политики России по противодействию незаконному обороту наркотиков, Президент России В.В. Путин утвердил 23 ноября 2020 г. Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, которая предусматривает усиление контроля над финансовыми операциями в России, отказ от запрещенной в настоящее время заместительной терапии для наркоманов, а также, совершенствование механизма раннего выявления потребления наркотиков в образовательных организациях и пресечение деятельности интернет-ресурсов, пропагандирующих незаконное наркопотребление [2].

Функции разработки политики государства в сфере оборота наркотиков, координации взаимодействия всех заинтересованных органов в противодействие наркотизму возложены на МВД России.

Анализ наркоситуации в Российской Федерации и результатов правоохранительной деятельности в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков показывает, что в России стремительно развивается внешняя наркоэкспансия, а повышение уровня наркотизации общества представляет прямую угрозу национальной безопасности. Так, при снижении удельного веса марихуаны и соломки мака удельный вес гашиша и опия возрос в 2,5 раза, кокаина – в 10 раз, стимуляторов амфетаминового ряда – в 20 раз, героина – в 23 раза. Негативная тенденция проявляется и в изменении стоимостной структуры изъятых наркотиков. Если пять лет назад основной доход наркодельцам давал незаконный оборот опия, то в настоящее время - незаконный оборот героина (более 30 % от общей стоимости изъятого), синтетических наркотиков (более 40 %) [8].

В условиях коронавирусной пандемии молодежь оказалась наиболее подверженной влиянию социально-экономических проблем и психических расстройств, которые могут подтолкнуть к употреблению наркотиков большее количество молодых людей, стремящихся к «освобождению» от трудностей. При этом, как показал Международный день борьбы со злоупотреблением наркотическими средствами и их незаконным оборотом, проходивший 26 июня 2021 г. в рамках темы «Поделитесь фактами о наркотиках. Спасите жизни», общество не проявляет принципиальной активности в выявлении конкретных виновников и участников незаконного оборота наркотиков в конкретных местных условиях. Следовательно, необходимо активизировать проведение не только массовых форм антинаркотической пропаганды, но и адресное распространение среди различных категорий населения, особенно молодежи, информации о неизлечимых последствиях общественно опасного наркотизма, главной жертвой которого является молодежь.

Литература:

1. Федеральный закон от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собр. законодательства РФ. 1998. № 2. Ст.219.
2. Указ Президента Российской Федерации от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501/88c278a9358f0df60725188db9beded9a90290e1/ (дата обращения 10.12.2021).
3. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М., 2003.
4. Всемирный доклад УНП ООН о наркотиках за 2021 год: последствия пандемии повышают риски, связанные с наркотиками, в то время как молодежь недооценивает опасность каннабиса. URL : <https://turkmenistan.un.org/ru/133781-bsemirnyy-doklad-unp-oon-o-narkotikakh-za-2021-god-posledstviya-pandemii-povyshayut-riski> (дата обращения 25.11.2021).
5. Масалов А.Г. Теоретико-методологические подходы к определению сущности молодежи / А.Г. Масалов // Новые горизонты развития кадрового потенциала молодежной политики : монография. М.; Ставрополь, 2010.
6. Молодежь и наркотики. URL : <http://www.un.org/ru/events/drugabuseday/youth.shtml> (дата обращения 15.11.2021).
7. Население России по полу и возрасту: статистика, распределение. URL : http://www.statdata.ru/nasel_pol_vozr (дата обращения 16.11.2021).
8. Портал правой статистики Генеральной прокуратуры РФ. Показатели преступности России. URL : http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 25.11.2021).
9. Тенденции распространенности наркологических заболеваний в России за последние 10 лет. URL : http://www.narkotiki.ru/research_122.html (дата обращения 14.11.2021).
10. Численность молодежи в России достигла 39,1 млн человек. URL : <https://rg.ru/2021/08/12/chislennost-molodezhi-v-rossii-dostigla-391-mln-chelovek.html#:~:text=%D0%A7%...> (дата обращения 16.11.2021).

Literature:

1. Federal Law of 8 January, 1998, № 3-FZ «On narcotic means and psychotropic substances» // *Sobr. zakonodatel'stva RF*. 1998. № 2. Art. 219.
2. Decree of the President of the Russian Federation from 23.11.2020 № 733 «On approval of the Strategy of State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the period until 2030». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501/88c278a9358f0df60725188db9beded9a90290e1/ (date of application 10.12.2021).
3. Big Law Dictionary / Edited by A.Ya. Sukharev, V.E. Krutskikh, A.Ya. Sukhareva. M., 2003.
4. UNODC World Drug Report 2021: Effects of the pandemic increase drug-related risks while young people underestimate the dangers of cannabis. URL : <https://turkmenistan.un.org/ru/133781-bsemirnyy-doklad-unp-oon-o-narkotikakh-za-2021-god-posledstviya-pandemii-povyshayut-riski> (date of application 25.11.2021).
5. *Masalov A.G.* Theoretical and methodological approaches to defining the essence of youth / A.G. Masalov // *New Horizons of Development of Human Resources Potential of Youth Policy : monograph*. M.; Stavropol, 2010.
6. Youth and Drugs. URL : <http://www.un.org/ru/events/drugabuseday/youth.shtml> (date of application 15.11.2021).
7. The Russian population by sex and age: statistics, distribution. URL : http://www.statdata.ru/nasel_pol_vozr (date of application 16.11.2021).
8. Portal of legal statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Indicators of crime in Russia. URL : http://crimestat.ru/offenses_map (date of application 25.11.2021).
9. Trends in the prevalence of drug-related diseases in Russia over the past 10 years. URL : http://www.narkotiki.ru/research_122.html (date of application 14.11.2021).
10. The number of young people in Russia has reached 39.1 million. URL : <https://rg.ru/2021/08/12/chislennost-molodezhi-v-rossii-dostigla-391-mln-chelovek.html#:~:text=%D0%A7%...> (date of application 16.11.2021).

Начкебия Майя Севериановна
старший преподаватель
кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
nachkebiya@bsu.edu.ru

Бояринова Ирина Владимировна
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
boyarinova@bsu.edu.ru

Начкебия Кристина Севериановна
заведующая
Центра компетенций по внедрению
бережливых технологий,
Белгородский институт
развития образования
nks_2809@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НА УПРАВЛЕНЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния регламентации на управленческую деятельность в высших учебных заведениях. С момента создания организации возникает необходимость в нормативном регулировании всех внутриорганизационных процессов, и чем сложнее организационная структура, тем выше потребность в разработке регламентирующих документов. В статье представлены некоторые результаты анкетного опроса, проведенного авторами с целью оценки эффективности управления в вузе. Отмечается, что управленческая деятельность требует соблюдения принципов функционального взаимодействия, своевременного принятия управленческих решений, минимизации временных затрат на отдельные виды работ, правильное распределение ресурсов.

Ключевые слова: регламентация, регламент, рационализация, процесс, управление, управленческая деятельность, информационно-коммуникационная система, высшие учебные заведения.

Развитие высших учебных заведений является одним из приоритетных направлений в нашей стране и оказывает влияние на ее

Maya S. Nachkebiya
Senior Lecturer
Department of Social Technology
and Public Service,
Belgorod State
National Research University
nachkebiya@bsu.edu.ru

Irina V. Boyarinoва
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of Social Technology
and Public Service,
Belgorod State National
Research University
boyarinova@bsu.edu.ru

Kristina S. Nachkebiya
Manager
Implementation Competence
Center Lean Technologies,
Belgorod Institute
the Development of Education
nks_2809@mail.ru

RESEARCH OF THE INFLUENCE OF REGULATION ON MANAGEMENT ACTIVITIES IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Annotation. The article is devoted to the study of the influence of regulation on management activities in higher educational institutions. Since the creation of an organization, there is a need for normative regulation of all intra-organizational processes, and the more complex the organizational structure, the higher the need for the development of regulatory documents. The article presents some of the results of a questionnaire survey conducted by the authors in order to assess the effectiveness of management at the university. It is noted that management activities require adherence to the principles of functional interaction, timely management decisions, minimization of time spent on certain types of work, and the correct allocation of resources.

Keywords: regulation, rationalization, process, management, management activities, information and communication system, higher education institutions.

национальную экономику. Процесс модернизации, который проходит в системе высшего образования, охватывает все направления

деятельности, в том числе, оказывает влияние на повышение эффективности управления в высших учебных заведениях.

По мнению А.А. Никитиной, «сложность и многоаспектность задачи преобразования и рационализации развития вузов предопределяет множественность подходов к её решению, поиск различных вариантов эффективного управления, что активизирует научные исследования в этом направлении» [5, с. 50].

В настоящее время высшие учебные заведения не только осуществляют образовательную и научную деятельность, но еще и создают производственные комплексы, которые производят продукцию, разработанную учеными в вузовских лабораториях и научных центрах. Таким образом, мы можем наблюдать, насколько разнообразна деятельность вузов, что, несомненно, требует новых подходов к организации процесса управления.

Если учесть, что «... университеты являются организациями с весьма устойчивой, инерционной структурой, традициями, которые составляют существенную часть их культурного и социального престижа ...» [7, с. 86], то внедрение инноваций, в том числе, и в управленческий процесс, протекает медленно, и причины могут быть разнообразными.

Управленческая деятельность в высших учебных заведениях требует соблюдения принципов функционального взаимодействия, своевременного принятия управленческого решения, минимизации временных затрат, целевого распределения ресурсов. Стоит отметить, что «процесс управления в вузе является целенаправленным, непрерывным, циклическим» [4, с. 91], и внутриорганизационные нормы, которые являются вектором, определяющим направления деятельности вуза, должны влиять на эффективность функционирования всех элементов данной организации, благодаря налаженной системе внутренней межструктурной коммуникации.

Применение «рационализации» в управленческой деятельности высших учебных заведений является фактором, повышающим эффективность управления и уровень конкурентоспособности вуза. «Рационализация управленческой деятельности в системе высшего образования представляет собой комплекс взаимосвязанных инструментов воздействия, основанного на активном использовании технологических, организационных, методических достижений научно-технического прогресса, на все сферы деятельности вузов с целью долгосрочного устойчивого повышения социально-экономической эффективности их функционирования посредством повышения качества предоставляемых услуг» [5, с. 50], отмечается в работе А.А. Никитиной.

В статье Ю. Хабермаса представлен анализ теории рационализации Макса Вебера и отмечено, что «общественная рационализация заключается непосредственно в развитии производительных сил, то есть, в расширении эмпирического знания,

улучшении технологий производства и все более эффективной мобилизации, квалификации и организации общественно полезной рабочей силы» [9, с. 205]. В настоящее время «развитие современных цифровых технологий представляет новые возможности для формальной рационализации даже тех практик, которые раньше ей не поддавались или поддавались с трудом» [2, с. 10].

Таким образом, применение рационализации в управленческой деятельности высших учебных заведений возможно, благодаря внедрению информационно-коммуникационных систем, которые позволяют сократить время на выполнение «рутинных» операций.

Одним из элементов рационализации является регламентация. На наш взгляд, регламенты создают основу для формирования эффективной управленческой деятельности вузов. С момента создания организации возникает потребность в нормативном регулировании всех внутриорганизационных процессов, и чем сложнее структура организации, тем сложнее ее руководителям осуществлять управленческую деятельность, не имея регламентов, которые позволяют процесс управления сделать наиболее эффективным.

Регламентация является процессом «разработки норм и правил, регулирующих всю деятельность организации и процесс подчинения им в обязательном порядке, который выражается через наделение правами и обязанностями участников (членов) организации» [8, с. 4], что приводит к упорядоченному функционированию организационной системы.

По мнению ряда исследователей, «регламентация управленческой деятельности должна основываться на управленческих потребностях и интересах, объективных закономерностях и организационных формах управляемых объектов и обусловлена уровнем и новизной ее научно-технического обеспечения, наличием и состоянием освоения управленческих технологий» [1, с. 37; 6, с. 50], и как следствие, повышение уровня эффективности управления.

Применение процессного подхода в управлении предполагает регламентацию существующих в высших учебных заведениях внутриорганизационных процессов, т.е., «создание документации, определяющей последовательность, результаты и порядок управления процессом» [6, с. 51].

Для оценки эффективности управления в вузе был проведен анкетный опрос в мае 2021 г. в Белгородском государственном национальном исследовательском университете (N = 150) среди научно-педагогических работников и административно-управленческого персонала. 63 % опрошенных согласились с утверждением, что «система управления в вузе является эффективной», и связали это с наличием регламентов (46 %) и имеющимися автоматизированными системами (35 %). К факторам, препятствующим повышению эффективности управления в вузе респонденты, отнесли наличие «бюрократизма в

управлении» (56 %) и «дефицит ресурсов» и/или не правильное их распределение (26 %).

Большее половины опрошенных считают, что для развития вуза характерно стратегическое планирование и проектное управление (62 %), а вот регламентация внутриорганизационных процессов, по мнению 20 % опрошенных, занимает важное место в управленческой деятельности вуза, но только в том случае, если не носит формальный характер.

Особое место в развитии высших учебных заведений отводится, по мнению респондентов, организационной культуре. Давая оценку уровню организационной культуры, половина опрошенных научно-педагогических работников считает, что он высокий или скорее высокий, а вот другая половина респондентов уверена в том, что низкий. При этом респонденты считают, что уровень организационной культуры в вузе зависит от наличия системы регламентов (46 %), единой информационно-коммуникационной системы (35 %), эффективной системы контроля (28 %), эффективной системы принятия управленческих решений (24 %). Причину низкого уровня организационной культуры они видят в наличии бюрократизма в управлении (56 %), низкого уровня компетенций у административно-управленческого персонала (41 %), дефицита ресурсов (29 %).

Что касается административно-управленческого персонала, то более половины опрошенных считают, что в вузе низкий уровень организационной культуры, и причины этого заключаются в низкой скорости документооборота (42 %), в наличии бюрократизма в управлении (35 %), в недостаточном уровне информированности (22 %), в дефиците ресурсов (20). В качестве мер, которые могли бы способствовать повышению уровня организационной культуры и эффективности управления в вузе, были отмечены необходимость разработки и принятия системы регламентов (54 %), создания строго-выстроенной организационной структуры и правильное распределение функций (без дублирования) (42 %), внедрения единой информационно-коммуникационной системы (39 %).

На вопрос: «Какие Вы видите негативные следствия разработки и внедрения регламентов по всем процессам протекающим в вузе?», респонденты ответили следующим образом: бюрократизация управления (41 %); вытеснение содержания деятельности формой (31 %); увеличение временных затрат на исполнение функциональных обязанностей (30 %); снижение скорости передачи информации по каналам связи (19 %); снижение скорости принятия управленческих решений (17 %). 10 % опрошенных считают, что негативных следствий нет и не может быть, а 15 % затруднились ответить на данный вопрос.

И.И. Иванов определил ряд преимуществ регламентации, в числе которых он назвал: «Исключение дублирования работ или создание «вакуумных» участков работы, которыми никто не занимается; придание работе системного характера, избежание случайностей в определении

направления и характера работ, возможность планирования их на длительный срок; повышение ответственности сотрудников и укрепление дисциплины» [3, с. 127]. Таким образом, регламентация должна быть направлена на снижение затрат времени при выполнении «рутинных» операций, но только в том случае, если регламенты разработаны качественно, с учетом цели и задачи процесса; участников процесса; места процесса в системе управления; взаимосвязи с другими процессами; временных параметров и др.

К основным проблемам внедрения регламентов по всем процессам протекающим в вузе респонденты отнесли: увеличение временных затрат на исполнение функциональных обязанностей (37 %); подчинение нормам регламента может привести к бюрократизму в управлении (32 %); отсутствие необходимых знаний и навыков для разработки качественного регламента (28 %); снижение скорости передачи информации по каналам связи (27 %); нежелание соблюдать нормы регламента (25 %); снижение скорости принятия управленческих решений (16 %); нарушение норм регламента (16 %).

В настоящее время все чаще можно столкнуться с проблемой снижения скорости принятия управленческих решений, которая заключается в отсутствии регламентов межструктурного взаимодействия. По результатам анкетного опроса 70 % респондентов считают, что такие регламенты необходимы, но их в вузе нет. Четверть опрошенных считает, что межструктурное взаимодействие подразделений в вузе формально регламентировано, но «руководители структурных подразделений сами решают, какую информацию и в какие сроки передать».

Систематическая оценка затрат времени на выполнение конкретных видов работ позволит определить, есть ли положительная динамика по временным затратам на выполнение тех или иных операций в случае разработки и внедрения регламентов по всем направлениям деятельности, а также, определить насколько эффективно внедрение единой информационно-коммуникационной системы в управленческий процесс высших учебных заведений.

Оценку целесообразно проводить по следующим направлениям: работа с корреспонденцией; работа с организационно-правовыми документами; работа с распорядительными и информационно-справочными документами; телефонные переговоры; аналитическая деятельность; участие в работе коллегиальных органов; работа в автоматизированных системах; прием посетителей; незапланированная работа (работа, возникающая случайно, требующая срочного выполнения); преподавательская работа; научная деятельность.

При построении модели регламентации внутриорганизационных процессов в вузах необходимо провести оценку следующих элементов: квалификация лиц принимающих решения в ходе процесса; квалификация иных работников занятых в процессе; личностных особенностей лиц, принимающих решения в ходе процесса;

личностные особенности иных работников, занятых в ходе процесса; особенности взаимодействия между лицами, принимающими решения и иными работниками в ходе процесса; полнота локальных нормативных актов (кроме регламентов) процесса управления; полнота регламентов процесса управления; обеспеченность современными техническими, программными и коммуникационными средствами; наличие достаточного времени на регламентный ход процесса.

Несомненно, что с внедрением информационно-коммуникационных систем в управленческий

Литература:

1. *Анненков В.И.* Государственная служба организации управленческой деятельности / В.И. Анненков, Н.Н. Барчан, Б.И. Киселев. М. : КНОРУС, 2012. 256 с.
2. *Зарубина Н.Н.* Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов / Н.Н. Зарубина // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 3–15.
3. *Иванов И.Н.* Регламентация деятельности предприятия как элемент организационного проектирования / И.Н. Иванов // Инновации. 2008. № 11(121). С. 126–128.
4. *Морозов А.В.* Особенности управления высшим учебным заведением в современных условиях / А.В. Морозов // Управление образованием: теория и практика. 2016. № 2(22). С. 90–106.
5. *Никитина А.А.* Концепция рационализации системы управления учреждениями высшего образования (на примере вуза г. Мичуринска и г. Тамбова) / А.А. Никитина // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. 2016. № 1(12). С. 50–54.
6. *Поздеева С.Н.* Основные направления регламентации организации управленческой деятельности / С.Н. Поздеева, Е.В. Захарова // Проблемы экономики и менеджмента. 2017. № 4(68). С. 48–52.
7. *Розов Н.С.* О моделях университета в современной России / Н.С. Розов // Экономика образования. 2011. № 4. С. 86–89.
8. *Савельева Е.А.* Регламентация и нормирование труда. М. : Изд-во МАРТИТ, 2012. 70 с.
9. *Habermas J.* Max Webers Theorie der Rationalisierung / J. Habermas // Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt / Main : Suhrkamp, 1981. P. 205–261.

процесс высших учебных заведений возникает необходимость в изменении культуры управления, в формировании новых навыков персонала образовательной организации, изменения подхода к самому процессу управления, а также, необходимость пересмотреть алгоритм разработки и принятия управленческих решений. Но первостепенная задача заключается в создании комплекса регламентирующих документов, которые будут регулировать внутриорганизационные процессы и межструктурное взаимодействие в высших учебных заведениях.

Literature:

1. *Annenkov V.I.* State service organization of management activities / V.I. Annenkov, N.N. Barchan, B.I. Kiselev. M. : KNORUS, 2012. 256 p.
2. *Zarubina N.N.* Max Weber's theory of rationalization as a methodology for understanding modern sociocultural processes / N.N. Zarubina // Sociological studies. 2020. № 6. P. 3–15.
3. *Ivanov I.N.* Regulation of enterprise activity as an element of organizational design / I.N. Ivanov // Innovations. 2008. № 11(121). P. 126–128.
4. *Morozov A.V.* Features of management of a higher educational institution in modern conditions / A.V. Morozov // Management of education: theory and practice. 2016. № 2(22). P. 90–106.
5. *Nikitina A.A.* The concept of rationalizing the management system of institutions of higher education (on the example of a university in Michurinsk and Tambov) / A.A. Nikitina // Political management: scientific information and educational electronic journal. 2016. № 1(12). P. 50–54.
6. *Pozdeeva S.N.* The main directions of regulation of the organization of management activities / S.N. Pozdeeva, E.V. Zakharova // Problems of Economics and Management. 2017. № 4(68). P. 48–52.
7. *Rozov N.S.* About university models in modern Russia / N.S. Rozov // Economics of education. 2011. № 4. P. 86–89.
8. *Savelyeva E.A.* Regulation and rationing of labor. M. : MARTIT Publishing House, 2012. 70 p.
9. *Habermas J.* Max Webers Theorie der Rationalisierung / J. Habermas // Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt / Main: Suhrkamp, 1981. P. 205–261.

Нехайчук Дмитрий Валериевич

доктор экономических наук,
доцент,
заместитель директора по научной работе,
Севастопольский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
dimchikn@mail.ru

Шевчук Андрей Игоревич

старший преподаватель
кафедры менеджмента, туризма
и гостиничного бизнеса,
Севастопольский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
ashevchuk7@mail.ru

Бухаров Матвей Алексеевич

магистрант кафедры менеджмента,
туризма и гостиничного бизнеса,
Севастопольский филиал
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
m.a.bukharov@mail.ru

Григор Дарья Владимовна

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
финансов, учета и аудита,
Университет экономики и управления
545114@mail.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ
И СПОСОБОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА И ГУБЕРНАТОРА**

■ ■ ■

Аннотация. Статья посвящена, проведенному авторами анализу возможных механизмов, методов и способов совершенствования взаимодействия между населением региона и губернатором. Актуальность исследования обусловлена высокой практической ролью обратной связи граждан при повышении эффективности региональной политики в субъектах Российской Федерации. В рамках статьи рассмотрены актуальные вопросы взаимодействия населения регионов и губернаторов. Проанализирована практическая роль информационных технологий и социальных сетей при совершенствовании методов и способов взаимодействия населения региона и губернатора. В заключении статьи, авторами установлено, что на современном этапе совершенствования методов и способов взаимодействия

Dmytriy V. Nekhaychuk

Doctor of Economics,
Associate Professor,
Deputy Director for Scientific Work,
Sevastopol branch
Russian University of Economics
named after G.V. Plekhanov
dimchikn@mail.ru

Andrey I. Shevchuk

Senior Lecturer
Department of Management,
Tourism and Hospitality,
Sevastopol branch
Russian University of Economics
named after G.V. Plekhanov
ashevchuk7@mail.ru

Matvey A. Bukharov

Master of Management,
Tourism and Hospitality,
Sevastopol branch
Russian University of Economics
named after G.V. Plekhanov
m.a.bukharov@mail.ru

Dariya V. Grygor

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Finance, Accounting and Auditing,
University of Economics and Management
545114@mail.ru

**IMPROVEMENT OF METHODS
AND METHODS OF INTERACTION
OF THE POPULATION OF THE REGION
AND THE GOVERNOR**

■ ■ ■

Annotation. The scientific article is devoted to the research analysis of possible mechanisms, methods and ways to improve interaction between the population of the region and the governor. The relevance of the study is due to the high practical role of citizens' feedback in increasing the effectiveness of regional policy in the constituent entities of the Russian Federation. Within the framework of the article, topical issues of interaction between the population of the regions and the governors are considered. The practical role of information technologies and social networks in improving the methods and ways of interaction between the population of the region and the governor is analyzed. In the conclusion of the article, the authors found that at the present stage of improving the methods and ways of interaction between the population of the

населения региона и губернатора важно применение новых инструментов в рамках «связей с общественностью». С этой целью рекомендуются социальные сети, как наиболее активные и коммуникабельные платформы для общения администрации губернаторов с гражданами своих регионов.

Ключевые слова: региональное управление, региональная политика, население, губернатор, взаимодействие населения и губернатора, взаимодействие населения и власти, социальные сети, связи с общественностью.

Несмотря на определенные трудности, политическая система в региональных субъектах Российской Федерации будет развиваться по демократическому сценарию, а государственная и муниципальная служба, в свою очередь, будет развиваться на принципах «прозрачности» и «отзывчивой демократии» [5].

Таким образом, мы должны ожидать развития служб по связям с общественностью в государственном секторе по модели двустороннего сбалансированного общения, предполагающего, прежде всего, организацию и поддержание диалога между гражданами и правительством, в то время как главная цель этого диалога – совместная работа, найти способы решения проблем заинтересованных граждан [1].

Одним из таких направлений государственной политики является совершенствование механизмов, методов и способов взаимодействия населения регионов с их губернаторами.

Актуальность проблематики связана с тем, что современный уровень доверия населения к органам регионального управления и власти на низком уровне, что связано с низкой эффективностью связью с общественностью.

Также, актуальность научного исследования на тематику «совершенствование методов и способов взаимодействия населения региона и губернатора» обусловлена высокой практической ролью обратной связи граждан при повышении эффективности региональной политики в субъектах Российской Федерации.

По этой причине, целью научной работы выступает проведение исследовательского анализа возможных механизмов, методов и способов совершенствования взаимодействия между населением региона и губернатором.

По нашему мнению, на сегодняшний день наиболее актуальным способом совершенствования взаимодействия населения региона и губернатора является применение современных информационных технологий и методов PR-кампании, задачами которых выступает повышение уровня открытости диалога между государством и обществом, и увеличение степени доверия граждан к органам региональной власти. С этой точки зрения, наиболее высокий потенциал в развитии связи с общественностью в администрации

region and the governor, it is important to use new tools within the framework of «public relations». For this purpose, social networks are recommended as the most active and communicative platforms for communication between the administration of governors and citizens of their regions.

Keywords: regional management, regional policy, population, governor, interaction between the population and the governor, interaction between the population and the authorities, social networks, public relations.

губернатора региона имеют социальные сети, выступающие технологией прямого контакта между государством и обществом.

Применение социальных сетей в процессе создания и управления регионом и государственными вопросами является одним из актуальных на сегодняшний день вопросов. Применение социальных сетей в процессе создания информационного общества, а также трансформации и развития механизмов регионального управления дает возможность разработать методы эффективного решения [2].

Рассмотрим конкретный пример применения социальных сетей в процессе управления региона, а именно, предположим, что при инициативе губернатора планируется принятие определенного законопроекта. Установление и применение социальных сетей дает возможности проведения информационного взаимодействия между администрацией губернатора, органами региональной власти и своевременного учета мнений населения региона на этапе обсуждений.

Во время этапа обсуждения можно провести прямое общение с гражданами региона, провести социальные опросы через официальные странички администрации губернатора, собрать результаты и тщательно их проанализировать. После проведенного этапа обсуждений и анализа полученных результатов, законопроект может получить доработку и принятие с точки позиции интересов населения региона. В таком случае, будет получена не только обратная связь, но и положительные отзывы того, что губернатор региона учитывает интересы своих граждан. К тому же, существует намного меньше вероятности того, что разработанный и принятый законопроект будет иметь негативную реакцию со стороны субъектов, по отношению которых он был принят.

Если говорить об охвате региональными органами власти социальных сетей, можно предоставить следующие результаты [3]:

- Facebook 63 %;
- Twitter 53 %;
- ВКонтакте 42 %.

Наименее активно используются такие социальные сети, как YouTube (24 %), Instagram (16 %) и Одноклассники (3 %).

При этом к данной статистике хочется добавить, что, далее, наиболее перспективной социальной сетью для повышения лояльности населения может выступать именно площадка YouTube. К тому же, говоря об основных публичных лицах, которые осуждают и критикуют текущий государственный устрой России, является именно видеосеть. Таким образом, начав активную политику публикации материала на YouTube, можно перекрыть тот негативный контент, которое смотрит и слушает отечественное общество.

Социальные сети имеют неоспоримые преимущества при увеличении лояльности населения регионов РФ к своим губернаторам, но причиной их активного внедрения в органах региональной власти являются и другие факторы, а именно [4]:

- с помощью социальных сетей можно планировать профессиональную политическую карьеру отдельным лицам;

- легкость общения и доступа к информации, включая новости об происшествиях на территории региона;

- основная аудитория социальных сетей – молодежь, которая в будущем будет формировать костяк нового поколения российского общества;

- с помощью социальных сетей быстро аккумулируются решения для общественных проблем, примером чего является краудсорсинг;

- социальные сети имеют свойство значительного сближения между субъектами в межличностной и социальной коммуникации.

Анализируя текущий рейтинг открытости губернаторов субъектов Российской Федерации, можно обратиться к рисунку 1, где изображен ТОП-10 губернаторов, открытых для населения и использующих свои социальные сети и персональные интернет-странички для проведения диалога.

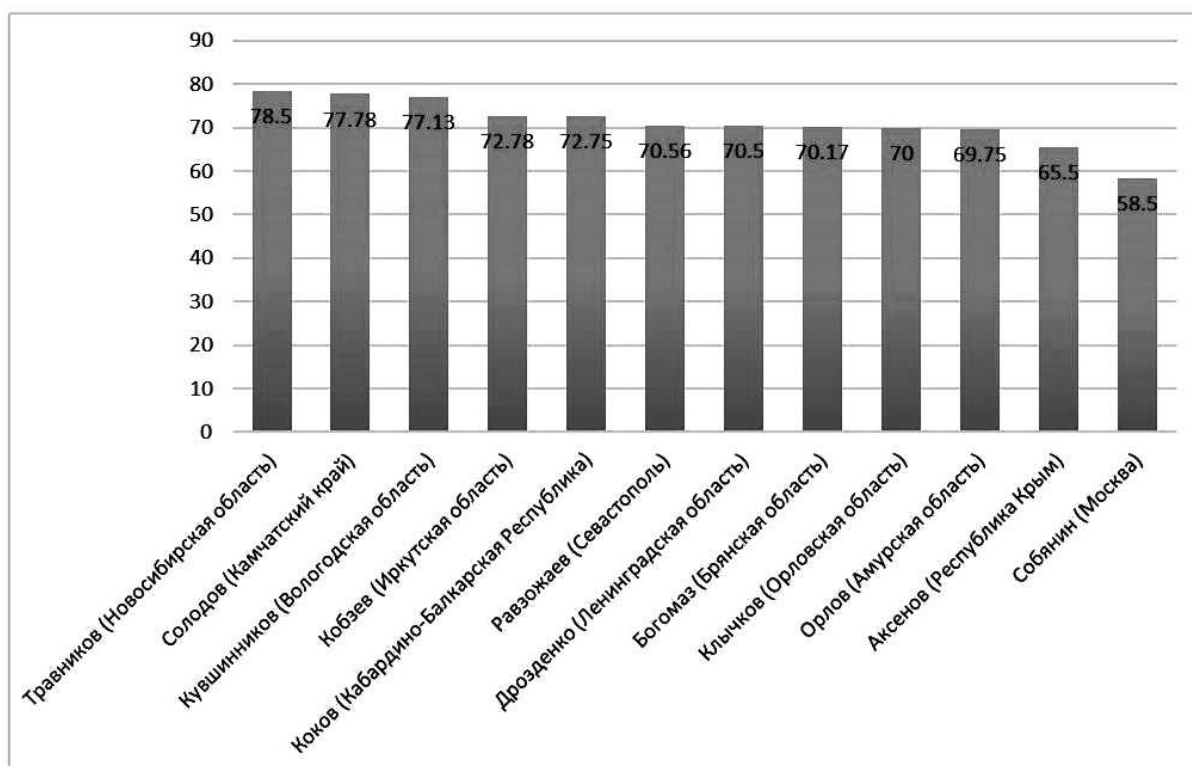

Рисунок 1 – Рейтинг открытости губернаторов субъектов РФ [6].

Примечание: Составлено авторами.

Проблематикой текущей открытости губернаторов субъектов РФ при взаимодействии с населением является то, что большинство продолжают использовать персональные сайты и разделы на сайтах как информационные, а не коммуникационные площадки. На сайтах представлена основная информация о губернаторе и его деятельности, однако более детальные сведения представлены реже.

На примере деятельности губернатора Севастополя Равзожаева, можно предложить следующие мероприятия для повышения взаимодействия с населением региона:

- создать открытый канал коммуникации, где для ответов на базовые вопросы будет внедрен чат-бот (приложение, которое на основе интеллектуальных технологий формирует автоматические ответы по подобным запросам);

- предоставить более детальные сведения о всех проектах, программах и задачах деятельности губернатора как регионального функционера, заботящегося об уровне жизни населения региона;

- запустить еженедельные лайвы губернатора с живой публикой в лице населения региона, на

котором будут предоставлены краткие отчеты об деятельности органов региональной власти.

На примере губернатора Республики Крым Аксенова (у которого рейтинг открытости еще ниже и составляет 65,5 %) можно предложить следующий метод и способ взаимодействия населения региона и губернатора, как живое общение с гражданами в условиях чрезвычайных событий. Суть заключается в том, что одно из неудовольствий людей – это отсутствие личного диалога с представителями власти. В условиях чрезвычайных происшествий, личное участие губернатора в общении с гражданами для получения обратной связи позволяет:

1. Повысить степень устойчивости и порядка внутри общества.
2. Продемонстрировать заинтересованность органов власти в решении чрезвычайного события.
3. Получить информацию касательно возможных способов разрешения проблемной ситуации.

По мнению Президента России В. Путина, такое прямое общение с гражданами важно не только потому, что люди могут первому лицу задать вопросы. Но еще важнее то, что происходит выборка наиболее актуальных проблем, которые волнуют граждан. Это чрезвычайно важно, чтобы скорректировать свои практические действия в социальной политике, здравоохранении, в жилищном строительстве.

Литература:

1. Черкасов С. Связи с общественностью в органах государственной власти и местного самоуправления / С. Черкасов // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. № 2. С. 36–39.
2. Юсифов Ф.Ф. Социальные сети как инструмент повышения эффективности механизма государственного управления / Ф.Ф. Юсифов, Р.М. Алгулиев. URL : https://www.researchgate.net/publication/320826869_Socialnye_seti_kak_instrument_povysheniya_effektivnosti_mehanizmov_gosudarstvennogo_upravleniya
3. Парфенчик А.А. Использование социальных сетей в государственном управлении / А.А. Парфенчик // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 2. С. 12–17.
4. Козырева А.А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти / А.А. Козырева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2(62). С. 39–46.
5. Телешина Н.Н. Современные формы взаимодействия населения и органов власти / Н.Н. Телешина // НПЖ «Диалог». 2017. № 1(6). С. 31–37.
6. Не хотят общаться с народом: эксперты составили рейтинг открытости губернаторов. URL : <https://actualcomment.ru/ne-khotyat-obshchatsya-s-narodom-eksperty-sostavili-reyting-otkrytosti-gubernatorov-2006251057.html>

По нашему мнению, социальные сети имеют неоспоримые преимущества при увеличении лояльности населения регионов РФ к своим губернаторам. Кроме того, применение таких методов и способов взаимодействия, как создание открытого канала коммуникации, предоставления более детальных сведений о всех проектах, программах и задачах деятельности губернатора, а также, запуск еженедельных лайвов позволяют увеличить уровень доверия населения к представителям власти. Так, по нашему мнению, уровень доверия граждан регионов к губернаторам, которые используют данные механизмы, может составлять более 70 %. Данные результаты можно считать удовлетворительными и более лучшими, чем текущее положение дел.

Таким образом, на современном этапе совершенствования методов и способов взаимодействия населения региона и губернатора важно применение новых инструментов в рамках «связей с общественностью». С этой целью рекомендуются социальные сети, как наиболее активные и коммуникабельные платформы для общения администрации губернаторов с гражданами своих регионов. Их возможности и преимущества позволяют получить максимальный результат. А с учетом величины финансовых, трудовых и временных ресурсов, данный механизм экономически наиболее эффективный.

Literature:

1. Cherkasov S. Public relations in public authorities and local government / S. Cherkasov // Communicology: electronic scientific journal. 2019. №. 2. P. 36–39.
2. Yusifov F.F. Social networks as a tool to improve the efficiency of the public administration mechanism / F.F. Yusifov, R.M. Alguliev. URL : https://www.researchgate.net/publication/320826869_Socialnye_seti_kak_instrument_povysheniya_effektivnosti_mehanizmov_gosudarstvennogo_upravleniya
3. Parfenchik A.A. The use of social networks in public administration / A.A. Parfenchik // Questions of state and municipal administration. 2017. № 2. P. 12–17.
4. Kozyreva A.A. Why social networks are an instrument of political power / A.A. Kozyreva // Bulletin of the Kemerovo State University. 2015. № 2(62). P. 39–46.
5. Teleshina N.N. Modern forms of interaction between the population and the authorities / N.N. Teleshina // NPZh «Dialogue». 2017. № 1(6). P. 31–37.
6. Do not want to communicate with the people: experts have compiled a rating of the openness of the governors. URL : <https://actualcomment.ru/ne-khotyat-obshchatsya-s-narodom-eksperty-sostavili-reyting-otkrytosti-gubernatorov-2006251057.html>

Нечушкин Александр Юрьевич

доктор социологических наук,
научный руководитель,
член общественной палаты
Ростовской области,
Донской казачий
государственный институт
пищевых технологий и бизнеса (филиал),
г. Ростов-на-Дону
Aun-ro@mail.ru

Понамарёв Александр Борисович

Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
kalvarus94@gmail.com

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ
И НАСЕЛЕНИЯ КАК КРИТЕРИЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ
МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть взаимодействие муниципальной власти и населения как критерий эффективности муниципальной политики. Предполагается, что внедрение инструментов менеджизма в сектор публичной власти должно привести к повышению продуктивности управленческого труда, но на практике модель сити-менеджмента, имплементированная практически повсеместно во все муниципальные образования, сопряжена с множеством рисков социально-политического характера. Одним из основных выступает опасение, что «назначенный» глава администрации не будет восприниматься как легитимный глава администрации. Для выявления того, как население относится к применению инструментов корпоративного управления в муниципальном управлении и определения его отношения к невыборным главам администраций были проведены фокус-группы с гражданскими активистами и бизнес-сообществами, результаты которых представлены в этой статье.

Ключевые слова: менеджизм, муниципальное управление, сити-менеджмент, эффективность управления, гражданские активисты, гражданское общество, социальная активность.

Введение.
Муниципальное управление Российской Федерации являются объектом частых административных реформ, направленных на повышение эффективности его работы. Одним из самых заметных преобразований, претендующих

Alexander Yu. Nechushkin

Doctor of Sociological Sciences,
Scientific Director,
Member of the Public Chamber
Rostov region,
Don Cossack State Institute
food technology and business (branch),
Rostov-on-Don
Aun-ro@mail.ru

Alexander B. Ponomarev

Institute of Sociology and Regional Studies;
Southern Federal University
kalvarus94@gmail.com

**INTERACTION BETWEEN
THE MUNICIPAL GOVERNMENT
AND THE POPULATION AS A CRITERION
FOR THE EFFECTIVENESS
OF MUNICIPAL POLICY**

Annotation. In this article an attempt is made to consider the interaction of municipal power and population as a criterion of municipal policy efficiency. It is assumed that the introduction of managerial tools in the sector of public authority should lead to an increase in the productivity of managerial labor, but in practice the model of city-management, implemented almost everywhere in all municipalities, is associated with many risks of socio-political nature. One of the main ones is the fear that the «appointed» head of administration will not be perceived as a legitimate head of administration. In order to identify how the population treats the application of corporate governance tools in municipal government and to determine its attitude to unelected heads of administration, a focus group with civic activists was conducted, the results of which are presented in this article.

Keywords: managerialism, municipal government, city-management, management efficiency, civic activists, civil society, social activity.

на структурный характер, выступает имплементация института сити-менеджмента в российское муниципальное управление. Появление этой модели муниципального управления в российском институциональном пространстве свидетельствует о том, что законодатель серьезно настроен применять инструменты менеджизма

для повышения эффективности работы публичного сектора. Замысел следующий: опираясь на американский опыт, применить инструменты корпоративного управления в секторе публичной власти. Предположительно, это должно привести к повышению эффективности и достижению целей, связанных с социально-экономическим развитием территорий. Однако у этой модели есть множество проблем и недостатков, отмечаемых представителями научного сообщества. А.В. Дятлов и В.В. Ковалев в своей статье «Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении» указывают на то, что сити-менеджмент, помимо административно-управленческих рисков, сопряжен с социально-политическими, непосредственно связанными с проблемами взаимодействия власти и населения в рамках новой модели. Иными словами, если главу администрации больше не выбирают, то может ли население ему доверять и готовы ли будут жители города и другие социальные акторы взаимодействовать с «назначенцем»? [2]. Аналогичные опасения в своих работах высказывал и Л.В. Акопов, считаящий назначенного главу администрации нелегитимным [1]. Эта проблема становится еще более глубокой и актуализированной, если рассмотреть барьеры, препятствующие эффективной реализации института сити-менеджмента в современной России [3]. А.Н. Самойлова обращала внимание на институциональные условия реализации этой модели и констатировала, что она, по аналогии с американской, должна функционировать в социальной системе с развитым гражданским обществом, компенсирующим потерю возможности выбирать главу городской администрации [5]. В.М. Полтерович в своей работе о трансплантации экономических институтов описал механизмы имплементации зарубежных институтов в российскую социальную реальность и пришел к выводу о том, что этот процесс сопряжен с множеством рисков. Главным из них является возможность трансформации института во что-то принципиально иное при сохранении своего формального облика [4]. Исходя из вышеописанного, можно прийти к выводу о том, что сити-менеджмент в России неоднозначно оценен научным сообществом и ассоциируется с рисками и социально-политическими опасностями. В рамках этой работы мы сконцентрируем внимание на одном из аспектов, вызывающих наибольшие опасения – легитимности института сити-менеджмента через призму восприятия населением. Мы решили остановиться на гражданских активистах и предпринимателях, так как они глубже всех понимают нужды местных сообществ, и именно они выступают лидерами мнений, определяющими активность населения в том или ином районе¹.

Методология исследования.

Методологическим фундаментом нашей работы выступает неонституциональная парадигма, трактующая социальные институты как нормативно-закрепленный набор правил и регуляций, очерчивающий рамки для социальных акторов. В

них социальные акторы принимают решения, исходя из множества альтернатив, и эффективность работы института будет высока в том случае, если они выбирают наиболее рациональные, предсказуемые и прозрачные варианты своих действий. Сити-менеджмент, де факто, упразднил выборы глав городских администраций и это, предположительно, может вызвать недовольство местного сообщества. Оно может проявляться как в легко наблюдаемой протестной активности, так и в сложно фиксируемом нежелании членов гражданского общества взаимодействовать с органами власти, не обладающими легитимностью. Гипотеза исследования звучит следующим образом: мы предполагаем, что появление в российском институциональном пространстве сити-менеджеров неизбежно приведет к падению доверия главам городских администраций и к снижению готовности взаимодействовать с ними по вопросам благоустройства и повышения показателей социально-экономического развития территории.

В октябре-ноябре 2021 г. было проведено качественное социологическое исследование в формате фокус-группы, в котором приняли участие гражданские активисты и предприниматели городов Ростов-на-Дону, Краснодара, Симферополя, Ялты. Мероприятия были реализованы на базе Общественных палат в указанных регионах. В исследовании суммарно приняло участие 29 общественных активистов, представляющих некоммерческие организации и гражданские объединения Ростовской области, а также – 32 предпринимателя. Основная тема фокус-групп звучала следующим образом: «Может ли отмена выборов глав администраций быть фактором утраты доверия муниципальной власти и разрушения связи власти и населения, власти и бизнеса?». Информанты высказывались о своем отношении к контрактной форме назначения глав городских администраций и рассказывали о проблемах и перспективах взаимодействия с ними.

Результаты.

Результаты исследования представим в виде сконструированных кодировочных категорий. Такими выступают: доверие, эффективность, гражданская активность, практические рекомендации. В разделе представления результатов мы будем приводить наиболее интересные и информативные цитаты участников фокус-групп, которые, в свою очередь, будут представлены как «участник 1», «участник 2» и т.д.

Доверие. Участник 1: «Возьмем, например вопрос о вакцинации. Доверия этому мероприятию нет, президент не прививается, народ задает вопросы, а не верит ответам. Мы смотрим на власть как на пример для подражания. Как на царя-батюшку. Почему именно так? Потому что власть относится к народу как к ребенку. Родитель должен не только воспитывать, но и показывать пример. Если власть говорит одно, а делает другое, то

управления (на примере муниципальных образований Южного федерального округа).

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта РФФИ, проект №21-011-31846/21 «Менеджеристские инструменты обеспечения эффективности муниципального

возникает недопонимание и недоверие. Мое мнение – надо более ответственно относиться к своему народу и создавать доверие». Участник 59: «Власть не понимает, что мир меняется и не понимает того, что нужно выходить на связь с населением, говорить с ним на понятном языке». Участник 45: «Мой опыт работы с властью говорит о том, что все зависит от конкретного случая. Например, в одном из городов исполнительная власть вела диалог с общественниками, когда в период нехватки детских садов мы решали вопрос, встречались с мэрами. Власть не терпит неконструктивной критики, нам нужно выходить с предложениями для решения проблем. Мой опыт работы говорит о том, что если захотеть, то решить проблемы возможно.» Участник 4: «Давайте взглянем на проблему с точки зрения властных органов. У нас большая страна и если за каждый промах исполнительной власти бить её по рукам, то она просто начнет бояться и не станет проявлять активности, следовательно, не будет вызывать доверия. Нужна хоть какая-то презумпция доверия и понимание того, что что-то может не получиться. Не убивать же за это!». Участник 52: «Есть устоявшееся мнение – «за нас все решили». Население само не хочет ничего делать, следовательно, власть не чувствует стимула работать хорошо и пользоваться доверием населения. Участник 21: «Выборность городских глав – это очень важный момент. Я верю в того, кого избираю». Участник 33: «Власть должна быть более открытой и контактировать не просто с лидерами мнений, но со всем населением. Нужно развивать обратную связь не через депутатов, а напрямую.»

Эффективность. Участник 9: «Для маленьких муниципалитетов сити-менеджмент это идеально, но в крупных городах нужно возвращаться к выборам. Это, на мой взгляд, более эффективно. Это обязывает встречаться с избирателями. В сельских поселениях эта модель должна отлично работать. Зачем в малых городах тратить бюджет на выборы, если можно потратить на что-то полезное?». Участник 37: «Мне кажется, что мы зря слишком много внимания уделяем тому, как человек пришел во власть. Намного важнее то, как он работает. Власть – это, в первую очередь, способность отвечать на запросы населения». Участник 6: «Руководители среднего уровня не имеют возможности принимать быстрые решения, так как «не прописано», как им следует действовать в тех или иных случаях». Участник 1: «Плохо работают (в муниципальных органах власти – прим.), потому что кто-то боится, кому-то не хватает полномочий, плюс еще личная ответственность. Они (чиновники – прим.) боятся взять ответственность за непопулярные меры и ожидают команду сверху». Участник 43: «Люди недостаточно «громко» высказывают свои пожелания и требования. Они ожидают, что муниципалитет всё сам увидит, поймет и решит. Но нет! Необходимо выходить на связь и актуализировать свои проблемы!» Участник 11: «Для меня важно не то, как человек пришел во власть, а то, как он работает и выполняет свой KPI».

Гражданская активность. Участник 56: «Власть не понимает, что мир меняется и что необходимо

выходить на контакт с представителями населения». Участник 54: «На сегодняшний день нет интегрированного и консолидированного сообщества, которое бы формировало повестку актуальных проблем». Участник 60: «Необходимо расширить применение инструментов прямой демократии». «Люди не хотят проявлять активность и обращаться со своими проблемами в муниципалитет. Они смотрят на федеральный уровень, ориентируются на него и просто не доверяют полномочиям муниципальной власти». Участник 7: «Люди думают, что за них всё решили. А если решили, то зачем голосовать или делать хоть что-то? Если на что-то жалуется десять тысяч человек – это одно, а если сразу сто, то это совсем другое». Участник 16: «Для молодежи не создается контент, который бы говорил с ними на одном языке. Поэтому их и трудно вовлечь в какую-то активность». Участник 2: «Лидеры общественного мнения все-таки есть, но вопрос в том, могут ли они объединяться для решения каких-то глобальных вопросов и существует ли платформа, где они могут открыто обсуждать свои вопросы? Нужно понимать, что не все люди активны и не все должны быть активны». Участник 9: «Не каждый должен ходить к мэру и требовать. Нужно передать функцию общественного контроля в общественную палату, там хоть какой-то фильтр есть. Нельзя раздавать всем «красные повязки»».

Практические рекомендации. Участник 6: «Может быть нам нужно придать юридическую силу, например, Центрам управления регионами? Чтобы власть не боялась, что, удовлетворив запрос гражданина к ним придут проверяющие органы, и чтобы это не замедляло решения и не отводило от принятия решений». Участник 19: «Сделать так, чтобы власть контактировала не только с лидерами мнений, но со всем населением напрямую. Развить прямую обратную связь не через депутатов. Депутаты работают на себя и проявляют активность перед выборами.» Участник 22: «Во время отчетов глав перед населением необходимо заполнять зал реальными людьми, которые будут адекватно работать. Нужно, чтобы они умели отделять себя и свои личные амбиции от общего блага. Если Вы задаете вопросы исходя из блага города, то это хорошо, но многие просто хотят «топить» власть и жаловаться, исходя из своих личных проблем». Участник 8: «Все, о чем мы рассуждаем это хорошо, но пока взаимодействие власти и населения не будет формализовано на уровне закона ничего хорошего не произойдет. Нужно, чтобы в городе на уровне губернатора был акт, обязывающий встречаться с представителями общественности. Необходим законодательный акт или постановление зак. собрания о том, что власть обязательно должна встречаться с общественниками и выслушивать их мнения и предложения». Участник 23: «Необходимо юридически оформить инструменты прямой демократии вроде «активного горожанина» и Центров управления регионами. Обеспечить обязательность принятия во внимания и внесения в повестку дня вопросов, поднимаемых ими. Нужны не только отзывы, но реальное рассмотрение инициатив. Нужна прямая линия ответственного лица в том или ином электронном формате. Это нужно закрепить и сделать

обязательным». Участник 3: «Передать функцию общественного контроля в общественную палату».

Перед завершением обсуждения практических рекомендаций модератор задал вопрос: «Правильно ли я понимаю, что вы предлагаете институционализировать понятие «представитель общественного мнения?» на что участники фокус-группы единогласно ответили «да».

Обсуждение.

Результаты проведенного исследования можно интерпретировать следующим образом: сити-менеджеры считаются легитимными, но неэффективными управленцами. Никто из участников фокус-групп не выказывал ярко выраженного отрицательного отношения к назначаемым по контракту главам администраций. При этом глава городской администрации, избираемый населением, все еще предпочитается всеми участниками. Важным наблюдением является восприятие общественными активистами самого принципа гражданской активности. При общении на тему непосредственной активности практически всё обсуждение было связано с теоретизацией, умозрительными заключениями и предположениями, в то время как обсуждения общественных организаций носили более конструктивный характер. Это означает, что общественные активисты ЮФО не верят в результативность нерегулируемой гражданской активности. Они отмечают, что власти необходимо взаимодействовать с населением, но конструктивных предложений по взаимодействию без буфера в виде некоммерческих организаций или общественных объединений практически не было.

Почти все информанты высказывались о том, что муниципальная власть работает неэффективно из-за встраивания в вертикаль власти, невозможности самостоятельно принимать оперативные решения и страха муниципалов попасть под санкции региональной и федеральной властей за излишнюю «самостоятельность». Сложилось впечатление о том, что гражданские активисты и предприниматели воспринимают муниципальную власть как невольника региональной и федеральной, не имеющей реальной социально-политической или социально-экономической потенции. Это замечается и в поведении самих активистов, которые в своих рассуждениях часто переходили с обсуждения местного уровня власти на региональный и федеральный. Это может быть интерпретировано как недоверие к полномочиям муниципального уровня.

Литература:

1. *Акопов Л.В.* От выборного главы администрации к «Сити-менеджеру» – утраченная легитимность / Л.В. Акопов // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 3. С. 131–134.
2. *Дятлов А.В.* Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 66–77.

Участники фокус-группы не считают, что менеджерские инструменты неизбежно приведут к потере связи между властью и населением. Отчасти это связано с тем, что даже при работе института выборов глав городских администраций эта связь все равно была нарушена. Ставится под сомнение сама необходимость взаимодействия с властью на муниципальном уровне. Складывается впечатление, что, если бы у гражданских активистов и предпринимателей был доступ к более вышестоящим лицам, принимающим решения, то они бы сразу обращались к ним, минуя уровень района и города.

Заключение.

В целом, гражданские активисты и предприниматели, принявшие участие в нашем исследовании, остались недовольны сложившейся моделью взаимодействия власти и населения. Эффективность внедрения корпоративного управления в публичную власть ставится под сомнение, его потенциал в поддержании связи власти и населения встречен со скептицизмом. Практические рекомендации по выходу из этой ситуации, представленные участниками фокус-групп, связаны, в первую очередь, с законодательными актами, нормативно закрепляющими процедуры общественного контроля и взаимодействия с гражданским и предпринимательским обществом. Интересно то, что представители гражданского общества не желают выйти «за рамки» бюрократизированного взаимодействия и не стремятся общаться с властью напрямую, но хотят переосмыслить уже сложившуюся систему, закрепив статус так называемого «представителя общественного мнения». Из этого следует, что даже самые активные представители ЮФО не верят в перспективы прямой демократии, но верят в то, что народная воля должна аккумулироваться в общественных организациях, которые, в свою очередь, донесут её до представителей власти на понятном для них языке. Таким образом, нельзя сказать о том, что введение инструментов корпоративного управления в публичный сектор вызывает проблемы с взаимодействием власти и населения. Объясняется это тем, что эти проблемы присутствовали задолго до попыток законодателя превратить российские города в своеобразные корпорации и имманентно присущи современному российскому обществу, не имеющему значительного опыта гражданской активности, трансформирующейся в социально-полезные проекты, улучшающие благосостояние города.

Literature:

1. *Akopov L. V.* From elected head of administration to «City-manager» – lost legitimacy / L. V. Akopov // North Caucasian Law Bulletin. 2015. № 3. P. 131–134.
2. *Dyatlov A. V.* Transformation of City-Management Institute in Municipal Administration of Southern Russia / A. V. Dyatlov, V. V. Kovalev // Sociological Studies. 2021. № 3. P. 66–77.

3. *Ковалев В.В.* Состоятельность института сити-менеджмента (по материалам глубинных интервью с сити-менеджерами). Гуманитарий Юга России / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов. 2020. Т. 9. № 6. С. 111–118.

4. *Полтерови В.М.* Трансплантация экономических институтов / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.

5. *Самойлова А.Н.* Институциональные условия реализации модели сити-менеджмента в городском управлении / А.Н. Самойлова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 1(9). С. 154–169.

3. *Kovalev V.V.* The Worthiness of the Institute of City-Management (on the Materials of In-depth Interviews with City-Managers). Humanitarian of the South of Russia / V.V. Kovalev, A.V. Dyatlov. 2020. Vol. 9. № 6. P. 111–118.

4. *Polterovich V.M.* Transplantation of economic institutions / V.M. Polterovich // Economic Science of Modern Russia. 2001. № 3. P. 24–50.

5. *Samoilova A.N.* Institutional conditions for the implementation of the city-management model in urban management / A.N. Samoilova // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2010. № 1(9). P. 154–169.

Планидин Евгений Сергеевич
преподаватель кафедры теории
и практики физической культуры и спорта,
Донской государственной
технической университет
planida1996@yandex.ru

СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Аннотация. В статье проводится теоретический анализ спортивно-оздоровительной деятельности в системе рекреации. Автор исходит из того, что совершенствование и активное внедрение спортивно-оздоровительной деятельности в практическую жизнедеятельность молодежи является приоритетной задачей общества и сферой социальной деятельности. Спортивно-оздоровительная деятельность в структуре рекреации молодежи направлена на укрепление здоровья, поддержания высокого уровня работоспособности и сохранения социального климата в обществе. Изучение вопросов, рассматривающих спортивно-оздоровительную деятельность в контексте социального содержания, имеет важное значение для исследовательской деятельности современных специалистов.

Ключевые слова: рекреация, спортивно-оздоровительная деятельность, физическая культура, спорт, здоровье.

Будущее страны, в целом, находится в зависимости от показателей здоровья ее населения и, в первую очередь, молодежи, что обуславливает необходимость в более широком вовлечении молодых людей в систематические занятия спортом: данная задача входит в настоящее время в число приоритетных направлений государственной политики.

Высокая значимость спорта определяется его ролью в укреплении и поддержании здоровья, профилактике общих и профессиональных заболеваний, в поддержании высокого уровня работоспособности и сохранения социального климата в обществе.

Посредством спорта, индивид может значительно улучшить состояние своего физического и психического здоровья, расширить возможности своего организма, реализовать свой потенциал в необходимых или желательных для общества видах деятельности

Современные направления в физической культуре и спорте обладают высоким потенциалом для развития спортивно-оздоровительной деятельности, и, прежде всего, это является важной

Evgenii S. Planidin
Teacher Department of Theory
and Practice Physical Culture and sports,
Don State Technical University
planida1996@yandex.ru

SPORTS AND RECREATION ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF SOCIAL SIGNIFICANCE

Annotation. The article provides a theoretical analysis of sports and recreational activities in the recreation system. The author proceeds from the fact that the improvement and active introduction of sports and recreation activities into the practical life of young people is a priority task of society and a sphere of social activity. Sports and recreation activities in the structure of youth recreation are aimed at strengthening health, maintaining a high level of efficiency and preserving the social climate in society. The study of issues that consider sports and recreation activities in the context of social content is important for the research activities of modern specialists.

Keywords: recreation, sports and recreation activities, physical culture, sports, health.

составляющей рекреационной деятельности человека. В настоящее время, спортивно-оздоровительная рекреационная деятельность активно развивается во всем мире, не исключение составляет и Россия, где уделяется особое внимание детско-юношескому спорту, физической культуре в образовательных учреждениях и развитию студенческого спорта.

Проблема сохранения и воспроизводства здоровья человека и общества определяет стратегические задачи в системе физического воспитания подрастающего поколения, направленные на формирование культуры жизнедеятельности молодежи. Совершенствуя культуру здоровья и трансформируя ее в образ жизни, мы совершенствуем социокультурное пространство молодого человека.

Драмой для современной молодежи и всего общества может обернуться настоящее со стороны цифрового пространства вытеснение двигательной активности и физического совершенствования человека, вследствие чего, происходит не востребованность функциональных возможностей организма человека.

В связи с этим, учитывая требования современной цивилизации, формирование основ здорового образа жизни, трансформации отношения к спортивно-оздоровительной деятельности являются, на наш взгляд приоритетными задачами общества и предметом исследования прикладных наук, в том числе и социологии.

Современная цивилизация все чаще напоминает о необходимости сохранения человеческого ресурса как создателя видимого технического прогресса. В настоящее время создается положение, когда роль физической культуры и спорта как традиционных элементов образа жизни в современном обществе возрастает. Они могут полнее проявить свой здравоохранительный и жизнеутверждающий потенциал при условии, если будут развиваться не только в узких рамках физического совершенствования, а как органическая часть жизнедеятельности человека.

Сам образ жизни молодого человека в тесной связи со здоровьем является сложным, многогранным феноменом социальной действительности, отражающей все стороны человеческой реальности. При этом до сих пор яркое звучит выражение Платона, о том, что каждый человек самостоятельно создает свое здоровье и благополучие, а в своих бедствиях люди склонны винить судьбу, богов и все, что угодно, но только не самих себя [1].

Человеческие коммуникации, образующиеся в ходе физкультурно-спортивной деятельности, становятся естественным и адекватным потребностям и возможностям личности, стимулом ее социализации. Такая деятельность способствует формированию собственного стиля поведения человека в обществе, пониманию им необходимых для достижения жизненного успеха ориентиров, терпения, толерантности, и ограничений [2, с. 77–80].

И.А. Виленский, обсуждая процесс интериоризации ценностей физической культуры, отмечает, что для целенаправленного воздействия на ценностное сознание, недостаточно сообщить «готовые» представления о ценном. Необходимо, чтобы в сознании личности сложились ценностные представления, наполненные личностным смыслом, и превращались в проверенные личным опытом реальные мотиваторы социального поведения [3, с. 43–45].

Вопросы спортивно-оздоровительной деятельности в системе рекреации молодежи имеют региональные особенности, обусловленные социально-экологическими факторами развития региона, спортивными традициями, наличием обеспеченности территории спортивными сооружениями и спортивными зонами свободного доступа. Изучение вопросов, рассматривающих спортивно-оздоровительную деятельность в контексте социального содержания, имеет важное значение для исследовательской деятельности современных специалистов. При этом круг вопросов, которые интересуют исследователей в сфере спортивно-оздоровительной и рекреационной деятельности, достаточно широк.

Любая динамично развивающаяся сфера социальной деятельности непосредственно обновляется терминологическим составом, и этот состав терминов требует пересмотра основных понятий с учетом происходящих перемен. Вариативность понятий неуклонно растет и в сфере спортивно-оздоровительной деятельности. Например, появившиеся не так давно термин спортивно-оздоровительная рекреация в настоящий момент употребляется не только учеными, но активно используется даже специалистами туристической индустрии. Также, вариативно и активно используют такие понятия, как «физическая рекреация», «двигательная рекреация».

Используя грамматический силлогизм, С.А. Асланов и М.А. Эльмурзаев, отмечают, что слово «рекреация» как существительное, дополняется словом прилагательной формы – «физическая», и такое словосочетание, гармонично дополняя друг друга, усиливает двигательную составляющую рекреационной деятельности, придавая ей спортивную направленность. Авторы считают, что общим для всех видов и разновидностей физической культуры является наличие деятельности, связанной с движением, а целью каждого из этих направлений является целевая направленность, связанная с оптимизацией здоровья индивида. Но выделяемые разделы имеют свой специфический предмет, свои функции, методы и средства решения своих специфических задач. В настоящее время, по мнению ученых, физическая рекреация всё больше дистанцируется от своей традиционно признаваемого родового понятия – физической культуры. В рамках только этого родового понятия, она уже не обеспечивает оптимизацию целостного состояния здоровья в единстве его физического, психологического, социального и душевного его компонентов, социально-психологического развития личности и формирования новых форм социальных отношений [4, с. 19–23].

Говоря о физической рекреации как об одном из видов спортивно-оздоровительной деятельности, А.А. Рыжкова, И.Г. Лучинина, отмечают, что данный вид деятельности получил широкое распространение. В первую очередь, из-за значительной свободы выбора занятий, их места проведения, а также – времени и т.д. Каждый человек при выборе основывается только на личных собственных вкусах, потребностях. Не стоит забывать и то обстоятельство, что все виды и формы двигательной рекреации помогают разумно проводить свободное время, избавляться от негативных явлений в жизни, увеличивать работоспособность, расширяют и увеличивают функциональные возможности организма, помогают бороться с неблагоприятными условиями трудовой деятельности или воздействием характера труда [5, с. 139–142].

Несмотря на то, что подавляющее большинство молодых людей в России признают важность спортивно-оздоровительной деятельности и высокий рекреационный потенциал последней, незначительная часть представителей молодёжи не вовлечена в занятия спортивно-оздоровительной деятельностью на систематической основе, и она не занимает ведущего места в структуре рекреации рассматриваемой социально-демографической группы.

При этом интерес вызывают данные опроса, которые провели среди студенческой молодежи О.О. Захарова, Л.А. Якимова. В вопросе, касающемся выбора между коммерческой и бюджетной организацией, 13 % опрошенных молодых людей предпочитают выбрать бесплатные занятия, подстраивая свое расписание под график секций. Также, 13 % предпочитают выбрать коммерческую секцию, оставляя в приоритете выбор удобного расположения и расписания занятий. 40 % опрошенных надеются подстроить расписание бесплатных занятий под удобное им время. 33 % опрошенных рассчитывают на скидки и специальные предложения коммерческой организации [6, с. 56–58].

Необходимо выделить позицию некоторых авторов, которые отмечают, что в процессе спортивно-оздоровительной деятельности формируются и развиваются устойчивость и гибкость, навыки саморегуляции и рефлексии, дисциплинированность и ответственность, стойкость и мужество. Все это считается важной целевой установкой социального воспитания, которое, как уже отмечалось, понимается как планомерное создание и использование различных обстоятельств, для целенаправленного личностного, индивидуального и субъективного становления человека в процессе его социализации [7; 8].

Современные средства массовой информации и, в первую очередь, интернет выступает в

Литература:

1. Платон (ок. 427-ок. 347 до н.э.) Диалоги / Платон; Сост., ред. изд. и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; Пер. с древнегреч. С.Я. Шейнман-Тонштейн. М. : Мысль, 1998. 605 с. URL : <https://search.rsl.ru/ru/record/01000584022>
2. *Мавропуло О.С.* Переосмысление сущности физической культуры как ценности жизнедеятельности человека / О.С. Мавропуло // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 2(33). С. 77–80.
3. *Виленский М.Я.* Теория и практика интериоризации студентами ценностей физической культуры в образовательном процессе / М.Я. Виленский // Культура физическая и здоровье. 2004. № 2. С. 43–45.
4. *Аслаханов С.А.М.* О соотношении физической рекреации, физической культуры и общей рекреации / С.А.М. Аслаханов, М.А. Эльмурзаев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 9(151). С. 19–23.
5. *Рыжкова А.А.* Физическая рекреация, как часть физической культуры в жизни студента / А.А. Рыжкова, И.Г. Лучинина // Развитие образования в России: проблемы и перспективы: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Новосибирск, 01–27 декабря 2017 года. Новосибирск : Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества». 2017. С. 139–142.

настоящее время в качестве одного из факторов, влияющих на рекреацию современной российской молодежи, определяя её характер и содержание, оказывая при этом противоречивое воздействие на сознание молодежи, в части, касающейся отношение к деятельности спортивно-оздоровительного характера:

- с одной стороны, современные СМИ предоставляют молодежи большой спектр информации о спорте;
- с другой стороны, они предлагают молодым людям широкие альтернативы рекреационной деятельности, не связанные с занятиями спортом и оздоровлением.

Мы разделяем мнение многих в том, что спортивно-оздоровительная деятельность как средство реализации молодежной политики, прежде всего, является средством реализации в направлении содействия формирования здорового образа жизни. При этом весь комплекс мероприятий направленных на совершенствование системы спортивно-оздоровительной деятельности молодежи, независимо от инициаторов, начиная от отдельных учреждений образования, спортивной направленности до представительств органов муниципальной власти и регионального уровня должен иметь социальный контекст.

Literature:

1. *Platon* (ca. 427-ca. 347 BC) Dialogues / Platon; comp., ed. ed. and auth. introductory article by A.F. Losev; translated from ancient Greek by S.Ya. Sheinman-Tonstein. M. : Mysl, 1998. 605 p. URL : <https://search.rsl.ru/ru/record/01000584022>
2. *Mavropulo O.S.* Rethinking the essence of physical culture as a value of human activity / O.S. Mavropulo // Humanities and socio-economic sciences. 2007. № 2(33). P. 77–80.
3. *Vilensky M.Ya.* Theory and practice of students' internalization of physical culture values in the educational process / M.Ya. Vilensky // Physical culture and health. 2004. № 2. P. 43–45.
4. *Aslakhanov S.A.M.* On the correlation of physical recreation, physical culture and general recreation / S.A.M. Aslakhanov, M.A. Elmurzaev // Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University. 2017. № 9(151). P. 19–23.
5. *Ryzhkova A.A.* Physical recreation as a part of physical culture in a student's life / A.A. Ryzhkova, I.G. Luchinina // Development of education in Russia: problems and prospects : collection of materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, December 01–27, 2017. Novosibirsk : Limited Liability Company «Center for the Development of Scientific Cooperation». 2017. P. 139–142.

6. Захарова О.О. Отношение студенческой молодежи к коммерческой спортивно-оздоровительной деятельности / О.О. Захарова, Л.А. Якимова // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2020. № 1. С. 56–58.

7. Рудин М.В. Компетентностный подход к организации спортивно-оздоровительной деятельности студентов в вузе / М.В. Рудин, Н.А. Часова, А.И. Калоша. Брянск : Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2015. 188 с.

8. Фалькова Н.И. Структурно-функциональная диагностика студентов в процессе спортивно-оздоровительной деятельности / Н.И. Фалькова, А.В. Ушаков // Фитнес-аэробика-2016 : материалы Всероссийской научной интернет-конференции, Москва, 01–12 декабря 2016 года. М. : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)», 2016. С. 103–106.

6. Zakharova O.O. The attitude of student youth to commercial sports and recreational activities / O.O. Zakharova, L.A. Yakimova // Resources of athletes' competitiveness: theory and practice of implementation. 2020. № 1. P. 56–58.

7. Rudin M.V. Competence-based approach to the organization of sports and recreational activities of students at the university / M.V. Rudin, N.A. Chasova, A.I. Kalosha. Bryansk : Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, 2015. 188 p.

8. Falkova N.I. Structural and functional diagnostics of students in the process of sports and recreational activities / N.I. Falkova, A.V. Ushakov // Fitness-aerobics-2016: Materials of the All-Russian Scientific Internet Conference, Moscow, December 01–12, 2016. M. : Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (GTSOLIFK)», 2016. P. 103–106.

Теличева Елена Геннадьевна
кандидат социологических наук,
доцент Высшей школы медиа,
коммуникаций и сервиса,
Тихоокеанский
государственный университет
telicheva_e@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ТУРИЗМ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Туризм, как и любой сектор экономики, столкнулся с разрушительным влиянием COVID-2019, объявленной Всемирной организацией здравоохранения. По этой же причине, ускорился процесс цифровизации экономики, туризм не стал исключением. В определенной степени, цифровые техно логии значительно оптимизировали организацию работы туристских организаций. Грамотное применение инструментов антикризисного управления в сочетании с цифровыми технологиями, могут способствовать оптимизации технологических, управленческих процессов и выходу на новый этап организационного развития. В рамках статьи определено влияние пандемии на сектор туризма и меры воздействия на внешние вызовы.

Ключевые слова: пандемия, туризм, факторы влияния, ситуационный подход, меры антикризисного управления, этапы антикризисного управления, государственное регулирование.

Развитие туризма на протяжении многих лет является одной из приоритетных задач государственной туристской политики, поскольку туризм явля ется движущей силой, катализатором в социокультурном, экономическом и иных аспектах.

В настоя щий период времени, индустрия туризма столкнулась с серьезным вызовом – тяжелым кризисом, связанным со стремительным распространением нового вида корона вируса (COVID-2019) во всем мире. Современный кризис является беспреце дентным с точки зрения ожидаемых потерь и последствий. 2020 год изменил сложившийся уклад жизни, как потребителей туристских услуг, так и их производителей. Предыдущие кризисные ситуации не имели такого разрушительного влияния за всю историю. По оценке Всемирного совета по туризму и путеше ствиям (WTTC) и Oxford Economics, ущерб для турбизнеса от эпидемии корона вируса насчитывает миллиарды долларов [4].

Ситуация серьезная и можно отнести к ней пессимистично, а можно с должным чувством оптимизма, поскольку, как показывает история, кризис – это источник новых возможностей, идей,

Elena G. Telicheva
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Higher School of Media,
Communications and Service,
Pacific State University
telicheva_e@mail.ru

INFLUENCE OF THE PANDEMIC ON TOURISM: TIME'S CHALLENGES

Annotation. Tourism, like any sector of the economy, have come across the deconstructive influence of the COVID 2019 announced by the World Health Organization. For the same reason, the process of digitalization of the economy has accelerated, and tourism is no exception. To a certain extent, digital technology has significantly optimized the organization of tourist organizations. Competent application of crisis management tools in combination with digital technologies can help to optimize technological, managerial processes and to reach a new stage of organizational development. The article identifies the influence of the pandemic on the tourism sector and measures to address external challenges.

Keywords: pandemic, tourism, influence factors, situational approach, measures of crisis management, stages of crisis management, government regulation.

инновационных направлений. Термин «кризис» (греч. *krisis* – решение, поворотный пункт) обозначает резкое изменение, крутой перелом, сложное переходное состояние чего-либо. Как отмечает И.В. Логунцова, в кризисных ситуациях туризм достаточно уязвим как вид деятельности, быстро реагируя на происходящие изменения, в то время как период восстановления бывает относительно непродолжительным, спрос на туристские продукты и услуги сокращается, но полностью не угасает [3].

На наш взгляд, применение ситуационного подхода в рамках антикризисного управления и анализа причинно-следственных связей при разработке антикризисной стратегии, позволит нивелировать проблемы, сформировать новые конкурентные преимущества.

К мерам антикризисного управления в условиях вызова, можно отнести:

- позитивный настрой в самых, казалось бы, неразрешимых ситуациях;
- взвешенно подходить к вопросу договорных отношений с поставщиками.

Можно перейти с пакетных туров на индивидуальный формат. Важно определить услуги, которые максимально востребованы в кризис. Например, в период жестких ограничений, завоевали популярность футуристические тур продукты, представляющие собой виртуальные туры интерактивного характера:

- в виду ограниченности ресурсов, следует тщательно планировать расходы компании. Как вызов можно считать перевод части сотрудников на дистанционный формат работы;

- повышением качества стараться отходить от предоставления скидок клиентам, клиент должен ощущать оптимальность предлагаемой цены на тур продукт, с позиции ощущения его ценности;

Реализация мер антикризисного управления туристской компании основывается на структурировании процессов:

- изначально, целеполагание необходимо определить как ориентир достижения. В нашем случае, это поиск мер по нивелированию проблем, связанных с разбалансированием процессов в организации производства, с продвижением и реализацией туристского продукта;

- взвешенный подход в выборе формата туристского продукта и целевой аудитории, либо пакетные туры, либо индивидуальные предложения. Завоевывают популярность авторские туры;

- постоянные коммуникации с целевой аудиторией, постоянными клиентами, поскольку, требуется разъяснение по организации отдыха, о действиях турфирмы в период ограничений и другие вопросы. Заслуживают внимания, вебинары, бесплатные семинары для клиентов. Важно не потерять клиентов;

- оптимизировать воронку продаж. Вести ежедневный учет по показателям продаж, применять мозговой штурм в коллективе для выработки новых идей в условиях вызова. Например, подключать латеральный маркетинг, направленный на реализацию нестандартных управленческих решений;

- учиться новым методикам, внедрять цифровые технологии в производство.

Традиционные форматы туристского предложения уступают место новым, диверсифицированным. Например, сокращение деловых поездок с активным участием и увеличение мероприятий в сегменте бизнес-туризма в цифровых и дистанционных форматах; появление новых технологий, способных сопровождать туриста на всех этапах путешествия. Создание потребности в путешествии осуществляется со знакомства с виртуальными турами. Важно формировать сервисы с готовыми маршрутами, с целью формирования персональных предложений; возможности без контактных технологий при регистрации позволит обеспечить комфорт в поездке. По сути, традиционное путешествие превращается в smart-путешествие [1].

Интенсивное внедрение информационных технологий внесло коррективы в характер конкуренции на туристском рынке. Компании, использующие в своей деятельности информационные технологии, формируют конкурентные преимущества. Например, компания Go Travel Un Limited разработала собственный онлайн-метапоисковик авиабилетов – Aviasales – позволяющий потребителю планировать свое путешествие из любой точки мира. Поскольку доля онлайн-продаж туристского продукта увеличивается, туристским компаниям необходимо осознавать важность развития своих ресурсов в онлайн-формате [8].

Трудно не согласиться с Л.А. Овчаренко, действительно, туризм под влиянием глобальных вызовов приобретает новые черты, формируется новая парадигма развития туризма и сферы социально-культурного сервиса:

- отход от пакетных туров в пользу индивидуальных;

- переход на онлайн-продажи;

- в приоритете безопасность и как следствие ужесточение требований;

- развитие рынка виртуальных продуктов [5].

Переход на новый уровень организации туристского бизнеса, с учетом внедрения новых технологий и ответа на вызовы современности, требует значительных затрат. С начала пандемии на государственном уровне реализовано ряд мер, в том числе:

- возврат денежных средств туристам за несостоявшиеся путешествия из фонда персональной ответственности туроператора;

- перенос сроков путешествия по желанию туриста;

- оказание помощи гражданам из резервного фонда Правительства в 2020 году, оказавшихся за рубежом, в виду ограничений на выезд;

- налоговые каникулы; субсидии на возобновление деятельности;

- отсрочка по арендной плате;

- продление программы поддержки авиакомпаний и аэропортов и другие.

В 2021 году для предприятий социально-культурной сферы разработаны программы поддержки в виде:

- безвозмездные гранты на заработную плату сотрудникам через заявительную форму, из расчета один МРОТ на работника;

- льготное кредитование с целью сохранности численности сотрудников на уровне не ниже 90 %.

До начала пандемии, туристский сектор Хабаровского края развивался планомерно и достиг значительной узнаваемости, специализируясь на

экологи ческом, познавательном, приключенческом и других видах туризма. На региональном уровне, организаторы туризма столкнулись с аналогичными проблемами. На туристском рынке Хабаровского края в 2020 году, в сравнении с более благоприятным периодом – 2019 годом, количество туристских компаний сократилось на 17 единиц, средств размещения уменьшилось на 32 единицы. Ограничительные меры явились сдерживающим фактором при въезде на территорию Хабаровского края иностранных туристов, турпоток сократился на 68,6 тысяч человек. Внутренние туристские потоки сократились на 145 тысяч чело век. Въезд жителей края за рубеж с туристскими целями сократился на 130 тысяч человек. Снижение туристских потоков в край не лучшим образом отразилось на объеме предоставляемых услуг, снижение на 1094 млн рублей. Сократилась доходная часть краевого бюджета от организации туристской деятельности на 49 %, на 50 % снизилась доля туризма в ВВП. На мировом уровне, по данным Всемирной туристской организации, снижение туристской активности в 2020 на уровне 30 % и как следствие сокращение поступлений в мировую эконимику до 50 млрд долларов [3].

Литература:

1. Анализ возможности диверсификации внутреннего туризма в условиях новых вызовов / М.В. Ефремова [и др.] // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № 1. С. 159–165.
2. Крюкова Е.М. Пандемия COVID-2019: вызовы и точки роста индустрии туризма / Е.М. Крюкова, И.Г. Шадская, А.Г. Соколова // Инновации и инвестиции. 2021. № 4. С. 340–342.
3. Логунцова И.В. Индустрия туризма в условиях пандемии коронавируса: вызовы и перспективы / И.В. Логунцова // Электронный вестник. -2020. № 80. С. 49–63.
4. Овчаренко Л.А. Антикризисное управление как инструмент устойчивого функционирования предприятия сферы туризма в условиях современных вызовов / Л.А. Овчаренко, Н.И. Дубровская, А.А. Калита // Сборник научных работ «Государственное управление». 2020. № 18. С. 60–72.
5. Овчаренко Л.А. Концептуальный подход к управлению развитием туризма в условиях современных вызовов / Л.А. Овчаренко, Т.А. Мельникова // Менеджер. 2021. № 2. С. 85–90.
6. Понедельник А. Глобальные вызовы для российского туризма в свете национальных и региональных интересов / А. Понедельник, Д.А. Рубан // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 1(76). С. 90–96.
7. Пузанов А.В. Алтайский туризм в условиях пандемии COVID-2019: от вызовов к выгодам / А.В. Пузанов, И.В. Андреева // Известия Алтайского географического общества. 2020. № 3. С. 78–88.

Правительством края для снижения напряжения в отрасли и оказания поддержки принят ряд мер; все они направлены на поддержку предприятий туристского сектора и разрешение спорных ситуаций между представителями турбизнеса и потребителями туристских услуг. Оптимистичный настрой и применение инструментов антикризисного управления позволили Хабаровскому краю занять 40-е место среди субъектов РФ и войти в группу «Крепкие профи» по итогам Национального туристского рейтинга 2020 года. В конкурсе на создание туристско-экскурсионных кластеров, проект «Киты Охотского моря» стал одним из лучших и вошел в ТОП-30.

Развитие внутреннего и въездного туризма отвечает национальным интересам страны и регионов в частности [7]. Изменения в экономике, демографии, социальной, культурной политики в мире, в целом, и обозначаемые ими тенденции должны рассматриваться в качестве глобальных вызовов для туризма и определения инструментария антикризисного управления для нивелирования проблем, корректировки, устранения [6].

Literature:

1. Analysis of the possibility of diversifying domestic tourism in the conditions of new challenges / M.V. Efremova [et al.] // Human. Sport. Medicine. 2021. Vol. 21. № 1. P. 159–165.
2. Kryukova E.M. COVID-2019 Pandemic: challenges and growth points for the tourism industry / E.M. Kryukova, I.G. Shadskaya, A.G. Sokolova // Innovations and investments. 2021. № 4. P. 340–342.
3. Loguntsova I.V. Tourism industry in the conditions of the coronavirus pandemic: challenges and perspectives / I.V. Loguntsova // Electronical bulletin. 2020. № 80. P. 49–63.
4. Ovcharenko L.A. Crisis of the management as a tool for sustainable functioning of the enterprise of tourism in the conditions of modern challenges / L.A. Ovcharenko, N.I. Dubrovskaya, A.A. Kalita // Collections of scientific papers «Government regulation». 2020. № 18. P. 60–72.
5. Ovcharenko L.A. Conceptual approach to managing tourism development in the conditions of modern challenges / L.A. Ovcharenko, T.A. Melnikova // Manager. 2021. № 2. P. 85–90.
6. Ponedelnik A. Global challenges for Russian tourism in the light of national and regional interests / A. Ponedelnik, D.A. Ruban // Bulletin of the Priksky Social University. 2017. № 1(76). P. 90–96.
7. Puzanov A.V. Altai tourism in the COVID-2019 pandemic: from challenges to benefits / A.V. Puzanov, I.V. Andreeva // Proceedings of the Altai Geographical Society. 2020. № 3. P. 78–88.

8. Цхададзе Н.В. Конкуренция в сфере туризма России: вызовы и перспективы развития / Н.В. Цхададзе, А.Ю. Левен, Е.А. Мельникова // Тенденции развития интернет и цифровой экономики. Труды 111 Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. 2020. С. 141–144.

8. *Tskhadadze N.V.* Competition in the field of tourism in Russia: challenges and perspectives for development / N.V. Tskhadadze, A.Y. Leven, E.A. Melnikova // Trends in the development of the Internet and the digital economy. Proceedings of the 111th All-Russian scientific and practical conference with international participation. 2020. P. 141–144.

Ткачев Александр Анатольевич

кандидат социологических наук
tka4ev.01@gmail.com

Хрипков Кирилл Александрович

кандидат социологических наук
khripkov@bsu.edu.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДОВ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭМПАТИИ
В ПРОЦЕССЕ ЛОКАЛЬНОЙ
САМООРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАН**

Аннотация. Настоящая статья посвящена разработке методов регулирования эмпатии в процессе локальной самоорганизации граждан. В работе отмечается, что фактор эмпатии в процессе социальной самоорганизации граждан, на локальном уровне, оказывает значительное влияние, которое проявляется в виде непосредственных связей и контактов между гражданами для решения локальных проблем и функциональных задач. Также, в работе обосновано значение субъектности в процессе регулирования эмпатии социальной самоорганизации. Установлено, что приоритетными методами регулирования эмпатии граждан на локальном уровне, являются так называемые мягкие или косвенные методы, преимущество которых состоит в снятии диссонанса между интенциями различных групп интересов.

Ключевые слова: эмпатия, доверие, методы регулирования, самоорганизация, управление.

Современные условия социального взаимодействия диктуют необходимость к воспроизводству и актуализации новых методов регулирования эмпатии в процессе самоорганизации, формирования ее средовых условий за счет внутренних и внешних ресурсов системы. Данные обстоятельства актуализируют необходимость обоснования инструментария регулирования эмпатии, под которым понимается комплекс целенаправленно организованных, взаимосвязанных, институционализированных, обеспеченных в инструментальном и ресурсном отношении социальных практик, направленных на создание условий для развития эмпатии, посредством формирования локальной идентичности, установления институционального доверия и стимулирования инициативности¹.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32231.

Alexander A. Tkachev

Candidate of Sociological Sciences
tka4ev.01@gmail.com

Kirill A. Khripkov

Candidate of Sociological Sciences
khripkov@bsu.edu.ru

**FORMATION OF METHODS
FOR REGULATING EMPATHY
IN THE PROCESS OF LOCAL
SELF-ORGANIZATION OF CITIZENS**

Annotation. This article is enlightened in the development of methods for regulating empathy in the process of local self-organization of citizens. The work notes that the factor of empathy in the process of social self-organization of citizens, at the local level, has a significant impact, which manifests itself in the form of direct connections and contacts between citizens to solve local problems and functional tasks. The work also substantiates the importance of subjectivity in the process of regulating the empathy of social self-organization. It has been established that the priority methods for regulating the empathy of citizens at the local level are the so-called soft or indirect methods, the advantage of which is to remove the dissonance between the intentions of various interest groups.

Keywords: empathy, trust, methods of regulation, self-organization, management.

Прежде всего, отметим, что эмпатия в процессе самоорганизации оказывает существенное влияние на развитие межличностных отношений за счет создания новых связей между компонентами социальных действий и факторами социальной среды. Вопросы самоорганизации взаимосвязаны с вопросами субъектной эмпатии, которая выступает как специфический вид активности и проявляется в социальном взаимодействии.

Эмпатию в социальной самоорганизации принято рассматривать как процесс, связанный с общественными отношениями и включающий в себя соответствующие действия, направленные на изменение приоритетов потребностей и интересов, признанных ценностных установок, мотивов и личных целей, как человека, так и коллектива в целом, где результатом выступают повышение

авторитета, укрепление состояния здоровья, оптимальная организация труда, отдыха и т.д.

Анализ теоретико-методологических основ феномена эмпатии в процессе самоорганизации граждан на локальном уровне и комплекса эмпирических данных, позволяют сделать вывод о необходимости трансформации современных практик развития эмпатии в процессе самоорганизации населения из стихийных (хаотичных) в системные практики объединения и интеграции, регулярно воспроизводимые на локальном уровне, что позволит закрепить данные практики в качестве массовых поведенческих паттернов [1, с. 1964]. По нашему мнению, это представляется возможным посредством социального регулирования эмпатии в процессе самоорганизации, осуществляемого на двух уровнях – саморегуляции и внешнего регулирования со стороны заинтересованных субъектов, представляющих территориальные и иные (корпоративные, административно-политические и др.) системы более высокого уровня.

При этом процесс регулирования включает несколько этапов:

1) установление субъектом регулирования целевых ориентиров, в которых, с одной стороны, выражено нормативное состояние локального сообщества (либо его конкретной сферы, нуждающейся в социальном преобразовании), а с другой – некая поведенческая норма, отражающая предписанное социальное поведение, как правило, в виде коллективного действия, направленного на социальное преобразование;

2) формальное или неформальное закрепление поведенческой нормы в виде правовой процедуры или определенного порядка действий и донесение ее до предполагаемых участников процесса социального взаимодействия, коллективных действий;

3) мобилизация потенциальных участников коллективного действия с использованием комплекса ресурсов (информационно-коммуникационных, административных, правовых, человеческих, экономических и пр.);

4) соотнесение результатов коллективных действий с поставленными целями, интересами каждого индивида [3, с. 21].

Поскольку локальные взаимоотношения представляют собой, как правило, открытые социальные системы относительно высокого уровня сложности, включают достаточно большое количество групп интересов, а при этом ряд групп интересов принадлежат системам более высокого уровня (например, муниципальная власть, корпорации и пр.), процесс социального управления развитием эмпатии, в виде жестких мер администрирования оказывается неэффективным, тем более, что современные информационно-коммуникационные технологии фактически в режиме реального времени раскодируют и делают публичными любые нелегитимные методы и инструменты социального регулирования эмпатии.

В этой связи, значение для регулирования эмпатии в процессе социальной самоорганизации, играет субъектность каждого человека (либо как результат самоорганизации, либо как ее инструмент). Поэтому приоритетными методами регулирования эмпатии в процессе самоорганизации граждан на локальном уровне, являются так называемые мягкие или косвенные методы, преимущество которых состоит в снятии диссонанса между интенциями различных групп интересов, управляющей и управляемой подсистемами за счет использования позитивных социальных стимулов и делегирования полномочий по принятию решений максимально широкому кругу заинтересованных лиц [2, с. 114].

Специфика развития эмпатии в процессе коллективных действий на локальном уровне связана с наличием таких обязательных условий:

1. Единое пространственно-временное функционирование участников.

2. Наличие общих целей для разных включенных в деятельность участников.

3. Социальные мотивы. Участники коллективных действий, кроме индивидуальных мотивов, должны иметь побуждение работать вместе.

4. Объединение (или совмещение) индивидуальных деятельностей, понимаемое как образование целостности коллективного действия.

5. Наличие единого конечного результата, общего для участников совместной деятельности, предполагает достижение его (т.н. совокупный продукт) за более короткое время и более эффективно или качественно.

С нашей точки зрения, основной направленностью «мягкого» регулирования эмпатии в процессе самоорганизации граждан является формирование средовых условий, способствующих установлению непосредственных связей и контактов между гражданами для решения локальных проблем и функциональных задач.

Формирование средовых условий развития эмпатии в процессе самоорганизации граждан направлены на решение следующих задач:

1) обеспечение системного взаимодействия между членами сообщества;

2) осознание большинством жителей своей принадлежности к сообществу, их социальная самоидентификация;

3) формирование общих потребностей в организации условий производства, проживания, психологического комфорта, безопасности и отдыха на территории проживания;

4) достижение социального единства как результата взаимодействия людей;

5) достижение организационного единства, обеспеченного наличием институционализированных связей и отношений между членами

локального сообщества, локальным сообществом и властью;

6) развитие элементов самоуправления (способность локального сообщества самостоятельно осуществлять определенные социальные функции – свойство субъектности) [4, с. 1912].

Как отмечалось выше, характер и методы регулирования эмпатии в процессе самоорганизации в локальных сообществах зависят от фазы их развития и, прежде всего, от такого параметра развития, как уровень субъектности. В зависимости от этого, в системе регулирования эмпатии могут доминировать внешние или внутренние акторы и, соответственно, вертикальные либо горизонтальные связи и отношения.

Вертикальные (макросоциальные) связи и отношения, в первую очередь, включают в себя развитие созидательно-партнерской диспозиции власти по отношению к локальному социуму. В данном контексте, одной из наиболее важных задач является поиск и установление ценностно-целевого (социального) консенсуса между муниципальной властью и иными внешними акторами, с одной стороны, и локальным сообществом, с другой.

Горизонтальные (микросоциальные) связи и отношения предполагают обеспечение возможностей для социального воспроизводства локального социума, скрытое (опосредованное) формирование и трансляцию ценностей солидарности, локальной идентичности, взаимной поддержки, положительных примеров самоорганизации и т.д.

Также, следует отметить, что доверие и коллективное участие, как и локальная идентичность, является ключевыми ценностными основаниями развития эмпатии в процессе локального взаимодействия. При этом развитие эмпатии граждан друг к другу неразрывно связано и прямо пропорционально процессу постоянного взаимодействия, элементы самоорганизации можно

Литература:

1. *Давтян Д.В.* Солидарность как основополагающая ценность в российском обществе / Д.В. Давтян // Синергия наук. 2018. № 30. С. 1963–1965
2. *Реутов Е.В.* Социальные сети в региональном сообществе / Е.В. Реутов, Л.В. Колпина, М.Н. Реутова, И.В. Бояринова; Отв. ред. Е.В. Реутов. Белгород : Константа, 2011. 239 с.
3. *Тулузакова М.В.* Стратегия формирования солидарного общества: практика, социальные риски и перспективы / М.В. Тулузакова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. № 2. С. 27–31.
4. *Хрипков К.А.* Анализ самоорганизационного потенциала локальных сообществ в условиях местного самоуправления / К.А. Хрипков // Синергия наук. 2018. № 30. С. 1911–1913.

встретить там, где люди теснее общаются друг с другом и лучше ощущают коллективные интересы.

В данном случае возникает парадоксальная и взаимодополняющая ситуация, где, с одной стороны, без должного уровня эмпатии граждане не вступают в коллективные взаимоотношения, с другой – без постоянно воспроизводимых практик взаимодействия не возникнет должной атмосферы эмпатии на локальном уровне.

Подводя итог, отметим, что современные реалии диктуют объективную необходимость социального регулирования эмпатии в процессах самоорганизации граждан с целью их трансформации из стихийных (хаотичных) в системные практики объединения и интеграции, регулярно воспроизводимые на локальном уровне. Это представляется возможным посредством социального регулирования эмпатии в процессе самоорганизации, осуществляемого на двух уровнях: саморегуляции и внешнего регулирования со стороны заинтересованных субъектов.

В комплексе методов регулирования эмпатии в процессе самоорганизации граждан, к которым в самом общем виде относятся убеждение, стимулирование, контроль. Наиболее эффективными являются, так называемые, мягкие или косвенные методы, преимущество которых состоит в снятии диссонанса между интенциями различных групп интересов, управляющей и управляемой подсистемами за счет использования позитивных социальных стимулов и делегирования полномочий по принятию решений максимально широкому кругу заинтересованных лиц. Основной направленностью «мягкого» регулирования эмпатии в процессе самоорганизации граждан является формирование средовых условий самоорганизации, способствующих установлению непосредственных связей и контактов между гражданами для решения локальных проблем и функциональных задач.

Literature:

1. *Davtyan D.V.* Solidarity as a fundamental value in Russian society / D.V. Davtyan // Synergy of Sciences. 2018. № 30. P. 1963–1965.
2. *Reutov E.V.* Social networks in the regional community / E.V. Reutov, L.V. Kolpina, M.N. Reutova, I.V. Boyarinoва; Editor-in-chief E.V. Reutov. Belgorod : Constanta, 2011. 239 p.
3. *Tuluzakova M.V.* Strategy for the formation of a solidarity society: practice, social risks and prospects / M.V. Tuluzakova // Izvestiya Saratov University. New series. Sociology series. Political science. 2014. № 2. P. 27–31.
4. *Khripkov K.A.* Analysis of the self-organizing community of local communities in the context of local self-government / K.A. Khripkov // Synergy of Sciences. 2018. № 30. P. 1911–1913.

Шилина Наталья Анатольевна

кандидат социологических наук,
член Международного союза
педагогов-художников,
доцент кафедры теории и практики
изобразительного искусства,
Академия архитектуры и искусств
Южного федерального университета
nashilina@sfnu.ru

Беликова Наталья Юрьевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и философии,
Кубанский государственный
технологический университет
belikova2003@mail.ru

Лугинина Анна Григорьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры
социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
luginina.anna8@mail.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ
И ДУХОВНАЯ ЛЮМПЕНИЗАЦИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Изменения, происходящие в обществе в настоящее время, затрагивают не только межгосударственные отношения, но и общечеловеческие ценности: констатируется девальвация ценностей, утрата традиционных духовно-нравственных ориентиров, устойчивых моральных принципов. Все это наносит непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, формируя почву для саморазрушения общества. В научной среде становятся актуальными проблемы роста разнообразных духовных рисков, угрожающих человечеству. В связи с этим, авторы публикации обращаются к осмыслению социокультурных рисков и выявлению проявлений духовной люмпенизации российского общества. Авторы статьи отмечают, что социокультурные риски выступают продуктом взаимодействия общества и среды. При данном взаимодействии могут возникнуть следующие социокультурные риски: технологические или информационно-коммуникационные, вестернизация культурно-нравственной сферы, массовизация, цифровизация культуры, кризис морально-нравственного характера, изменения каналов, по которым происходит трансляция духовно-нравственных и ценностных ориентаций. Общество стремится адаптироваться к рискогенной среде, но нередко результатом такой адаптации становятся негативные адаптационные стратегии, к которым авторы относят духовную люмпенизацию российского общества.

Natalia A. Shilina

Candidate of Sociological Sciences,
Member of the International Union
Educators-artists,
Associate Professor of Theory
and Practice Fine Art,
Academy of Architecture and Arts
Southern Federal University
nashilina@sfnu.ru

Natalia Yu. Belikova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Philosophy,
Kuban State Technological University
belikova2003@mail.ru

Anna G. Luginina

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
luginina.anna8@mail.ru

**SOCIOCULTURAL RISKS
AND SPIRITUAL LUMPENIZATION
OF RUSSIAN SOCIETY**

Annotation. The changes taking place in society affect not only interstate relations, but also universal values: devaluation of values, loss of traditional spiritual and moral guidelines, stable moral principles. All this causes irreparable damage to the moral health of a person, forming the basis for the self-destruction of society. In the scientific community, the problems of the growth of various spiritual risks that threaten humanity are becoming urgent. In this regard, the authors of the work turn to the comprehension of socio-cultural risks and the identification of manifestations of the spiritual lumpenization of Russian society. The authors of the article note that socio-cultural risks are the products of interaction between society and the environment. In this interaction, the following socio-cultural risks may arise: technological or information and communication, westernization of the cultural and moral sphere, mass-marketization, digitalization of culture, moral crisis, changes in the channels through which the transmission of spiritual, moral and value orientations takes place. Society seeks to adapt to the risky environment, but often the result of such adaptation are negative adaptation strategies, to which the authors include the spiritual lumpenization of Russian society.

Ключевые слова: угрозы, риски, рискогенное общество, российское общество, социокультурная сфера, социокультурные риски, духовность, люмпенизация.

Keywords: threats, risks, risky society, Russian society, sociocultural sphere, sociocultural risks, spirituality, lumpenization.

Мы являемся свидетелями того, что изменения, которые происходят в настоящее время в обществе, затрагивают не только межгосударственные отношения, но и общечеловеческие ценности. Человечество вышло на новый, довольно высокий уровень социально-экономического и технологического развития, но при этом столкнулось с девальвацией ценностей, утратой традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов, отражающих духовную люмпенизацию общества [1].

Многие ученые обращаются к вопросам социокультурной трансформации российского общества, отмечая при этом кризисные ситуации, которые возникают в духовной сфере [2]. Социально-гуманитарные исследования направлены на рассмотрение проблем духовно-нравственного развития молодежи [3; 4]. Современные исследователи отмечают, что моральные и культурные нормы [5], религиозные устои, семейные ценности подвергаются разрушительному воздействию [6], происходит духовное обнищание граждан [7; 8]. «Абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения, легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни. Проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений становятся предметом геополитических игр и спекуляций, порождающих вражду и ненависть» [1].

Поскольку девальвация моральных норм и психологическое манипулирование гражданами наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, формируя почву для саморазрушения общества, становятся наиболее актуальными проблемы роста разнообразных духовных рисков, духовного обнищания, угрожающих человечеству.

В рамках данной статьи мы обратимся к осмыслению социокультурных рисков и выявлению проявлений духовной люмпенизации российского общества.

А.В. Мозговая отмечает, что дефиниция «риск» активным образом подвергается теоретической и эмпирической концептуализации понятия со стороны исследователей [9].

Риск является продуктом, который возникает вследствие взаимодействия субъекта и среды обитания. С социологической точки зрения риск представляет собой деятельность, которая связана с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения

предполагаемого результата, неудачи или отклонения от поставленной цели [10].

Социокультурные риски связаны с социальными и культурными детерминантами и вытекают данные риски из специфики отношений в обществе. Социокультурный риск – это социальные экспектации, связанные с возможностью и последствиями наступления негативных событий, которые противоречат существующим ценностно-нормативным ориентациям, традициям, социальным практикам [11].

К основным социокультурным рискам, которые существуют в настоящее время в обществе, по праву относятся [5; 12]:

Технологизация, приводящая к тому, что происходит универсализация общества, существующие традиционные устои деформируются или искореняются полностью, творческая деятельность вытесняется. В обществе возникает культ технологического знания.

Вестернизация культурно-нравственной сферы. В рамках данного риска мы можем наблюдать проникновение западных ценностей в российскую культуру. При этом не происходит адаптации данных ценностей под культурный код российского общества, что вызывает несовместимость заимствованных ценностей с теми образцами, которые существуют в российском обществе традиционно. Вестернизация культурно-нравственной сферы может привести к тому, что общество принимает «чужую» ценность, не учитывая национальную специфику.

Массовизация. Данный социокультурный риск, отчасти, является схожим с риском вестернизации, когда происходит распространение «западного» мировоззрения. Также, массовизацию можно связывать с тем, что современное население получает огромное количество информации, часть из которой является «мусорной». Массовизация связана с распространенным использованием человеком современных информационно-коммуникационных технологий, поэтому от общества требуется формировать технологические знания, что может привести к культу технологического знания.

Цифровизация культуры. В настоящее время в жизнь человека активно внедряются цифровые технологии. Культурная сфера также не остается в стороне от цифровизации. В связи с цифровизацией могут сокращаться рабочие места, возникают новые виды мошенничества, а также появляются недобросовестные пользователи цифровых услуг.

Кризис морально-нравственного характера связан со снижением моральных стандартов и

общего культурного уровня общества, что может привести к снижению внутренней стабильности общества, росту радикальных и экстремистских настроений, а также к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики.

Изменения каналов, по которым происходит трансляция духовно-нравственных и ценностных ориентаций. Трансформируется роль агентов социализации, которые выполняют функцию воспитания детей и молодежи, трансляции культурного наследия страны.

Какие факторы могут повлиять на возникновение описанных рисков? Сюда можно отнести и социальные расколы, и социальное неравенство, и дисбаланс, который можно наблюдать в профессиональных, этнических и иных социальных группах, а также аномия, социальная несправедливость, неопределенность и много другое.

Любой риск порождает ответную реакцию общества. К существующим социокультурным рискам общество стремится адаптироваться, вырабатывая определенные стратегии. Нельзя не согласиться с мнением А.В. Мозговой, которая отмечает, что одной «из крайне негативных адаптационных стратегий становится девиация на фоне неопределенности институционально-нормативной системы» [9]. Безусловно, такая вырабатываемая стратегия снижает качественные показатели человеческого потенциала общества, приводит его к духовной люмпенизации.

Духовная люмпенизация представляет собой реальное явление в социокультурной действитель-

ности российского общества, выражающееся в многообразии конкретных форм проявления и угрожающее духовной безопасности России. Как подчеркивает Д.В. Филюшкина, «периодическое воспроизводство духовной люмпенизации в российском обществе во многом обусловлено культурно-историческими детерминантами» кроющимися «в культурно-цивилизационной специфике, в исторических обстоятельствах индивидуального существования и общественного бытия» [13, с. 81].

Наращение духовной люмпенизации в современном российском обществе обусловлено такими факторами, как ломка социально-экономического и политического строя государства, дестабилизация социальных институтов, отсутствие единой национальной идеи для прогрессивного духовного развития российского государства. Кроме того, духовная люмпенизация российского социума проявляется также в девальвации интеллектуально-творческого и образовательного идеалов, что получает свое отражение в процессах духовного самоопределения индивидов и групп и стратегиях их творческой реализации.

Именно духовные начала общества, которые объединяют его в единое целое, позволяют экономике и другим сферам жизни развиваться. В связи с этим, необходимо уделять пристальное внимание развитию механизмов и стратегий, способствующих борьбе с социокультурными рисками в направлениях поддержки проектов в области культуры и искусства, социальных институтов, повышения степени информированности и цифровой грамотности населения.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>
2. Духовная безопасность России в свете специфики православной культуры / Е.Е. Несмеянов, А.М. Руденко, Ю.А. Бирюкова [и др.]; Донской государственный технический университет. Новочеркасск, 2016. 152 с.
3. *Зубок Ю.А.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М., 2008.
4. *Зубок Ю.А.* Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/smyslozhiznennye-tsennosti-v-kulturnom-prostranstve-rossiyskoy-molodezhi/>
5. *Шестопал Е.Б.* Социокультурные угрозы и риски в современной России / Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90–99.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>
2. Spiritual security of Russia in the light of the specificity of Orthodox culture / E.E. Nesmeyanov, A.M. Rudenko, Yu.A. Biryukova [et al.]; Don State Technical University. Novocherkassk, 2016. 152 p.
3. *Zubok Yu.A.* Social regulation under conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov. M., 2008.
4. *Zubok Yu.A.* Life-meaning values in the cultural space of Russian youth / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // Scientific result. Sociology and Management. 2018. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/smyslozhiznennye-tsennosti-v-kulturnom-prostranstve-rossiyskoy-molodezhi>
5. *Shestopal E.B.* Socio-cultural threats and risks in modern Russia / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // Sociological research. 2018. № 10. P. 90–99.

6. *Артамонова Я.В.* Ценность семьи в массовом сознании российского населения в рисковенных условиях жизнедеятельности / Я.В. Артамонова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 15–19.
7. *Коршунов А.В.* Духовная безопасность в системе обеспечения социальной безопасности российского общества: институциональные риски и стратегии их преодоления. М. : Социально-гуманитарные знания, 2013. С. 6.
8. *Маякова А.В.* Анализ рисков – современный инструмент прогнозирования рисков / А.В. Маякова // Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи: материалы III Междунар. науч. конф. «Гуманитарные Губкинские чтения» М., 2018. Ч. 1. С. 32–36.
9. *Мозговая А.В.* Адаптация к рискам трансформационных процессов в российском обществе : автореф. дис. ... д -р. соц. наук / А.В. Мозговая // Официальный портал ФНИСЦ РАН [веб-сайт]. 2020. URL : <http://www.isras.ru/publ.html?id=7818>
10. *Альгин А.П.* Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989. С. 19.
11. *Lupton D.* Risk. London : Routledge, 1999.
12. *Маякова А.В.* Анализ социокультурных рисков современного социума / А.В. Маякова // Вестник Воронежского государственного университета. 2019. № 3(33). С. 120–127.
13. *Филюшкина Д.В.* Духовная люмпенизация российского общества: детерминирующие факторы и социальные проявления. Ростов-н/Д., 2014. 230 с.
6. *Artamonova Ya. V.* The value of the family in the mass consciousness of the Russian population in risky conditions of life / Ya.V. Artamonova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 6. P. 15–19.
7. *Korshunov A. B.* Spiritual security in the system of ensuring the social security of Russian society: institutional risks and strategies to overcome them. M. : Social and humanitarian knowledge, 2013. P. 6.
8. *Mayakova A. V.* Risk analysis is a modern tool for predicting risks / A.V. Mayakova // Future in the present: the human dimension of the digital age: materials of the III Intern. scientific. conf. «Humanitarian Gubkin Readings». M., 2018. Part 1. P. 32–36.
9. *Mozgovaya A. V.* Adaptation to the Risks of Transformational Processes in Russian Society: Doctor of Social Sciences thesis / A.V. Mozgovaya // Official portal of FKTIS RAS [website]. 2020. URL : <http://www.isras.ru/publ.html?id=7818>
10. *Algin A. P.* Risk and its role in public life. M., 1989. P. 19.
11. *Lupton D.* Risk. London : Routledge, 1999.
12. *Mayakova A. V.* Analysis of socio-cultural risks of modern society / A.V. Mayakova // Bulletin of Voronezh State University. 2019. № 3(33). P. 120–127.
13. *Filyushkina D. V.* Spiritual lumpenization of Russian society: determinants and social manifestations / D.V. Filyushkina. Rostov-on/D., 2014. 230 p.

Юрчевская Галина Гаврииловна
соискатель,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
milena.555@mail.ru

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВОСУДИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме социальных представлений о правосудии в гражданской среде. Как отмечает автор, проблема отношения к правосудию имеет большое значение в силу того, что от степени доверия граждан к системе правосудия зависит то, насколько часто они обращаются в судебные инстанции для защиты своих прав. В статье рассматривается значение представлений о правосудии, а также анализируются основные источники их возникновения. Обосновывается сложный характер представлений о правосудии как предмете изучения.

Ключевые слова: суды, правосудие, общество, представления о правосудии, право.

Судебная система представляет собой важнейшую составляющую правовой сферы, на уровне которой обеспечиваются, с одной стороны, санкции за несоблюдение нормативно-правовых установлений, с другой – соответствие социальной практики действующим нормам права в вопросах, имеющих спорный статус [1]. В конечном итоге, можно утверждать, что правосудие обеспечивает соответствие социальной практики правовым нормам, и, в этом контексте, представляет интерес тот факт, что правосудие может быть, в большей или меньшей степени, востребованным в социальной среде, что опосредованно влияет на эффективность осуществления его социальных функций. Поясняя данное положение, отметим, что правосудие не только выступает в качестве инструмента принятия решения в рамках конкретного делопроизводства, но и несет в себе предостерегающую функцию применительно к потенциальным преступникам. Так, например, существуют теоретические позиции, рассматривающие неотвратимость наказания (что может быть рассмотрено как торжество правосудия) в качестве мощного фактора профилактики преступной деятельности [2], что связано с нежеланием преступников принимать на себя издержки, выраженные в карательных или штрафных санкциях, налагаемых на них государством [4]. Помимо этого, следует отметить, что в зависимости от того, насколько эффективно, по мнению членов общества, действует система правосудия, может наблюдаться большая или меньшая

Galina G. Yurchevskaya
Applicant,
Essentuki Institute of Management,
Business and Law
milena.555@mail.ru

THE PHENOMENON OF SOCIAL IDEAS ABOUT JUSTICE

Annotation. The article is devoted to the problem of social concepts of justice in the civil environment. The problem of attitude to justice is of great importance due to the fact that the degree of trust of citizens in the justice system depends on how often they tend to go to court to protect their rights. The article examines the significance of ideas about justice, as well as analyzes the main sources of their occurrence. The complex nature of ideas about justice as a subject of study is substantiated.

Keywords: courts, justice, society, ideas about justice, law.

степень интенсивности обращения граждан в судебные инстанции.

Для того, чтобы проиллюстрировать данную зависимость, следует отметить, что уверенность в успехе обращения в суд в данном случае представляет собой один из определяющих факторов. Вместе с тем, в условиях, когда члены общества не склонны обращаться в судебные инстанции в ситуациях ущемления их законных прав и интересов, очевидно, что судебная система не имеет возможности к преодолению конкретных правовых нарушений и утверждению правопорядка. Все это свидетельствует в пользу того, что отношение членов общества к системе обеспечения правосудия представляет собой один из важных факторов ее функционирования. Это актуализирует значимость исследования социальных представлений о правосудии как самостоятельного предмета научного исследования.

Прежде всего, следует различать между собой научные представления о правосудии и представления о правосудии, присутствующие на уровне гражданской сферы (то есть, на уровне обыденного сознания, характерного для подавляющего большинства членов общества).

Научные представления о правосудии получают выражение на уровне юридического знания и имеют конституирующее значение для правовой системы государства, в целом, развитие которой опирается на научный аппарат.

В свою очередь, социальные представления о правосудии далеко не всегда носят адекватный характер, будучи продуктом обобщения обывателями собственного и заимствованного социального опыта обращения в судебные инстанции (в том числе, когда речь идет о тех членах общества, применительно к запросам которых, судебное решение было отрицательным). При этом социальные представления о правосудии имеют определяющее значение уже для практики обращения граждан в судебные инстанции, что характеризует высокую значимость представлений о характеристиках системы обеспечения правосудия для социальной практики.

Аналитически можно выделить следующие основные источники представлений о правосудии в гражданской среде:

- общие представления о правосудии, как элемент представлений о правовой системе (данный аспект представлений о правосудии носит теоретический характер и обладает большей или меньшей степенью полноты в зависимости от специфики совокупности социально-правовых знаний, доступных субъекту);
- представления о системе правосудия, основанные на информационной продукции, транслируемой посредством ведущих медиа;
- представления о правосудии, основанные на личном опыте судебной деятельности;
- представления о правосудии, основанные на заимствованном, опосредованном социальном опыте.

Что же касается общих представлений о правосудии как элементе правовой системы, следует отметить, что они, чаще всего, носят базовый характер. При этом представления о правосудии, основанные на его функциональности, еще не несут в себе момента оценочности.

Представления о правосудии, основанные на медийной информационной продукции, могут, в существенной степени, исказить действительность в силу общей тенденции к преобладанию развлекательного контента в существующей информационной продукции (что предполагает

Литература:

1. *Власова Г.Б.* Раскрытие сущности правосудия посредством анализа его функций / Г.Б. Власова, Б.А. Форопонов // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. № 3. С. 21–25.
2. *Игнатенкова К.Е.* Неотвратимость наказания как условие его эффективности / К.Е. Игнатенкова // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2. С. 131–133.

стремление к демонстрации наиболее «ярких» образов и явлений, зачастую, не имеющих никакого отношения к действительному положению дел. Вместе с тем, показательно, что для существенной доли населения обращение к ведущим медиа выступает в качестве доминирующего механизма социального познания, а сами медиа выступают в роли авторитетного источника информации об окружающем мире [3]. Соответственно, данный источник является одним из наиболее важных в общей картине формирования представлений о правосудии в гражданской среде.

Что касается представлений о правосудии, основанных на личном опыте участия в судебных заседаниях, следует отметить, что здесь принципиально невозможно, чтобы опыт судебной деятельности имел только позитивный характер; причем, не имеет значения, насколько эффективно отправляется само правосудие. Причина состоит в том, что судебное решение в конфликтной ситуации практически всегда порождает сторону-победителя и ущемленную сторону, которая может сформировать негативные представления о деятельности судов.

Если рассматривать область представлений о правосудии, основанных на мнениях сторонних людей и их опыте, следует отметить, что речь идет о ненадежном источнике информации, данные из которого, тем не менее, члены общества склонны воспринимать некритически, в зависимости от степени доверия к источнику информации (который сам может ретранслировать ее). Именно таким образом, в частности, происходит ретрансляция разнообразных социальных мифов, в том числе – относящихся к области процессов обеспечения правосудия. При этом показательно, что подобного рода непроверенная информация может многократно восприниматься и репрезентироваться членами общества, что обусловлено общими механизмами воспроизводства социального знания в коммуникативной среде.

Подводя итог, отметим, что представления о правосудии представляют собой серьезную проблему, требующую многостороннего изучения, как в силу актуальности проблемы, так и в силу ее сложного, разнопланового характера.

Literature:

1. *Vlasova G.B.* Disclosure of the essence of justice through the analysis of its functions / G.B. Vlasova, B.A. Foroponov // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. 2020. № 3. P. 21–25.
2. *Ignatenkova K.E.* Inevitability of punishment as a condition of its effectiveness / K.E. Ignatenkova // Legal policy and legal life. 2011. № 2. P. 131–133.

3. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.

4. *Цуриков В.И.* Оптимален ли принцип неотвратимости наказания за преступление? (экономический подход к преступлениям и наказаниям) / В.И. Цуриков // ЭНСР. 2007. № 2. С. 73–81.

3. *McLuhan M.* Understanding media: external extensions of the person. M., 2003.

4. *Tsurikov V.I.* Is the principle of inevitability of punishment for a crime optimal? (economic approach to crimes and punishments) / V.I. Tsurikov // ENSR. 2007. № 2. P. 73–81.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акопова Елена Сергеевна

доктор экономических наук,
профессор кафедры
коммерции и логистики,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
akopova-sovet@mail.ru

Кравцов Сергей Сергеевич

кандидат экономических наук,
старший преподаватель
кафедры уголовного права,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
kravtsov-sss@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

**ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА
СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ:
ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ**

Аннотация. Статья посвящена глобальной экономике совместного потребления – новому тренду в социально-экономическом развитии всего глобального мирового сообщества. Авторы выделяют ряд угроз и вызовов в глобальной экономике совместного потребления, в числе которых: глубокая социальная поляризация; глобальное общество риска; трансформация социокультурных отношений, идентичности; дефицит доверия; угрозы личной безопасности; угрозы и риски для бизнеса; угрозы условиям труда и трудовой занятости; угроза замедления экономического роста в целом.

Ключевые слова: глобальная экономика, совместное потребление, глобальные вызовы и угрозы, экономика совместного потребления, риски.

Ключевой особенностью данного этапа социально-экономического развития мирового сообщества является глобализация совместного потребления. Современное общество потребления эпохи глобализации наполнено потенциальными угрозами, рисками, конфликтами и вызовами различной степени влияния [1; 2], связанными, в первую очередь, с социально-экономическим неравенством, замедлением экономического роста. Этому способствует и тот факт, что дистанция между богатыми и бедными странами все более увеличивается, напоминая пропасть,

Elena S. Akopova

Doctor of Economics,
Professor of Department
of Commerce and Logistics,
Rostov State Economic University (RINH)
akopova-sovet@mail.ru

Sergey S. Kravtsov

Candidate of Economic Sciences,
Senior Lecturer
Department of Criminal Law,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya
kravtsov-sss@yandex.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department
Human Resources Management,
Rostov State
University of Economics (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**GLOBAL CONSUMER ECONOMY:
POTENTIAL THREATS AND CHALLENGES**

Annotation. The article is devoted to the global economy of shared consumption – a new trend in the socio-economic development of the entire global world community. The authors highlight a number of threats and challenges in the global sharing economy, including: deep social polarization; global risk society; transformation of socio-cultural relations, identity; lack of trust; personal safety threats; threats and risks to business; threats to working conditions and employment; the threat of a slowdown in economic growth in general.

Keywords: global economy, joint consumption, global challenges and threats, economy of joint consumption, risks.

которую трудно преодолеть. Об этом свидетельствуют некоторые цифры, приведенные в коллективной монографии А.В. Музыченко, Н.С. Назаровой и И.А. Стрижовой, в которой указывается, что в конце XIX в. доход на душу населения в самой богатой стране мира был примерно в 9 раз выше, чем в самой бедной, в начале XXI в. это соотношение стало 100: 1; причем, 1 % населения земного шара владеет практически 40 % мировых богатств; только акционерный капитал компании «Дженерал Электрик» выше ВВП Таиланда, население которого составляет 62 млн человек; если

в 60-е гг. XX в. стандарты жизни богатых и бедных равнялись соотношению 39:1, то уже к концу XX в. данное соотношение стало в два раза выше – 80:1 [3, с. 25–27].

Термин глобальная экономика совместного потребления (ГЭСП) возник от недавно введенного в научный оборот экономической отрасли термина «экономика совместного потребления» (ЭСП).

Совместная экономика потребления (Collaborative Consumption) – это динамично развивающаяся социально-экономическая модель, направленная на получение выгоды от потребления товаров и услуг, согласованных через сеть Интернет и другие медиа, где участники могут поделиться тем, чем они владеют и что они могут делать за определенную плату без потери права собственности [4].

Надо сказать, что совместное потребление стало играть большую роль после мирового финансового кризиса 2008 г., когда появились такие крупные международные серверы как аренда Airbnb платформа, сервис попутчиков BlaBlaCar (2008 г.) и служба такси Uber (2009 г.), что дало толчок еще большей важности для глобального совместного потребления, которое удовлетворяет различные потребности на рынках в рамках всего мирового сообщества.

Согласно данным, представленным В.А. Ребзиной, С.М. Березка и Н.Г. Антоновой, статистика поисковых запросов возрастала с каждым годом. Например, количество запросов каршеринга с 116318 в 2017 г. возросло до 472799 в 2019 г.; запросы на онлайн-обучение составляли цифру 68654 в 2017 г., а в 2019 г. – возросли до 78849; запросы на коворкинг же возросли почти в два раза: с 51856 – в 2017 г. до 96564 – в 2019 г. [5].

Таким образом, сегодня глобальная экономика совместного потребления является мощным социально-экономическим движением, связанным с обменом товарами и услугами [6]. Макроэкономические и геополитические процессы в мировом экономическом пространстве вызвали снижение доходов среди людей, в первую очередь, принадлежащих к среднему классу. Это способствовало развитию тенденций совместного потребления, когда уже не столь важно владеть объектом, а важность обретает умение им активно пользоваться, быть финансово грамотным в своем владении этим объектом, что, видимо, и повысило количество запросов на различные виды услуг.

Развитию глобальной экономики совместного потребления способствуют множество процессов, в числе которых формирование общего макроэкономического пространства, где происходит перемещение глобальной базы информационных данных, товаров, услуг и финансовых потоков, а также, «процессы растущей универсализации», приводящие к преодолению «национальных границ и созданию наднациональных структур, характеризующихся усилением процессов производства, распределения и потребления» [7, с. 2].

Ключевыми субъектами глобального рынка становятся глобальные торговые экосистемы, представляющие собой не что иное, как глобальные взаимосвязанные сети технологического толка, способные обеспечить людям и предприятиям идеальное и бесконечное путешествие клиентов, в котором необходимые и желаемые товары всегда наготове. К глобальным торговым экосистемам, характеризующим общество потребления, относятся Amazon, Apple, Google, Facebook, Microsoft (т.н. «большая пятерка»), а также Alibaba и Tencent («семь сестер»), которые поглощают львиную долю рынка, прибыли и капитала, и ставят в состояние зависимости от требований глобальной экономики потребления национальные экономики других стран.

Зарубежный исследователь В. Йонген, говоря о вызовах и угрозах в глобальной экономике совместного потребления, прогнозирует, что уже в скором будущем ГЭСП столкнется с большим числом трудностей [8]. Насколько такая экономика рискованна и можно ли гарантировать качество в ее рамках, а также доказать, что у нее больше преимуществ, нежели недостатков? Достаточно ли доверия между населением и крупнейшими компаниями, чтобы глобальная экономика совместного потребления смогла успешно реализовать собственный потенциал? Какое воздействие окажет глобальная экономика совместного потребления на рабочую силу и занятость населения? Наконец, как мировые правительства справляются с задачей регулирования глобальной экономики совместного потребления?

Все эти вопросы, так или иначе, позволяют вести речь о рисках, угрозах и вызовах в ГЭСП.

Итак, какие же угрозы и вызовы в глобальной экономике совместного потребления можно предвосхитить и предметно обозначить:

– Во-первых, глубокая социальная поляризация, что связано с тем, что различные блага глобализации не доступны для всех слоев населения. Более того, наиболее развитые государства навязчиво диктуют и внедряют другим государствам, находящимся на периферии экономического развития, модели потребления, что, наряду с другим набором факторов, ведет к экономической и социально-культурной зависимости [7].

– Во-вторых, многие исследователи вполне обоснованно пишут о глобальном обществе потребления как обществе большого риска, что подтверждается расширением пространства потребительских кредитов, которые создают в сознании населения некую иллюзию свободы и доступности благ, дарующихся глобализацией. Кроме того, создается иллюзорное восприятие принадлежности к высокому потребительскому слою, что, в свою очередь, ведет к иллюзорному восприятию «гармонизации социальных отношений, сглаживанию различных форм социального» и экономического неравенства [7, с. 2; 8].

– В-третьих, в результате внедрения и продвижения механизмов глобального «принудительного» потребления происходит трансформация

социокультурных отношений, идентичности, усвоение иных ценностных ориентаций под воздействием глобальных принципов культуры общества потребляются, формируются «угрозы существованию этнокультурной специфики. Потребительское пространство несет в себе также риски ассимиляции» [7, с. 4]. И здесь прямым вызовом является руководство сиюминутными желаниями и отсутствие возможности у личности, группы и общества, в целом, отдавать разумный отчет своим действиям. Иными словами, общество потребления грешит доминированием иррациональных установок потребителей над рациональными установками, т.е., в этом заключается вызов торжества иррационализма, что говорит о существенном недостатке экономики совместного потребления.

В-четвертых, доверие как личностный фактор весьма вероятно может оказаться под ударом. Как подчеркивает В. Йонген: «Не может быть ничего более раздражающего, чем обнаружить Ваш автомобиль, квартиру или дрель поцарапанными, испачканными или сломанными после сдачи в аренду, шеринга или одалживания», ибо «важна прозрачность для вовлеченных в процесс» [8, с. 67]. Сможет ли в будущем глобальная экономика совместного потребления преуспеть в завоевании и удержании доверия потребителей без необходимости государственного регулирования? Американский обозреватель New-York Times, Д. Брукс полагает, что эволюция новых механизмов оценки доверия будет способствовать сокращению роли правительств в новой экономической модели [9].

В экономике совместного использования обычные люди конкурируют с профессионалами. Однако, поскольку этот тип экономики не подлежит никакому регулированию и основан только на доверии, то потребители остаются беспомощными в случае мошенничества или ненадлежащей профессиональной практики.

Вышеупомянутые российские исследователи В.А. Ребязина, С.М. Березка и Н.Г. Антонова, также свидетельствуют в пользу личностных факторов риска в экономике совместного потребления: недоверие (или недостаток, дефицит доверия), психологические барьеры и воспринимаемый риск, боязнь незнакомцев, обеспокоенность вопросами гигиены, опасения за личную безопасность [5].

Действительно, платформы, устанавливающие контакты между клиентами и сотрудниками не всегда предоставляют адекватную личную безопасность или гарантии в отношении товаров и предоставляемых услуг, хотя клиенты могут оценивать исполнителей, но только нанимая их и пользуясь сервисом. Компании, работающие на принципах совместной экономики потребления, сами создают большое количество критериев, чтобы у пользователей была возможность выбрать тех, кто умеет нести ответственность за товар или услугу. Но даже такие меры не дают полных гарантий или страхование от несчастных случаев, краж, мошеннических схем, преступлений или ненадлежащее качество товаров и услуг. Все

это свидетельствует в пользу недоверия как серьезной угрозы, исходящей от экономики совместного потребления.

В-пятых, угрозы и риски для бизнеса. В настоящее время количество предпринимателей строят свои проекты на принципах совместной экономики потребления в различных секторах: транспортная инфраструктура [10], продукты, одежда, недвижимость, путешествия и пр. Бизнес получает доступ к дешевой рабочей силе, но, в то же время, он приобретает большие риски, в частности, юридического характера. Во многих государствах еще не разработаны механизмы, способные регулировать глобальное совместное потребление, отсутствует адаптированное законодательство в ЭСП. Это приводит к определенным рискам и негативным последствиям, особенно, с учетом высокой скорости появления и распространения новых бизнес-моделей [4].

В-шестых, условия труда. Как подчеркивает В. Йонген, все чаще самозанятая часть населения, т.н. микропредприниматели, участвуя в ЭСП, предпринимают попытки расширить круг своих предложений. Так, они могли бы «водить такси для Uber и Lyft» по утрам, а днем немного позаниматься садоводством по заказам, полученным через TaskRabbit. Вечер можно потратить на доставку продуктов от Amazon и пакетов для MyWays по пути домой» [8]. Но уже здесь очевидны риски финансовых и правовых последствий, т.к. нет достаточных гарантий в отношении действительной оплаты такого рода труда. Например, у фрилансеров, в рамках глобальной экономики совместного потребления, уже существуют риски, связанные с нерегулируемыми условиями, ненормированным рабочим днем, слабой социальной защитой, налогообложением, отсутствием вариантов дохода и контроля за расценками, отсутствием официальных условий работы и отпусков и т.д. [4].

В-седьмых, угроза, связанная с замедлением экономического роста. В рамках ЭСП становится очевидным, что инновационные виды процветают за счет уже существующих: обмен информацией, новостями, развлечениями, автомобилями, домами, развлечениями приводит к снижению оборота в традиционных областях бизнеса [11]. Потребительские же расходы при этом, как правило, сокращаются. В качестве наглядного примера такого рода угрозы В. Йонген приводит популярные услуги шеринга велосипедов в Китае и в других городах по всему миру, что, по его мнению, однозначно повлияет на продажи велосипедов. «Каждый шеринговый автомобиль означает, что спрос на новые автомобили снижается. Когда мы сами начинаем заботиться о своих родителях, спрос на новые дома престарелых уменьшается, что означает меньшее количество ипотечных кредитов. На Манхэттене десятки тысяч новых туристов организовали ночлег через Airbnb, избегая исторически дорогих отелей Большого Яблока (прозвище Нью-Йорка)» [8, с. 71]. В связи со сказанным, вряд стоит удивляться, если ГЭСП фактически приведет к закономерному снижению экономического роста в ближайшей перспективе.

Совместная экономика потребления влияет и на социальные вопросы, отсюда – вызовы для социальной природы. Например, каршеринг и райдшеринг и другие услуги, особенно, когда они предоставляют льготы, зачастую, вызывают недовольство городских служб такси и автовладельцев. Например, прошли демонстрации против Uber в ряде европейских стран (Бельгия, Франция, Испания и др.), обвиняя его в несправедливости, недобросовестной конкуренции, несоблюдении местных правил относительно безопасности, налогов и лицензирования [4].

Риски всегда присутствуют, когда сообщество независимо регулирует систему анализа, рейтинга, обратной связи [12]. Сбербанк намерен принять участие в краудлендинге, действуя на собственной платформе в качестве посредника в сделке между теми, кто хочет инвестировать свои сбережения и тех, кто хочет эти средства привлечь, чтобы получать комиссии от заемщиков в процентах оплаты. В этом случае, риск остается за инвесторами [13].

Экономика и форма договорных отношений между инвесторами и заемщиками не вполне прозрачна. Например, вопрос о правовом статусе системы Uber остается спорным. Если это онлайн-информационная платформа посредничества между владельцем транспортного средства и пользователем, то его деятельность выходит за рамки национального транспортного регулирования, и он имеет право работать во всех странах Европы (ЕС) без разрешения. Если это транспортная компания, то ее деятельность находится под контролем национальных властей и может быть запрещена [14].

Также, требует рассмотрения вопрос о налогообложении. Государство генерирует или ужесточает все больше и больше налогов, но стройной системы сбора налогов пока не разработано. В настоящее время, усилия многих государств направлены именно на разработку новой налоговой политики, адаптированной к экономике будущего, в том числе, применительно и к глобальной совместной экономике потребления.

ЭСП тесно переплетается с правоотношениями и сферой страхования [15]. Необходимо разработать систему правового регулирования для

Литература:

1. *Акопова Е.С.* Экономическая глобализация как фактор разрушения экономической безопасности российского общества / Е.С. Акопова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. С. 101–104.
2. *Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society / E.A. Karapetyan, N.Kh. Gafiatulina [et al.] // Revista Gênero e Direito. 2020. T. 9. № 4. С. 830–845.*
3. *Музыченко А.В.* Общество потребления в эпоху глобализации: социально-политический

защиты интересов физических и юридических лиц при определенных страховках случаи происходят за счет денежных средств, образующихся страховщиками от уплаченных страховых взносов (страхование премии), а также, за счет иных средств страховщиков, использующих бизнес-модели, пока компании умеют работать только с теми, кто уже купил все необходимые страховки за свой счет. На Западе страховые компании рассматривают каршеринг как возможность заработать, ведь, каждой машине необходимо страхование. При каршеринге возникает вопрос об ответственности в случае возникновения аварийных ситуаций, так как потребители вряд ли воспользуются поминутной арендой автомобиля, и при наличии договора каршеринга с заказчиком указывается на несение ответственности за повреждение автомобиля. Клиент также может использовать автомобили без установленного срока, не осуществлять уход за автомобилем, отказываться от устранения в нем неисправностей или использование невысокого качественного топлива и т.д. Это, в свою очередь, может отрицательно повлиять на качество окружающей среды.

В целом, вызовы и риски в рамках ГЭСП касаются многих технических, юридических, социальных, организационных, экономических, экологических, поведенческих, личностных проблем и должны быть решены, в частности, в сфере страхования, налогообложения, безопасности и др.

Совместная экономика потребления – относительно новый тренд в социально-экономическом развитии всего глобального мирового сообщества.

Поэтому государственные органы, юристы, экономисты и другие специалисты сталкиваются с серьезными проблемами в решении теоретических и практических вопросов организации совместного потребления, определением правового статуса участников, налогообложения, проведения онлайн-платежей, лицензирования, страхования, безопасности, качества услуг и др.

В связи с этим, одним из актуальных вопросов является необходимость юридического, экономического, правового, страхового и экологического регулирования ГЭСП.

Literature:

1. *Akopova E.S.* Economic globalization as a factor in the destruction of the economic security of Russian society / E.S. Akopova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 2. P. 101–104.
2. *Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society / E.A. Karapetyan, N.Kh. Gafiatulina [et al.] // Revista Gênero e Direito. 2020. Vol. 9. № 4. P. 830–845.*
3. *Muzychenko A.V.* Consumer society in the era of globalization: socio-political aspect / A.V. Muzy-

- аспект / А.В. Музыченко, Н.С. Назарова, И.А. Стрижова. М., 2014. 196 с.
4. *Нунес Ескивель С.А.* Возможности и риски экономики совместного потребления в условиях цифровизации общества / С.А. Нунес Ескивель, В.А. Дуболазов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 2. С. 30–39.
  5. *Ребязина В.А.* Отношение потребителей к экономике совместного потребления в России / В.А. Ребязина, С.М. Березка, Н.Г. Антонова // Российский журнал менеджмента. 2020. № 2(18). С. 255–278.
  6. *Самыгин С.И.* Экономическая глобализация как фактор риска снижения социального здоровья молодежи / С.И. Самыгин, Н.Х. Гафиатулина // Модернизация экономики России: отраслевой и региональный аспект. Материалы международной науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. Ростов-н/Д., 2018. С. 360–364.
  7. *Напсо М.Д.* Глобализация потребления: некоторые аспекты / М.Д. Напсо // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020 № 2. URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/03SCSK220.pdf> (доступ свободный).
  8. *Йонген В.* Ритейл будущего. Жизнь onlife / В. Йонген; Пер. Д.А. Шалаевой. М., 2021. 320 с.
  9. «The Evolution of Trust». David Brooks, The New York Times, June 30, 2014.
  10. *Акопова Е.С.* Развитие информационных технологий в сфере транспортной инфраструктуры как индикатор экономической глобализации / Е.С. Акопова, Л.К. Попова, С.Ю. Нестеров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 10.
  11. Slowing of world economy growth: analysis of key reasons. International Journal of Criminology and Sociology / P.V. Taranov [et al]. 2020. Vol. 9. P. 2537–2542.
  12. *Гафиатулина Н.Х.* Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации / Н.Х. Гафиатулина, В.В. Касьянов, С.И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 147–158.
  13. *Аносов М.* Сбербанк собрался развивать краудлендинг. Каковы риски? / М. Аносов // Экономика и жизнь. 2019. № 03.
  14. *Энтин В.Л.* Интеллектуальная собственность в праве Европейского союза. М. : Статут, 2018.
  15. *Акопова Е.С.* Мировая экономика и международные экономические отношения / Е.С. Акопова, О.Н. Воронкова, Н.Н. Гаврилко. Ростов-н/Д., 2000. 416 с.
- chenko, N.S. Nazarova, I.A. Strizhova. M., 2014. 196 p.
  4. *Nunez Eskivel C.A.* Opportunities and risks of collaborative consumption economy / C.A. Nunez Eskivel, V.A. Dubolazov // St.Petersburg state polytechnical university journal. Economics. 2019. № 2. С. 30–39.
  5. *Rebyazina V.A.* Consumer Attitude to the Sharing Economy in Russia / V.A. Rebyazina, S.M. Berezka, N.G. Antonova // Russian Management Journal. 2020. № 2(18). P. 255–278.
  6. *Samygin S.I.* Economic globalization as a risk factor for reducing the social health of youth / S.I. Samygin, N.Kh. Gafiatulina // Modernization of the Russian economy: sectoral and regional aspects. Materials of international scientific and practical. conf. faculty, young scientists and students. Rostov-on/D., 2018.
  7. *Napso M.D.* Globalization of Consumption: Some Aspects / M.D. Napso // World of Science. Sociology, philology, cultural studies. 2020. № 2. URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/03SCSK220.pdf> (free access).
  8. *Yongen V.* Retail of the future. Life onlife / V. Yongen; Translation by D.A. Shalaeva. M., 2021. 320 p.
  9. «The Evolution of Trust». David Brooks, The New York Times, June 30, 2014.
  10. *Akopova E.S.* The development of information technology in the field of transport infrastructure as an indicator of economic globalization / E.S. Akopova, L.K. Popova, S.Yu. Nesterov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 10.
  11. Slowing of world economy growth: analysis of key reasons. International Journal of Criminology and Sociology / P.V. Taranov [et al]. 2020. Vol. 9. P. 2537–2542.
  12. *Gafiatulina N.Kh.* Social immunity of Russian society under the threat of coronavirus: risks of sociocultural traumatization / N.Kh. Gafiatulina, V.V. Kasyanov, S.I. Samygin // Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9. № 2. P. 147–158.
  13. *Anosov M.* Sberbank is going to develop crowdlanding. What are the risks ? / M. Anosov // Economy and life. 2019. № 03.
  14. *Entin V.L.* Intellectual property in the law of the European Union. M. : Statut, 2018.
  15. *Akopova E.S.* World economy and international economic relations / E.S. Akopova, O.N. Voronkova, N.N. Gavrilko. Rostov-on/D., 2000. 416 p.

Ахмедова Гулесар Тахировна
аспирантка,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
gulesar@mail.ru

ЛОГИСТИКА ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация. Актуальность. Производство строительного – монтажных работ характеризуется высокой степенью взаимодействия фронта работ с окружающей средой территории притяжения. При этом отходы производства строительных работ, в большинстве случаев, имеют третий и четвертый класс опасности, что требует от застройщика и генерального подрядчика необходимых мероприятий по транспортировке, складированию, обезвреживанию, переработке отходов. Логистика переработки отходов, таким образом, является важнейшим вопросом экологической безопасности территории, сохранения резистентного гомеостаза экологического пространства и социального благополучия населения. Объект исследования. Строительный комплекс как отрасль производства и воспроизводства основных фондов страны. Предмет исследования. Логистика переработки отходов производственной деятельности в строительстве. Цель исследования заключается в описании содержания логистики переработки отходов строительной отрасли. Задачи исследования, заключаются в теоретическом анализе научной литературы по предметной области исследования; использование эвристических методов научного познания при проведении исследования; формулировке объективных выводов научного исследования. Методология исследования. Используются теоретико-эвристические методы научного познания. Результаты исследования заключаются в описании содержания логистики переработки отходов строительной отрасли.

Ключевые слова: логистика, рециклинг, перерабатывающая промышленность, экономика.

Основная часть. В настоящее время концепция устойчивого развития [3] является приоритетной идеей экономического роста, представляя собой направление минимизации рисков для окружающей среды с целью организации и управления экономическими системами. Строительному комплексу, который характеризуется не только высокой капиталоемкостью готовой строительной продукции и длительным производственным циклом, но и значительной величиной отходов производства, требуются управленческие и организационные изменения с целью минимизации рисков для экологического пространства. Одним из эволюционных этапов развития

Gulesar T. Akhmedova
Postgraduate Student
Rostov State
Economic University (RINH)
gulesar@mail.ru

LOGISTICS OF WASTE PROCESSING IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY

Annotation. Relevance. The construction of construction and installation works is characterized by a high degree of interaction of the work front with the environment of the zone of attraction. At the same time, waste from waste production in most cases have the third and fourth hazard class, which requires the developer and the general contractor to carry out the necessary measures for transportation, storage, disposal, recycling of waste. Logistics of waste processing, therefore, is the most important issue of environmental safety of the territory, preservation of sustainable homeostasis of the ecological space and social well-being of the population. The object of the study. The construction complex as a branch of production and reproduction of the country's fixed assets. The subject of the study. Logistic disposal of industrial waste in construction. The purpose of the study. This is a description of the content of the logistics processing of construction industry waste. Tasks for research. They consist in the theoretical analysis of scientific literature on the subject area of research; the use of heuristic methods of scientific cognition in the course of research; the formulation of objective conclusions of scientific research. Research methodology. Theoretical and heuristic methods of scientific cognition used. Research results. Corresponds to the content of the logistics of waste processing in the construction industry.

Keywords: logistics, recycling, processing industry, economy.

экономических и производственных процессов в народно-хозяйственном комплексе выступает зелёная логистика [2], подразумевающая минимизацию ущерба для экологического пространства в результате созидательной деятельности человека. В целом, логистики переработки отходов строительной отрасли подразумевает рециклинг [1], регенерацию и рекуперацию ресурсов.

Представим общую схему логистики переработки отходов от этапа их появления на строительной площадке и территорий примыкания до непосредственно переработки.

Разделим строительные отходы на категории в зависимости от вида производства работ: новое строительство и продление остаточного эксплуатационного ресурса (капитальный ремонт, реконструкция, реновация).

Необходимо различать виды производства в зависимости от объекта строительства и цели строительства, так как от этого зависит класс опасности и, собственно, переработка отходов как процессная деятельность. Нами предлагается принципиальное разделение по видам производства и воспроизводства основных фондов, это: Новое строительство и Реконструкция, Капитальный ремонт, Реновация. Традиционно при строительных работах по воспроизводству остаточного эксплуатационного ресурса объём отходов выше, как и выше класс опасности. Например, если речь идёт о реновации здания или реновации территории (снос) в отходы попадают все виды остатков от демонтажа, в том числе, бытового (оставшегося от жильцов или производственной деятельности). В свою очередь, остатки бытовых отходов и жизнедеятельности или производственной деятельности человека могут включать в себя такие элементы, как градусники, устройства содержащие свинец и т.п. (1 класс опасности), батарейки, блоки питания, медно жильные кабели (2 класс опасности) и т.п. Очевидно, что при новом строительстве осуществляется инструментальный, входной и выходной контроль ресурсов, соответственно наличие, например, градусников в отходах при производстве строительных работ практически исключено, в отличие от того, когда осуществляется снос жилого дома, где подрядчик не может контролировать содержание и наполнение полезного объёма здания. Таким образом, разделение на рисунке 1 по видам строительства является экономически оправданным и технически обоснованным.

1. Разделение. Нужно понимать специфику производства строительных работ – территория притяжения - это строительная площадка, определяемая стройгенпланом и окружающее пространство (СП 42.13330.2016), которые также подвергаются негативному воздействию (взвесь пыли, технически масла и т.д.). Отсюда, при обустройстве строительной площадки обязательно формируются складские (СП 48.13330.2019) и административно-бытовые площади, на которых должно производиться именно разделение по группам ресурсов, в том числе разделение отходов по классу опасности. Именно разделение, а не сортировка, потому что сортировочный узел на стройплощадке не организовывается.

2. Обезвреживание. Данный этап важен при производстве работ по воспроизводству остаточного эксплуатационного ресурса. После этапа Разделения, отходы высокого класса опасности должны быть обезврежены, с целью снижения негативного воздействия, как на рабочих строительной площадки, так и на окружающую среду. Должны быть использованы специальные герметичные контейнеры (при необходимости), в

которые помещаются наиболее опасные отходы. Данный этап не имеет экономического и технического смысла при новом строительстве, потому что, как было уже сказано, в этом случае, осуществляется входной и выходной контроль материальных ресурсов.

3. Складирование. Складирование должно осуществляться исключительно на строительной площадке, при этом не допускается складировать отходы с различными классами опасности совместно.

4. Транспортировка. Транспортировка отходов должна осуществляться до 3 класса опасности строительными машинами, предназначенными для перевозки строительных материалов и ресурсов, при этом обязательно должны быть сформированы путевые листы с указанием маршрута (начальная и конечная точка). В случае наличия отходов 1 и 2 класса опасности должны быть использованы специальные транспортные средства, предусматривающие герметичность отходов и исключающие негативное воздействие на человека и окружающую среду в процессе транспортировки.

5. Самый важный этап, включающий в себя три основных компоненты: рециклинг, регенерацию и рекуперацию.

Рециклинг возможен на такой вид строительных отходов, которые не изменили физико-химические или конструктивные свойства, например, остатки цемента, песок, краска.

Регенерация осуществляется с таким видом строительных отходов, которые, при соответствующей обработке, могут быть возвращены в производственный цикл, например, объёмы земли при обратной засыпке или трамбовании площадки.

Рекуперация осуществляется с таким видом строительных отходов, у которых могут быть извлечены полезные составные элементы и использованы в производстве работ, например, производство шлакоцемента, сероцемента, вяжущее и т.п. Таким образом, мы представили общую принципиальную схему, подразумевающую логику переработки отходов строительной отрасли, а также, три конечных операции: рециклинг, регенерацию, рекуперацию в зависимости от вида строительства.

Заключение. Как уже было сказано ранее, строительная отрасль характеризуется высокой капиталоемкостью и длительностью производственного цикла конечной строительной продукции. Как следствие, в зависимости от масштаба строительства, объём отходов от производства строительных работ имеет существенную величину, что оказывает негативное влияние на экологическое, экономическое и социальное благополучие граждан. Вопросы логистики переработки отходов строительной отрасли, которые мы затронули в данной статье, нацелены, прежде всего, на решение данных проблем.

Литература:

1. Альбеков А. Моделирование процессов рециклинга на принципах логистики / А. Альбеков, А. Кизим, Э. Березовский // Логистика. 2012. № 5 (66). С. 48–51.
2. Альбеков А.У. Зеленая логистика в России: феномен прогресса, экономической и экологической безопасности / А.У. Альбеков // Транспортные системы: тенденции развития: Сборник трудов международной научно-практической конференции, Москва, 26–27 сентября 2016 года / Под общей ред. Б.А. Лёвина. М. : Российский университет транспорта (МИИТ), 2016. С. 345–347.
3. Альбеков А.У. Зеленая экономика: императивы развития экологически чистых отраслей и технологий РФ / А.У. Альбеков; Ростовский государственный экономический университет. Ростов-н/Д. : Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2016. С. 10–20.

Literature:

1. *Albekov A.* Modeling of recycling processes on the principles of logistics / A. Albekov, A. Kizim, E. Berezovsky // *Logistics*. 2012. № 5(66). P. 48–51;
2. *Albekov A.U.* Green logistics in Russia: the phenomenon of progress, economic and environmental security / A.U. Albekov // *Transport systems: development trends: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, September 26–27, 2016* / Edited by B.A. Levin. M. : Russian University of Transport (MIIT), 2016. P. 345–347.
3. *Albekov A.U.* Green economy: imperatives of the development of environmentally friendly industries and technologies of the Russian Federation / A.U. Albekov; Rostov State University of Economics. Rostov-on/D. : Rostov State University of Economics «RINH», 2016. P. 10–20.

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, Иркутск
barahevaev@bk.ru

Очирова Полина Игоревна

студентка,
Российский государственный
университет правосудия
ochirovapi@bk.ru

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

**ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА ЦЕНТРАЛЬНОГО
БАНКА: ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ
ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Данная публикация посвящена исследованию перспектив введения цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ) Российской Федерации – цифрового рубля. Проанализировано законодательство в данной области, а также, подготовленный Банком России доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль». Приведен пример проведения операции с использованием цифрового рубля и смарт-контрактов. По результатам исследования были выявлены преимущества и недостатки внедрения цифровой валюты центрального банка на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровой рубль, цифровизация валюты, смарт-контракт, блокчейн, технология распределенного реестра.

В ноябре 2020 года прошел виртуальный саммит большой двадцатки (G20) [1]. Формат и тема саммита были определены не утихающей и по сей день пандемией COVID-19. Так, лидеры крупных государств и международных организаций пришли к выводу о том, что человечество вступило в «постпандемический» этап, который требует продолжительного, если не затяжного существования с вирусами. В свою очередь, Международный Валютный Фонд (МВФ) называл этот общечеловеческий кризис «Великой самоизоляцией» (The Great Lockdown) [2].

Eleva V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Public law disciplines,
Russian State
University of Justice, Irkutsk
barahevaev@bk.ru

Polina I. Ochirova

Student,
Russian State University of Justice
ochirovapi@bk.ru

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Russian State
University of Justice
mail@esbrsuj.ru

**CENTRAL BANK DIGITAL CURRENCY:
DEVELOPMENT PERSPECTIVE
FOR THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. This publication is devoted to the study of the prospects for the introduction of the digital currency of the central bank (CVCB) of the Russian Federation - the digital ruble. The legislation in this area is analyzed, as well as the report prepared by the Bank of Russia for public consultations «Digital Ruble». An example of a transaction using a digital ruble and smart contracts is given. According to the results of the study, the advantages and disadvantages of the introduction of the digital currency of the central bank in the territory of the Russian Federation were identified.

Keywords: digital currency, digital ruble, currency digitalization, smart contract, blockchain, distributed ledger technology.

С глобальной точки зрения, пандемия оказала существенное влияние на экономику, политику, социальную сферу и, в целом, на образ жизни человека и общества. Внезапная «подножка», вызванная пандемией COVID-19, не только обратила внимание государств на перспективность цифровых технологий, но и заставила их активно примыкать к цифровизации и новым передовым технологиям, в том числе, к изучению и внедрению цифровой валюты Центрального банка (CBDC). Граждане также не остаются в стороне и выражают свою поддержку и заинтересованность в альтернативе привычным валютам (фиатным

деньгам), которая бы работала без перебоев и ограничений в бесконтактной среде во избежание кризиса ликвидности.

Фондовый рынок как один из инструментов инвестирования, получения дохода и сбережения денег от влияния инфляции, известен давно. Так, конец 2020 года охарактеризовался рекордной активностью частных инвесторов – количество физических лиц (частных инвесторов), имеющих брокерские счета на Московской бирже, по итогам ноября 2020 года превысило 8 млн чел. [3]. В ноябре брокерские счета открыли более 560 тыс. человек, с начала 2020 года – 4,2 млн человек, то есть, больше, чем суммарно за все предыдущие годы. В ноябре активность частных инвесторов на бирже вновь была рекордной: сделки совершали свыше 1,3 млн человек.

Однако сравнительно недавно появился инструмент, который представляет большой интерес для инвесторов в сравнении с фондовым рынком, что вызвано его быстрым развитием, внушительной волатильностью и отсутствием, как такового, правового режима его регулирования. В данном случае речь идет о набираемых популярности по всему миру цифровых валютах, прежде всего, представленных биткоином (BTC) и эфириумом (ETH), которые оказывают значительное влияние на его финансовую систему.

Большинство представителей финансового мира и политиков неоднозначно, а, чаще всего, негативно высказываются по поводу криптовалют. Многие из их числа, в целом, предсказывают скорую гибель биткоина. Стоит отметить, что, начиная с 2010 года, СМИ предрекали скорейшее уничтожение биткоина 380 раз. Кripto-оппозиционеры считают, что криптовалюты приносят с собой как возможности, так и проблемы для повседневных операций платежной системы, и финансовой системы, а также, нарушение финансовой безопасности и финансового суверенитета государства, выраженного в возможности совершения транзакций в обход банков и налогового регулирования.

С другой стороны, появляющиеся новые технологии, такие как искусственный интеллект, большие данные и технология распределенного реестра (Distributed Ledger Technology, DLT), могут решить давно существующие проблемы в платежной системе и сделать платежи более эффективными. Так, центральные банки передовых государств сосредотачиваются на изменении поведения потребителей в цифровую эпоху и вносят изменения в текущую финансовую систему, чтобы внедрить инновации. Все большее число центральных банков активно изучают подходы и возможности в создании и выпуске CBDC. Все большее количество стран разрабатывают свои пилотные проекты CBDC; в их числе Российская Федерация, Китай, Южная Корея, Украина, Швеция, Уругвай, Багамские острова, Эквадор, Камбоджа и Восточно-Карибский валютный союз.

Существует общечеловеческая потребность в эффективной системе перевода ценностей с уходом от использования наличных денег. Так,

Центральный банк Российской Федерации (Банк России) отмечает появление у граждан и бизнеса новых финансовых возможностей, соответствующих потребностям цифрового мира, что повышает конкурентоспособность всей экономики в целом. Поэтому Банк России, в цели которого входит развитие национальной платежной системы, изучает различные возможности выпуска своей (государственной) цифровой валюты центрального банка (ЦБЦБ, central bank digital currency) – цифрового рубля.

В докладе Банка России для общественных консультаций «Цифровой рубль» [4], отмечено, что национальная валюта Российской Федерации (рубль) будет иметь три равнозначных между собой формы: наличная, безналичная и цифровая.

Стоит отметить, что у цифровой валюты есть ряд преимуществ, которые могут быть оценены всеми участниками финансового рынка. Так, государство сможет контролировать расходование бюджетных средств с помощью специализированной платформы, которая будет обеспечивать точную доставку целевых выплат без их «утечки», а применение смарт-контрактов позволит существенно упростить и автоматизировать процесс администрирования бюджета, минимизировать операционные риски. Для организаций преимуществом будет считаться все большая доступность финансовых услуг за счет проведения онлайн платежей, расширение линейки цифровых сервисов и продуктов. В последнем случае гражданам будет закономерно гарантировано улучшение условий клиентского обслуживания вследствие усиления конкурентной борьбы на финансовом рынке.

Смарт-контракты представляются очень удобным инструментом совершения сделок. Так, под смарт-контрактом понимается сделка, которая исполняется автоматически при наступлении заранее оговоренных сторонами условий. В качестве примера удобства применения смарт-контрактов рассмотрим самую распространенную сделку – куплю-продажу на его основе. Продавец заключает договор купли-продажи с покупателем на условиях оплаты в цифровой валюте после получения товара последним. После заключения договора финансовая организация, обслуживающая продавца, создает смарт-контракт по договору, который регистрируется в распределенном реестре в зашифрованном виде. На этом же этапе запускается процедура контроля исполнения договора. После того, как в реестре был отмечен факт получения товара, цифровая валюта автоматически переводится на счет продавца. Позиция Российской Федерации относительно смарт-контрактов положительная и сводится к их принятию и использованию. Так, предполагается возможность самостоятельного использования смарт-контрактов, верифицированных Банком России.

Большинство специалистов и заинтересованных в этой теме лиц полагают, что существенным и ключевым свойством цифрового рубля должна быть возможность проведения офлайн-операций (без доступа к сети Интернет), что позволит сделать его доступным для всех лиц, находящихся

на территории Российской Федерации, что особенно актуально для граждан и бизнеса, проживающих и осуществляющих свою деятельность в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах. Однако данное свойство имеет и ряд негативных последствий, которые стоит учитывать. В их числе технологическая сложность внедрения такого режима работы и возможный рост цифрового мошенничества, поэтому важно предусмотреть лимиты времени нахождения цифровых рублей в офлайн-режиме для противодействия мошенничеству и обеспечить простоту и удобство пользования офлайн-кошельком.

Банк России предложил ввести цифровой рубль в виде двухуровневой модели с ролью финансовых организаций как участников расчетов. Одноуровневая модель была отклонена, так как в случае ее розничного характера, Банк России полностью берет на себя функцию клиентского обслуживания (ведение клиентских счетов, расчетно-кассовое обслуживание), что исключает всякое участие иных финансовых организаций, а оптовый характер не будет создавать преимуществ для граждан и организаций по сравнению с существующими платежными инструментами. Таким образом, двухуровневая модель будет представлять цифровые рубли в виде индивидуального цифрового кода (токена), находящегося на цифровых кошельках клиентов на соответствующей платформе цифрового рубля. Банк России будет представлять собой первый уровень в виде непосредственного эмитента цифрового рубля и оператора платформы; второй уровень будет составлять финансовая организация и федеральное казначейство, которые будут работать с клиентом (физические лица и организации) и бюджетными организациями соответственно.

В настоящее время невозможно точно определить последствия введения в оборот цифровой валюты из-за отсутствия практики применения её в мире в целом. Однако можно построить ряд возможных сценариев влияния на финансовую политику Российской Федерации введенного в оборот цифрового рубля. Так, цифровой рубль может оказать некоторое влияние на финансовую стабильность, ликвидность, трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики и т.д. Риск нарушения финансовой стабильности может быть вызван значительным оттоком ликвидности из рублей, выраженных в безналичной форме, в цифровые рубли. В таком случае, в качестве одного из способов предотвращения риска ликвидности выступает введение лимитов (ограничений) на осуществление транзакций с цифровым рублем. Нельзя отменять возможность некоторой

Литература:

1. Саммит «Группы двадцати». Президент России. Официальный сайт. М., 2020. URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/64460> (дата обращения 19.11.2021).
2. Великая самоизоляция: самый глубокий экономический спад со времен Великой депрессии официальный сайт. URL : <https://www.imf.org> (дата обращения 19.11.2021).

волатильности ставок рубля, вызванного ростом отсутствием определенности для финансовых организаций относительно потоков средств клиентов и изменением состава их баланса.

Финансовые организации могут столкнуться с дефицитом фондирования, вызванного переводом депозитов в цифровой рубль, как следствие, нехватит ресурсов для выдачи кредитов, что приведет к удорожанию последних. Однако данного сценария можно избежать полностью или частично путем таргетирования инфляции Банком России посредством управления процентными ставками денежного рынка. Процесс ценообразования кредитов во многом определяется трансфертной кривой, основанной на доходности альтернативного безрискового размещения денег на соответствующий кредитный срок. Так, и в случае введения в оборот цифрового рубля можно ожидать, что процентная ставка по кредитам будет определяться на том же основании, исходя из доходности безрискового актива, а также - надбавки за кредитный риск заемщика.

Подводя итоги, следует отметить, что цифровой рубль, безусловно, имеет ряд преимуществ. С его введением, финансовые и сопутствующие им услуги станут качественнее и доступнее, а также, сократятся издержки на поддержание обращения денежной массы, появится должный контроль за цифровыми финансовыми активами.

Однако цифровой рубль в настоящее время должен пройти ряд испытаний и доработок, прежде чем он будет введен в оборот. В частности, стоит предусмотреть сценарий нежелания организаций принимать в качестве оплаты цифровой рубль (например, из-за недоверия к его надежности, ликвидности или перспективности). В таком случае, законодателю нужно будет защитить потребителя путем внесения соответствующих поправок Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». Представляется важным предусмотреть защиту от утечки персональной информации покупателя и продавца, так как, идентификатором (формой электронного кошелька) могут завладеть недобросовестные лица, что приведет к нарушению прав владельца кошелька и утрате (хищению) его денежных средств.

Необходимо уже на данном этапе приступить к разработке и обсуждению правовых норм, которые будут регулировать цифровой рубль, не ограничиваясь лишь понятиями и областью его применения.

Literature:

1. G-20 Summit. President of Russia. Official site. M., 2020. URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/64460>
2. Great Self-Isolation: Deepest Recession Since the Great Depression Official site. URL : <https://www.imf.org>

3. Количество частных инвесторов на Московской бирже в ноябре превысило 8 млн человек. Московская биржа официальный сайт. URL : <https://www.moex.com>

4. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (октябрь 2020 года)» [утвержден Центральным Банком Российской Федерации] // СПС «КонсультантПлюс».

3. The number of private investors on the Moscow Exchange in November exceeded 8 million. Moscow Exchange official website. URL : <https://www.moex.com>

4. Digital Ruble. Report for public consultations (October 2020) [approved by the Central Bank of the Russian Federation] // SPS «ConsultantPlus».

Вэй Вэнь
аспирант,
Белорусский государственный
университет
787083595@qq.com

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ СТРАТЕГИЯ КНР В ОТНОШЕНИИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В рамках данной статьи будет рассмотрена внешнеторговая стратегия Китая по отношению к развивающимся странам., которая формируется ввиду поиска новых рынков сбыта. Реализация действующим лидером Китая инициативы «Один пояс, один путь», значительно усилила уровень влияния КНР в странах третьего мира, что не всегда находит одобрение у руководства этих стран, однако налаживание отношений имеет одно из ключевых значений для Китая, ввиду необходимости получения транспортных коридоров на европейский рынок для китайских товаров. Интересы Китая в азиатских и африканских странах наблюдаются давно. Однако на текущий момент есть двоякость мнений, чем закончится данное взаимодействие для этих стран.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, внешняя торговля, стратегия.

О тношения КНР с азиатскими странами получили активное развитие после падения советского союза, инициатива исходила от китайской стороны и была нацелена на проведение государственных границ. До данного момента связи данных государств фактически отсутствовали. Выход из под влияния СССР был для азиатских стран весьма не простым, ощущалось отсутствие финансовой поддержки, нарастала социальная напряжённость. Для КНР, возникновение нестабильных государств вблизи своих границ требовало незамедлительного участия в данном вопросе. В тот момент и начали выстраиваться дипломатические отношения со странами центральной Азии. Надо сказать, что их развитие происходило не быстро, ввиду большей ориентированности данных стран на диалог с Россией. Тем не менее ввиду того, что отношения с РФ не соответствуют ожидаемым темпам экономического и торгового развития со стороны этих стран, происходит постепенное перераспределение в сторону Китая. Смене курса способствует желание данных стран подчеркнуть свою независимость и суверенитет. Как уже говорилось выше, для Китая данные страны имеют стратегическое значение ввиду получения континентального коридора на западноевропейские рынки, который даёт возможности для поставки китайских

Wei Wen
Graduate Student,
Belarusian State University
787083595@qq.com

CHINA'S FOREIGN TRADE STRATEGY TOWARDS DEVELOPING COUNTRIES AT THE PRESENT STAGE

Annotation. This article will examine China's foreign trade strategy in relation to developing countries. which is shaped by the search for new markets. The implementation of the «One Belt, One Road» initiative by the current leader of China has significantly increased the level of China's influence in the third world, which is not always approved by the leadership of these countries, but the establishment of relations is one of the key values for China, due to the need to obtain transport corridors to the European market for Chinese goods. China's interests in Asian and African countries have long been observed. However, at the moment there is ambivalence about the outcome of this interaction for these countries.

Keywords: China, foreign policy, foreign trade, strategy.

товаров на новые рынки сбыта, таким образом азиатские страны дают КНР возможности как для торгового, так и для политического расширения влияния в регионе [1]. Успешное экономическое развитие Китая способствует росту потребности страны в расширении рынков сбыта, в чем Китаю с успехом способствуют развивающиеся страны. КНР с успехом развивается последние три десятилетия во всех сферах, однако такое положение дел формирует ряд проблем связанных с перенасыщением внутренних рынков, что собственно и ведёт к необходимости выхода на внешние рынки. Что же касается позиции азиатских стран во внешне политической действительности, для независимого существования данная позиция слишком слаба, что и ведёт к взаимодействию с наиболее важными и сильными игроками на данной арене [2]. При этом у Китая и стран Центральной Азии множество взаимных интересов в области торговли. Что касается инициативы Один пояс один путь, необходимость выхода на новые сбытовые рынки и потребность в сырье, это те вопросы, которые встали перед Китаем со времён начала активного экономического развития. Идея активного участия Китая в экономическом развитии стран Центральной Азии соответствует концепции «Пяти принципов мирного сосуществования», которые были выдвинуты Китаем и Индией

ещё в далёком 1954 году. Именно пункты мирного сосуществования, равенства и взаимно выгодного партнёрства заложены в ныне действующий стратегии внешнеэкономического развития КНР, а так же в положениях инициативы ОПОП [3]. Именно ОПОП даёт возможности для оперативного доступа к новым и старым рынкам сбыта, что способствует разгрузке внутреннего китайского рынка. Большую ставку Китай делает на новый шелковый путь, который должен являться частью китайской мягкой силы, в контексте наличия исторических связей в данном торговом пути. Инициатива «Один пояс, один путь» уже принесла свои плоды и в дальнейшем Китай будет только наращивать данное взаимодействие. Помимо азиатских стран, большой интерес для Китая представляют африканские страны. На данный момент взаимодействие налажено более чем с пятьюдесятью континентами. Конечно помимо торговых интересов, у Китая в Африке присутствуют интересы противоборства против США. Интересом Китая в Африке, как и в случае с азиатскими странами является сбытовый рынок, а так же способ инвестиционных вложений с китайской стороны ввиду богатства Африканского континента ресурсной базой. Китай активно наращивает торговое сотрудничество со странами Африки, товарооборот возрастает из года в год. В некоторых

странах действуют торговые миссии Китая, функционируют биржи при участии бизнесменов обеих стран. В столице Китая присутствует китайско-африканская торговая палата. Объемы прямых инвестиций в страны Африки неуклонно растут. В стране действуют одиннадцать инвестиционных и торговых центров [4].

Несомненно в сфере интересов КНР находятся страны, которые богаты в части ресурсного потенциала, ЮАР, Ангола, Замбия, Судан, нередко применяется принцип обмена сырья на инфраструктуру.

Однако, стоит отметить, что реализация китайских проектов происходит не исключительно в государствах с богатой ресурсной базой, а так же в тех странах, которые обладают сырьем прямые китайские инвестиции далеко не всегда сконцентрированы лишь в ресурсных секторах, хорошим примером может быть Замбия.

В Замбии зарегистрировано свыше двух сотен компаний из Китая в сфере текстильной промышленности, строительства и торговли, такое положение дел обусловлено хорошим инвестиционным климатом и низким уровнем конкуренции [5].

Рисунок 1 – Товарооборот КНР и Африки

Всего три года назад прошло с тех пор, как КНР перестал быть одним из крупнейших представителей импорта для отходов из ЕС. КНР принимал отходы из пластика и электроника. Токсины от оных оказали отравляющее воздействие на водные ресурсы, почвы и экологию, в радиусе расположения свалки возросли болезни среди населения, а так же смертность и прерывание беременности. Вышеперечисленные страны относятся к самым известным среди тех, где ЕС десятки лет размещал свои отходы. Запрет, который ввел

КНР, значительно усложнил положение дел в странах ЕС. Казалось бы, именно это и должно было стимулировать развитие внутренней переработки, но вместо этого произошло перераспределение экспорта европейских отходов, которые ныне отправляются на восток Азии, в том числе и в Малайзию.

По имевшейся информации у Организации Объединенных Наций за три квартала 2018 года именно Малайзия приняла почти 700 тонн

пластмассовых отходов. Данная страна быстрыми темпами заменила для ЕС КНР. Планируемая переработка все так же заканчивалась оседанием на полигонах страны. Часть отходов так же растаскивают сотрудники свалки, остальное утилизируется посредством огня, что негативно сказывается на экологической картине страны. По состоянию на 2021 год начались обсуждения о введении запрета на ввоз отходов, однако на текущий момент, лицензирование на ввоз до сих пор осуществляется.

Что касается утилизации, это тоже одна из тенденций во внешнеэкономических взаимоотношениях КНР. Именно по этой причине, несмотря на

Литература:

1. Некрасов В.В. Стратегия «мягкой силы» во внешнеэкономической политике Китая в Африке / В.В. Некрасов // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. №. 2-2. С. 35–38.
2. Менх В.В. Политическая стратегия Китая в проекте «экономический пояс Шёлкового пути»: дис. Сибирский федеральный университет, 2020.
3. Сюин В. Международная торговая политика Китая / В. Сюин, Ц. Юн // Логистика и управление цепями поставок. 2020. С. 34–38.
4. Глинкина С.П. Китайская стратегия интеграции постсоветского пространства / С.П. Глинкина, А.Д. Некипелов.
5. Терентьева Т.Г. Китайская стратегия «выхода за рубеж»: успехи и проблемы / Т.Г. Терентьева // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации. 2020. С. 153–159.

большое число плюсов, которые получают развивающиеся страны от взаимодействия с Китаем, ряд стран настроен к данному сотрудничеству весьма скептически ввиду неоднозначности внешнеполитической и внешнеторговой стратегии Китая. Вопросы вызывает и равноправие в данном взаимодействии, так как по средствам мягкой силы Китай по сути продвигает свои интересы и сферу влияния в странах третьего мира. Но нужно признать, что для выживания маленьких государств им по сути приходится в обязательном порядке прибывать под «крылом» крупного партнера, какие-то интересы при этом действительно учитываются, но какие будут итоги у такого неравного взаимодействия покажет время.

Literature:

1. Nekrasov V.V. Soft power strategy in China's foreign economic policy in Africa / V.V. Nekrasov // The Science of the XXI Century: Current Directions of Development. 2020. №. 2-2. P. 35–38.
2. Mench V.V. The political strategy of China in the project «Silk Road Economic Belt». Siberian Federal University, 2020.
3. Xuying W. International trade policy of China / W. Xuying, Q. Yong // Logistics and Supply Chain Management. 2020. P. 34–38.
4. Glinkina S.P. China's strategy of integration of post-soviet space / S.P. Glinkina, A.D. Nekipelov.
5. Terentyeva T.G. Chinese Strategy of «Going Abroad»: Successes and Problems / T.G. Terentyeva // Actual problems of China's development in the process of its regionalization and globalization. 2020. P. 153–159.

Гончаров Александр Иванович
кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра менеджмента и маркетинга,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
gonshu@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО РЕКРУТМЕНТА В РОССИИ

Аннотация. В статье перечислены основные глубинные причины цифровизации экономики, в частности научно-технический прогресс, развитие информационного общества и конкуренция. Также проанализированы основные этапы составной части управления персоналом – рекрутинга с точки зрения возможностей их полной цифровизации и автоматизации. Кроме того, обозначена основная задача рекрутмента по привлечению молодых сотрудников цифрового поколения Z. Проиллюстрированы средства цифровизации для привлечения таких кандидатов – SMM, геймификация, чат-боты. Дополнительно раскрыты основные проблемы, возникающие при ведении рекрутмента, а также приведены решения для решения таких проблем, или их существенного снижения для компании, в частности решения для усиления положительного восприятия HR-бренда компании.

Ключевые слова: управление персоналом, рекрутмент, лидерство, инновации, инновационное развитие, цифровизация.

1. Причины цифровизации (НТП, уменьшение издержек, повышение эффективности, конкуренция, условия пандемии)

Основной причиной развития и распространения цифровизации является научно-технический прогресс, а также конкуренция, которые заставляют компании все больше внимания уделять внедрению современных технологий в свою деятельность. Появление информационного общества способствовало отделению знаний от его создателей, причем с возросшей во много раз по сравнению с книгопечатанием доступности данных знаний благодаря информационно-коммуникационным сетям и превращение знаний, по сути, в данные, которые стали накапливаться в больших банках данных. Реализация в моделях управления различными процессами таких данных и является цифровизацией. Условия пандемии неожиданно стали катализатором внедрения и все большего распространения цифровизации во всех сферах общества, в том числе и в процессе управления персоналом, составной частью которого является рекрутинг.

Aleksandr I. Goncharov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Management and Marketing,
Petersburg State
University of Railways
Emperor Alexander I
gonshu@yandex.ru

FEATURES OF DIGITAL RECRUITMENT IN RUSSIA

Annotation. The article lists the main underlying causes of the digitalization of the economy, in particular scientific and technological progress, the development of the information society and competition. The main stages of the personnel management component – recruiting - are also analyzed from the point of view of the possibilities of their full digitalization and automation. In addition, the main task of recruitment to attract young employees of the digital generation Z is outlined. The means of digitalization to attract such candidates are illustrated – SMM, gamification, chatbots. Additionally, the main problems that arise when conducting recruitment are disclosed, as well as solutions for solving such problems, or their significant reduction for the company, in particular solutions to enhance the positive perception of the company's HR brand.

Keywords: HR management, recruitment, leadership, innovation, innovative development, digitalization.

2. Этапы рекрутинга (общие и наиболее поддающиеся совершенствованию: цифровизации и автоматизации)

Процесс рекрутинга традиционно выглядит как совокупность соответствующих этапов:

- 1) анализ и составление профиля необходимого кандидата (профессиональные и личностные качества) и заявки (в т.ч. условия труда, карьерный рост и т.п.) на подбор;
- 2) определение источника поиска кандидатов (внутренние и внешние);
- 3) отбор (формирование кадрового резерва – потенциального круга работников);
- 4) подбор (собеседование с отобранными кандидатами и проверка на достоверность сведений в их резюме);
- 5) прием на работу (оформление документов).

По большому счету каждый из данных этапов можно автоматизировать благодаря, в том числе,

цифровым технологиям, которые существенно снижают затраты времени и освобождают работников от рутинных операций, что в целом соответствует принципам управления заинтересованными сторонами [4]. Так, данные опроса [5] свидетельствуют о том, что 60 % компаний уже стандартизировали ключевые процессы рекрутмента на 63 %, более сложные процессы – на 25 %. Причем с перспективой цифровизации и автоматизации всех этапов рекрутмента:

– 2 этап:

а) источник поиска и размещение вакансий (85 %);

б) обработка откликов на заявленную вакансию (96 %)

в) скрининг резюме (85 %);

– подбор:

а) оценка кандидатов (65 %);

б) формирование предложения (61,5 %)

3. Основной задачей рекрутинга является привлечение необходимого персонала. Как известно максимальная трудоспособность, трудовой потенциал присущ работникам молодого возраста. Более того, в эпоху цифровизации основных бизнес-процессов, молодые сотрудники гораздо легче и быстрее адаптируются к таким изменениям что в свою очередь упрощает и удешевляет планирование развития персонала [3]. Поэтому задача сводится к привлечению молодых сотрудников поколения Z, обладающих современными востребованными навыками: коммуникабельностью, творческими навыками, работе в команде, лидерскими качествами и т.п. Так по проведенному опросу 84 % руководителей в России и 81 % руководителей в мире назвали в качестве одного из ключевых требований лидеров – умение управлять в условиях неопределенности информации [5].

4. Одним из средств привлечения таких кандидатов является SMM, так как поколение Z занимается общением в чатах, соцсетях и т.п. В качестве средства привлечения персонала, которое относится к поколению Y и Z, часто используется такие формы цифровых технологий как работа в социальных сетях (Facebook, vkontakte, twitter, OK,

и др.), так как современное поколение заменяет реальное общение на виртуальное. Это направление является перспективным не только по отношению к привлечению персонала, но и с точки зрения создания положительного образа, бренда, компании, если использовать площадки соцсетей для создания официальной страницы компании [2].

5. Проблемы и решения.

Среди проблем, которые возникают в процессе рекрутмента имеются следующие[5]:

1) поиск квалифицированного персонала с опытом работы;

2) отбор штатных сотрудников с необходимыми навыками;

3) поиск квалифицированного персонала на начальные позиции;

4) позиционирование бренда работодателя;

5) неэффективные технологии подбора и найма сотрудников.

Для решения проблемы улучшения позиционирования бренда работодателя можно использовать также социальные сети, насыщать страницу компании актуальным контентом, видеороликами, фотографиями и другим медиаконтентом, а также поддерживать обратную связь с посетителями данной страницы, в том числе потенциальными кандидатами на вакансии компании, путем ответов на отклики и мониторингом отзывов. Такую работу может выполнять хорошо настроенный чат-бот с искусственным интеллектом. Если разместить некоторое количество вакансий на таком ресурсе, такой бот поможет отследить отклики на вакансию, созвониться с кандидатами и ответить на вопросы. По оценкам, только 6 % работодателей использует чат-ботов для автоматизации процесса рекрутмента [6].

Если использовать элементы геймификации при наборе кандидатов, например, встроенный в ресурс квест, то это также может существенно повысить реализацию творческого потенциала сотрудников [1], а также усилить положительное восприятие бренда компании среди молодого поколения Z как высокотехнологичной и современной компании.

Литература:

1. *Гончаров А.И.* Особенности управления персоналом в условиях информационно-коммуникационного пространства / А.И. Гончаров // Информационное общество: актуальные проблемы современности: Сб. трудов II Национальной научно-практической конференции (14 ноября 2019). СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. С. 352–358.

2. *Семина А.П.* Цифровизация процессов управления персоналом: SMM в HR / А.П. Семина // Дискуссия. 2020. № 1(98). С. 62–68.

Literature:

1. *Goncharov A.I.* Features of personnel management in the conditions of information and communication space / A.I. Goncharov // Information Society: actual problems of modernity: Proceedings of the II National Scientific and Practical Conference (November 14, 2019). SPb. : FSUE IN PGUPS. 2019. P. 352–358.

2. *Semina A.P.* Digitalization of personnel management processes: SMM in HR / A.P. Semina // Discussion. 2020. № 1(98). P. 62–68.

3. *Скитёва Е.И.* Влияние кадрового потенциала компании на стратегическое управление персоналом / Е.И. Скитёва // *Инновации и инвестиции*. 2019. № 11. С. 431–435.

4. *Скитёва Е.И.* Корпоративная социальная ответственность : учеб. пособие / Е.И. Скитёва, А.И. Гончаров. СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. 64 с.

5. Тенденции в сфере управления персоналом в России – 2019. URL : <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/HC-Trends-2019-Russia-General-Report.pdf>

6. Цифровая трансформация HR. Опыт российских компаний. URL : https://obzory.hr-media.ru/cifrovaya_transformaciya_hr_russia

3. *Skiteva E.I.* The influence of the company's personnel potential on strategic personnel management / E.I. Skiteva // *Innovations and investments*. 2019. № 11. P. 431–435.

4. *Skiteva E.I.* Corporate social responsibility : manual / E.I. Skiteva, A.I. Goncharov. SPb. : FGBOU VO PGUPS, 2019. 64 p.

5. Trends in the field of personnel management in Russia – 2019. URL : <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/HC-Trends-2019-Russia-General-Report.pdf>

6. Digital transformation of HR. Experience of Russian companies. URL : https://obzory.hr-media.ru/cifrovaya_transformaciya_hr_russia

Добровольский Александр Григорьевич

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
экономической кибернетики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
agdobrovolcky@gmail.com

Мирончук Вадим Анатольевич

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
экономической кибернетики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
va_mironchuk@mail.ru

Косников Максим Сергеевич

студент
факультета прикладной информатики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
mkosnikov@gmail.com

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЙТИНГОВОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ ОЦЕНКЕ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО
ПРОИЗВОДСТВА ЮЖНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Аннотация. Промышленное производство является неотъемлемой частью как экономики, в целом, так и жизни каждого человека в частности обеспечения потребителя необходимой продукцией. Смешанная рыночная экономика примечательна тем, что стимулирует деятельность экономических агентов как рыночными, так и государственными методами, стремясь воплотить в себе лучшие черты от разных экономических систем. Предприятия, втиснутые в рамки конкуренции, вынуждены искать разные способы повышения качества продукции и сокращения издержек. Особенно интересной представляется ситуация в странах с переходным типом экономики, таких как стран СНГ и Российская Федерация в частности, поскольку «перестройка» всей хозяйственной жизни несет за собой как большие риски, так и немалые возможности. Применение методов интегральной оценки позволяет определить сильные и слабые стороны каждого из исследуемых объектов, выработать возможные варианты дальнейшего развития. Формирование промышленного производства возможно за счет формирования благоприятного инвестиционного климата, умеренного сокращения налоговой политики, мер государственной поддержки, особенно в условиях пандемии, повышается роль налоговых каникул, льгот и субсидии, ориентация не только на внутренние, но и на внешние рынки.

Alexander G. Dobrovolsky

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Economic Cybernetics,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
agdobrovolcky@gmail.com

Vadim A. Mironchuk

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Economic Cybernetics,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
va_mironchuk@mail.ru

Maxim S. Kosnikov

Student
of the Faculty of Applied Informatics,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
mkosnikov@gmail.com

**THE USE OF RATING MODELING
IN ASSESSING THE EFFICIENCY
OF INDUSTRIAL PRODUCTION
IN THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT**

Annotation. Industrial production is an integral part of both the economy as a whole and the life of every person, in particular, providing consumers with the necessary products. The mixed market economy is notable for stimulating the activity of economic agents by both market and state methods, striving to embody the best features from different economic systems. Enterprises squeezed into the framework of competition are forced to look for different ways to improve product quality and reduce costs. The situation in countries with a transitional type of economy, such as the CIS countries and the Russian Federation in particular, is particularly interesting, since the «restructuring» of the entire economic life entails both great risks and considerable opportunities. The use of integral assessment methods makes it possible to determine the strengths and weaknesses of each of the studied objects, to develop possible options for further development. The formation of industrial production is possible due to the formation of a favorable investment climate, a moderate reduction in tax policy, state support measures, especially in the context of a pandemic, the role of tax holidays, benefits and subsidies increases, orientation not only to domestic but also to foreign markets.

Ключевые слова: моделирование, интегральная оценка, рейтинговые модели, промышленное производство, экономическая эффективность.

Keywords: modeling, integral assessment, rating models, industrial production, economic efficiency.

Современное производство материальных благ осуществляется в рамках смешанной экономики, что означает доминанту рыночных механизмов регулирования спроса и предложения, однако там, где частный бизнес не справляется, «на сцену» выходит государство и методом льгот, субсидий, налогов, заказов направляет всю экономику в нужное русло [3]. Такое устройство позволило избежать ряд недостатков в двух других системах – чистый рынок и государственный капитализм, однако и здесь не обошлось без недостатков: подобно любой другой капиталистической системе, существующая система не лишена кризисов и связанных с этим прочих проблем, вроде инфляции или безработицы [1]. Принято считать, что таким образом экономика самоочищается от неэффективных субъектов экономических отношений, но если этот процесс затягивается на многие годы, а, порой, и десятилетия, то необходимо принимать соответствующие меры.

Одна из главных особенностей Южного федерального округа заключается в его уклоне в сторону сельского хозяйства, что неизбежно влияет на развитие промышленности в регионах. Отсюда, проявляется осязаемое влияние перерабатывающего производства. Несмотря на это, региональные власти стремятся создать благоприятный инвестиционный климат для разных видов индустриального производства, тем самым сохраняя общероссийский тренд диверсификации. В целом, в регионах наблюдается положительная динамика, однако, требуется более детальный разбор показателей для выявления точечных проблем.

Совокупный оборот всех организаций ЮФО за 2020 г. составил более 15 трлн руб., что на 8,6 % больше прошлого года [2]. Уровень промышленного производства также вырос на 2,9 % в сферах добычи ископаемых, обработки сырья, обеспечения электроэнергией, водоснабжения, мусоропереработки. В то же время, стоимость товаров промышленного производства поднялась на 0,9 %. Объемы сельскохозяйственной продукции выросли на 7,1 %, что повлекло снижение цен на продукцию данной сферы на 2,9 % [5]. В совокупности, это повлекло за собой рост розничной торговли на 1,7 % и в номинальных значениях он достиг 3486,5 млрд руб., тогда как на душу населения этот показатель стал равен 212 тыс. руб. Оптовый рынок при этом достиг отметки в 4,2 трлн руб., увеличившись на 6,9 %. Торговое сальдо на внешнем рынке составило положительное значение в 6,9 млрд. долл. США (экспорт – 12,9 млрд долл. США, импорт – 6,0 млрд долл. США), что является 3,9 % от совокупного российского оборота.

Главным приоритетом развития экономики является повышение производительности труда не только в промышленности, но и во всех остальных экономических сферах, обеспечивающих

увеличение выпуска товаров [4]. На сегодняшний день, вопрос повышения объемов выпуска продукции стал одним из главных [8].

Экстенсивный промышленный рост напрямую зависит от количества используемых факторов производства – в первую очередь ресурсов. При прочих равных, перерабатывая больше сырья и задействовав для этого пропорционально большее число работников можно закономерно повысить объем выпуска продукции [7]. Интенсивный рост связан с технологическим прогрессом. Организация НИОКР и разработка новых способов производства ведет к технологическому прогрессу и росту производительности труда, а значит и объемов выпуска [6].

Цель данного исследования заключается в построении рейтинговой модели промышленного производства регионов Южного федерального округа и в выявлении сильных и слабых сторон.

Построение рейтинговой модели промышленного производства осуществляется поэтапно.

Этап 1. Сбор информации. На данном этапе формируется система показателей и параметров, характеризующая функционирование и развитие промышленного производства на региональном уровне. Данная система показателей и параметров может быть расширена или изменена в зависимости от целей исследования, а также - наличия статистических данных.

В исследовании определены следующие показатели:

- доля промышленного производства в валовом региональном продукте, % (x_1);
- стоимость основных фондов промышленного производства, млрд руб. (x_2);
- объем добычи полезных ископаемых, млрд руб. (x_3);
- объем обрабатывающих производств, млрд руб. (x_4);
- объем обеспечения электрической энергией, газом и паром, кондиционирования воздуха, млрд руб. (x_5);
- среднегодовая численность занятых в промышленности, тыс. чел. (x_6);
- инвестиции в основной капитал промышленного производства, млн руб. (x_7);
- число промышленных предприятий и организаций, ед. (x_8).

Исходные данные должны отвечать запросам и теме исследования.

В качестве источника информации использованы данные статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» федеральной службы государственной статистики.

Этап 2. Так как показатели, используемые для оценки, имеют различный тип, их сопоставление должно осуществляться в нормализованном виде. Для этого использован метод сравнения с эталонным показателем:

$$x_{ij} = \frac{x_i}{x_{\max}}$$

где x_{ij} – стандартизированный показатель; x_i – исходный показатель, который должен быть нормализован; $x_{\max}$ – самое большое значение показателя среди всех объектов.

Этап 3. Сведение показателей в единый групповой показатель – параметр, а также сведение параметров к единому интегральному показателю (I_j) осуществляется следующим методом:

$$I_j = \sum_{i=1}^n a_{ij} \cdot x_{ij}.$$

Этап 4. Дифференциация полученных данных по подмножествам. Количество групп определяется по следующей формуле:

$$n = 1 + 3.322 \cdot \ln N,$$

где N – количество субъектов Южного федерального округа.

Определяются минимальные и максимальные границы и размер группы определено по формуле:

$$i = \frac{(x_{\max} - x_{\min})}{n},$$

где n – количество показателей.

На 5 этапе осуществляется ранжирование объектов исследования по рейтингу (R_j), где наивысшему значению присваивается единица.

Показатели развития промышленного производства в Южном федеральном округе по субъектам федерации представлены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели развития промышленного производства в Южном федеральном округе по субъектам федерации

Код	Год	Субъект Российской Федерации					
		Республика Адыгея	Республика Калмыкия	Краснодарский край	Астраханская область	Волгоградская область	Ростовская область
X ₁	2010 г.	16,8	9,3	13,5	24,7	35,0	26,2
	2015 г.	19,9	4,8	16,0	32,4	30,8	23,6
	2020 г.	19,9	3,2	15,2	57,6	36,6	26,6
2020 г. к 2010 г., %		–	–	–	–	–	–
X ₂	2010 г.	19,2	6,7	249,8	178,5	308,7	411,6
	2015 г.	34,9	10,1	623,9	390,8	553,7	657,2
	2020 г.	53,9	33,3	в 8 раз	896,4	в 7 раз	в 9 раз
2020 г. к 2010 г., %		в 2,8 раз	в 5 раз	в 3,3 раза	в 5 раз	в 2,5 раз	в 2,2 раза
X ₃	2010 г.	0,7	1,5	17,1	22,5	29,8	13,6
	2015 г.	1,9	1,3	27,2	125,0	48,8	22,8
	2020 г.	3,7	0,5	64,3	339,2	58,9	34,0
2020 г. к 2010 г., %		в 5 раз	35,4	в 3,7 раза	в 15 раз	197,3	в 2,5 раза
X ₄	2010 г.	18,1	1,1	341,2	40,9	384,3	351,7
	2015 г.	40,8	0,8	784,4	58,7	615,8	606,6
	2020 г.	50,1	0,7	967,5	76,9	905,4	873,7
2020 г. к 2010 г., %		в 2,7 раза	61,5	в 2,8 раза	187,9	в 2,3 раза	в 2,5 раза
X ₅	2010 г.	1,5	1,9	84,4	13,2	47,9	67,6
	2015 г.	2,5	2,7	107,7	25,5	62,8	119,6
	2020 г.	2,5	2,9	117,4	29,2	72,8	165,9
2020 г. к 2010 г., %		170,0	156,1	139,2	в 2,2 раза	151,9	в 2,4 раза
X ₆	2010 г.	22,1	10,3	338,1	70,9	226,4	312,1
	2015 г.	27,3	8,2	337,2	68,3	194,5	296,9
	2020 г.	26,1	7,9	332,5	66,3	179,5	311,6
2020 г. к 2010 г., %		118,1	76,7	98,3	93,5	79,3	99,8
X ₇	2010 г.	1299,4	383,5	78403,6	20538,5	19133,9	47838,4
	2015 г.	1686,8	251,6	142326,6	53433,0	81307,5	88275,5
	2020 г.	16220,0	6406,8	74404,5	66178,4	63589,9	47298,0
2020 г. к 2010 г., %		в 12 раз	в 16 раз	94,9	в 3 раза	в 3 раза	98,9
X ₈	2010 г.	991,0	614,0	11695,0	1676,0	4976,0	8968,0
	2015 г.	985,0	379,0	12584,0	1688,0	4882,0	8893,0
	2020 г.	782,0	141,0	8825,0	1098,0	2925,0	7099,0
2020 г. к 2010 г., %		78,9	23,0	75,5	65,5	58,8	79,2

Анализ показателей развития промышленного производства в регионах Южного федерального округа позволяет отметить разнонаправленный характер их изменения. В связи с этим, необходимо свести все используемые для оценки

показатели в единый интегрированный показатель и выделить регионы с развивающейся отраслью промышленности, используя для этого методы, описанные выше.

Таблица 2

Интегральные и рейтинговые оценки развития промышленного производства в Южном федеральном округе по субъектам федерации

Код	Год	Субъект Российской Федерации											
		Республика Адыгея		Республика Калмыкия		Краснодарский край		Астраханская область		Волгоградская область		Ростовская область	
		I_1	R_1	I_2	R_2	I_3	R_3	I_4	R_4	I_5	R_5	I_6	R_6
X ₁	2010 г.	0,48	4	0,27	6	0,39	5	0,71	3	1,00	1	0,75	2
	2015 г.	0,61	4	0,15	6	0,49	5	1,00	1	0,95	2	0,73	3
	2020 г.	0,35	4	0,06	6	0,26	5	1,00	1	0,64	2	0,46	3
X ₂	2010 г.	0,05	5	0,02	6	0,61	3	0,43	4	0,75	2	1,00	1
	2015 г.	0,05	5	0,02	6	0,95	2	0,59	4	0,84	3	1,00	1
	2020 г.	0,06	5	0,04	6	0,89	3	0,96	2	0,83	4	1,00	1
X ₃	2010 г.	0,02	6	0,05	5	0,57	3	0,75	2	1,00	1	0,46	4
	2015 г.	0,02	5	0,01	6	0,22	3	1,00	1	0,39	2	0,18	4
	2020 г.	0,01	5	0,00	6	0,19	2	1,00	1	0,17	3	0,10	4
X ₄	2010 г.	0,05	5	0,00	6	0,89	3	0,11	4	1,00	1	0,92	2
	2015 г.	0,05	5	0,00	6	1,00	1	0,07	4	0,79	2	0,77	3
	2020 г.	0,05	5	0,00	6	1,00	1	0,08	4	0,94	2	0,90	3
X ₅	2010 г.	0,02	6	0,02	5	1,00	1	0,16	4	0,57	3	0,80	2
	2015 г.	0,02	6	0,02	5	0,90	2	0,21	4	0,52	3	1,00	1
	2020 г.	0,02	6	0,02	5	0,71	2	0,18	4	0,44	3	1,00	1
X ₆	2010 г.	0,07	5	0,03	6	1,00	1	0,21	4	0,67	3	0,92	2
	2015 г.	0,08	5	0,02	6	1,00	1	0,20	4	0,58	3	0,88	2
	2020 г.	0,08	5	0,02	6	1,00	1	0,20	4	0,54	3	0,94	2
X ₇	2010 г.	0,02	5	0,00	6	1,00	1	0,26	3	0,24	4	0,61	2
	2015 г.	0,01	5	0,00	6	1,00	1	0,38	4	0,57	3	0,62	2
	2020 г.	0,22	5	0,09	6	1,00	1	0,89	2	0,85	3	0,64	4
X ₈	2010 г.	0,08	5	0,05	6	1,00	1	0,14	4	0,43	3	0,77	2
	2015 г.	0,08	5	0,03	6	1,00	1	0,13	4	0,39	3	0,71	2
	2020 г.	0,09	5	0,02	6	1,00	1	0,12	4	0,33	3	0,80	2
Итого	2010 г.	0,78	5	0,45	6	6,45	1	2,77	4	5,66	3	6,22	2
	2015 г.	0,93	5	0,25	6	6,56	1	3,59	4	5,03	3	5,89	2
	2020 г.	0,87	5	0,24	6	6,05	1	4,43	4	4,74	3	5,84	2

Проведенный анализ развития промышленного производства позволяет сделать следующий заключения. Лидером в рейтинговой оценке является Краснодарский край. Его интегральная оценка в 2020 г. составила 6,05 ед., однако, значение интегрального показателя сократилось на 0,4 ед., что связано с сокращением темпов роста объемов обеспечения электрической энергией, газом и паром, кондиционирования воздуха. Сильными сторонами является увеличение количества промышленных предприятий и организаций, а, следовательно, численности занятых в этих организациях, рост инвестиции в основной капитал. Аутсайдером в рейтинге является республика Калмыкия, однако наблюдается наращивание промышленного потенциала за счет основных фондов промышленного производства, как результат активной инвестиционной политики руководства региона, что подтверждается ростом инвестиции в основной капитал в 15 раз в 2020 г. по сравнению с 2010 г. Развитие промышленного производства тормозит сокращение числа промышленных организаций и соответственно занятых в отрасли, что привело к снижению объемов

обрабатывающих производств и добычи полезных ископаемых.

Таким образом, представленная оценка развития промышленного производства в Южном федеральном округе по субъектам федерации позволяет определить лидеров промышленного производства, осуществив расчет на основе заданного количества показателей, сгруппированных в параметры, характеризующих отдельные стороны производственного процесса. Сравнение параметров и показателей позволяет выработать ряд мероприятий по устранению узких мест, включить отдельные показатели в программы регионального развития. Достоинством предложенного методического подхода является гибкость в системе моделирования, которая позволяет включать или исключать показатели оценки, использовать неограниченное количество параметров, необходимых для оценки разнонаправленных и имеющих различные единицы измерения показателей, сводить всю совокупность в единое интегральное значение, строить рейтинговые таблицы и представлять их в доступном виде.

Литература:

1. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб. : Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, 2016. 328 с.

Literature:

1. Bodrunov S.D. The future. New industrial society: perez-gruzka / S.D. Bodrunov. SPb. : S.Y. Witte Institute of New Industrial Development, 2016. 328 p.

2. *Гомелько Т.В.* Проблемы развития легкой промышленности в современной России / Т.В. Гомелько, Ю.А. Бортник, М.А. Овсянникова // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 1(171). С. 69–73.

3. *Зоидов К.Х.* Решение проблем обеспечения финансовой безопасности промышленного предприятия / К.Х. Зоидов, С.В. Пономарева, А.М. Костарев // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 11(121). С. 153–159.

4. *Клевцов С.М.* Интегральная оценка устойчивости развития промышленных комплексов с учетом показателей экономической добавленной стоимости / С.М. Клевцов // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 4-4. С. 20–22.

5. *Куликов В.И.* Стратегия промышленного предприятия: проблемы разработки и проблемы реализации / В.И. Куликов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 4. С. 320–323.

6. *Митрофанова М.Н.* Проблемы анализа технического состояния промышленного предприятия на разных стадиях инновационного процесса / М.Н. Митрофанова // European social science journal. 2011. № 7(10). С. 385–393.

7. *Рейхерт Н.В.* Промышленность России на современном этапе / Н.В. Рейхерт, С.В. Матросова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. № 5(87). С. 26.

8. *Сухарев О.С.* Промышленность России: проблемы развития и системные решения / О.С. Сухарев // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 2. С. 69–87.

2. *Gomelko T.V.* Problems of development of light industry in modern Russia / T.V. Gomelko, Yu.A. Bortnik, M. A. Ovsyannikova // Economics and management. 2020. Vol. 26. № 1(171). P. 69–73.

3. *Zoidov K.H.* Solving problems of ensuring financial security of an industrial enterprise / K.H. Zoidov, S.V. Ponomareva, A.M. Kostarev // Regional problems of economic transformation. 2020. № 11(121). P. 153–159.

4. *Klevtsov S.M.* Integral assessment of the sustainability of the development of industrial complexes taking into account the indicators of economic value added / S.M. Klevtsov // Modern trends in the development of science and technology. 2015. № 4-4. P. 20–22.

5. *Kulikov V.I.* Strategy of an industrial enterprise: problems of development and problems of implementation / V.I. Kulikov // Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2011. Vol. 17. № 4. P. 320–323.

6. *Mitrofanova M.N.* Problems of analyzing the technical condition of an industrial enterprise at different stages of the innovation process / M.N. Mitrofanova // European social science journal. 2011. № 7(10). P. 385–393.

7. *Reichert N.V.* Industry of Russia at the present stage / N.V. Reichert, S.V. Matrosova // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2016. № 5(87). P. 26.

8. *Sukharev O.S.* Industry of Russia: problems of development and system solutions / O.S. Sukharev // Bulletin of the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. 2016. № 2. P. 69–87.

Коновалова Татьяна Вячеславовна

кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой транспортных
процессов технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Левоновна

старший преподаватель
кафедры транспортных процессов
технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Горюн Валерий Александрович

аспирант кафедры транспортных
процессов технологических комплексов,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ
ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
ТРАНСПОРТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
В РОССИИ**

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена значимостью инвестиционной деятельности для развития логистических систем транспортных предприятий. В статье показано, что инвестиции - это сознательное расходование капитала, направленное на увеличение материальных и нематериальных выгод экономического оператора. Представлен анализ структуры финансирования инвестиционной деятельности. Проведенное исследование дает общее представление об инвестиционной деятельности для развития логистических систем транспортных компаний. Результатом статьи является разработка направлений совершенствования логистических систем транспортных компаний, требующих инвестиций. Предложен метод оценки эффективности инвестиционных вложений на основе эффекта финансового рычага.

Ключевые слова: эффект финансового рычага, структура капитала, финансирование инвестиций, транспортная логистика, цифровизация.

Развитие экономики способствует общему увеличению числа предприятий и, следовательно, постоянному увеличению товарообмена не только внутри страны, но и на международном уровне. Увеличение количества субъектов

Tatyana V. Konovalova

Candidate of Economic Sciences,
Manager of Department of Transport
Processes of Technological,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan

Senior Lecturer
Department of Transport Processes
Technological Complexes,
Kuban State University of Technology
sofi008008@yandex.ru

Valery A. Goryun

Postgraduate Student
of the Department of Transport
Processes of Technological Complexes,
Kuban State University of Technology
sofi008008@yandex.ru

**FEATURES OF INVESTMENT
ACTIVITIES FOR THE DEVELOPMENT
OF LOGISTICS SYSTEMS
OF A TRANSPORT ENTERPRISE
IN RUSSIA**

Annotation. The relevance of the article is due to the importance of investment activities for the development of logistics systems of transport enterprises. The article shows that investment is a deliberate expenditure of capital aimed at increasing the material and intangible benefits of an economic operator. The analysis of the structure of financing investment activity is presented. The conducted research provides a general idea of investment activities for the development of logistics systems of transport companies. The result of the article is the development of directions for improving the logistics systems of transport companies that require investment. A method for evaluating the effectiveness of investment investments based on the effect of financial leverage is proposed.

Keywords: effect of financial leverage, capital structure, investment financing, transport logistics, digitalization.

хозяйствования вызывает увеличение количества перевозимых товаров, востребованность в процессе отправки информации и документов, а также рост конкуренции. В связи со всеми изменениями, происходящими на рынке, и их

интенсивностью, предприятиям необходимо постоянно адаптироваться к требованиям клиентов в условиях все более жесткой конкуренции. Поэтому транспортные компании ищут новые направления развития, чтобы получить преимущество на рынке. Это явление увеличивает важность и развитие широко понимаемой транспортной логистики.

За последние годы в логистической сфере в России произошли существенные изменения, определяющие ее развитие. Это, прежде всего, процесс цифровизации и автоматизации предлагаемых услуг, а также электронной коммерции. Роботизация и автоматизация работы требуют от компаний данной отрасли больших затрат на приобретение основных средств, новых технологий или информационных систем. Большинство транспортных предприятий находятся на стадии внедрения новых информационных, аналитических и аппаратных решений или анализа темпов и масштабов их внедрения. Инновации и современные технологические решения - не единственные факторы, определяющие стремительное развитие отрасли. Растущий внутренний и международный спрос, рост доходов от продаж и увеличение показателя общего экономического климата представляют собой значительный стимул для дальнейшего развития существующих логистических компаний и создания новых хозяйствующих субъектов.

В связи с вышеизложенным, стоимость материальных инвестиций, сделанных транспортными компаниями значительно увеличилась. Обоснованием столь высокой доли логистической отрасли в инвестиционной активности всех нефинансовых организаций является растущая автоматизация и роботизация логистических систем и процессов, а также, рост спроса и сильная конкуренция на внутреннем и международном рынке. Таким образом, важным представляется анализ эффективности инвестиционных вложений транспортных предприятий.

Возникновение и развитие транспортного предприятия, как и любого другого хозяйствующего субъекта, неразрывно связано с получением денежных средств и их последующим управлением. Финансы могут поступать из самых разных источников. Разнообразии возможностей заставляет использовать конкретные инструменты для принятия максимально рациональных решений относительно выбора источников финансирования и создания капитала. Накопленный капитал затем должен быть оптимально инвестирован, что приведет к реализации основной стратегической цели каждого транспортного предприятия, которая заключается в максимальном увеличении его рыночной стоимости [1].

Финансирование можно определить двумя способами: только в узком смысле как привлечение капитала или в широком смысле, которое также включает процессы его распределения. Принимая во внимание различные критерии, можно провести деление капитала по следующим критериям:

1. Собственности капитала:
  - собственный;
  - иностранный.
2. Времени выбытия с капиталом:
  - краткосрочное;
  - среднесрочное;
  - долгосрочное.
3. Причине финансирования:
  - основная;
  - текущая деятельность;
  - развитие, т.е. инвестиционные процессы.
4. Источник капитала: внешний, внутренний.

Собственный капитал дает право собственности на предприятие, которое способствует распределению покрытия прибыли или убытков в соответствии со стоимостью вложенного капитала. Иностранный капитал предоставляется в распоряжение предприятия на определенный период времени и должен быть возвращен в соответствующий, заранее согласованный срок. Одно из основных различий между собственным капиталом и иностранным капиталом - это время, в течение которого компания доступна. Время указывается в случае иностранного капитала, в то время как акционерный капитал предоставляется на неопределенный срок.

Таким образом, при разделении источников финансирования активов с точки зрения времени на долгосрочные и краткосрочные, собственный капитал всегда классифицируется как долгосрочный капитал, в то время как внешний капитал может быть классифицирован как долгосрочный и краткосрочный.

Первичное финансирование происходит, когда создается новое предприятие, и владельцы вносят в него акционерный капитал. Финансирование текущей деятельности заключается в обеспечении непрерывности функционирования предприятия в результате непрерывного притока денежных средств, полученных от выручки. Соответствующая финансовая политика должна обеспечивать текущую ликвидность компании. Финансирование развития должно служить реализации инвестиционных процессов. Обычно он превышает возможности собственного капитала компании и часто основан на внешнем капитале.

Внутреннее финансирование часто называют самофинансированием, в основном за счет перераспределения чистой прибыли и амортизации. Оно рассматривается как основной источник финансирования, который может обеспечить дальнейшее развитие компании и получение выгоды для ее владельцев. Таким образом, все методы финансирования, не предполагающие участия стороннего капитала (кроме собственников

компаний), могут рассматриваться как внутренние источники финансирования [2].

Самофинансирование в капитальном подходе означает капитализацию прибыли, обусловленную уровнем прибыльности и перераспределением прибыли. Самофинансирование может использоваться на предприятиях по-разному, в зависимости от масштаба получаемой финансовой излишков. Одной из причин ухудшения финансового положения предприятий является отсутствие достаточного капитала, что приводит к снижению потенциала самофинансирования. Возможность увеличения собственного капитала и, соответственно, масштаб самофинансирования на предприятии часто ограничены, что может стать препятствием для роста конкурентоспособности при отсутствии средств для инвестиций и принятой консервативной стратегии финансовой деятельности. Более того, финансирование за счет собственных средств характеризуется более высокой стоимостью их участия, поскольку они не являются приемлемыми расходами как расходы, вычитаемые из налогооблагаемой базы.

Внешние источники финансирования инвестиционной деятельности покрывает приток средств извне предприятия. Это может быть увеличение собственного капитала или увеличение долга предприятия. В случае внешнего финансирования, стоимость будет равняться норме прибыли на капитал, вложенный организацией, предоставившей средства. Таким образом, внешнее финансирование будет заключаться в приобретении дополнительного партнера или акционера с использованием услуг венчурного фонда, банковского кредита и лизинга. Наиболее широко в систематике источников финансирования используются критерий правового положения донора капитала, различающий собственный и иностранный капитал, и критерий источника капитала по отношению к предприятию, указывающий внешний и внутренний капитал.

Источники финансирования предприятия не следует отождествлять с источниками капитала. Привлечение средств для финансирования деятельности компании – более широкое понятие, чем привлечение капитала. Списание амортизации и выручка от продажи избыточных активов являются источниками внутреннего собственного финансирования, но не являются источником привлечения внутреннего капитала. Аналогичная ситуация возникает в случае обязательств перед поставщиками, которые являются внешним источником финансирования, но не источником капитала. Структуру источников капитала предприятий можно увидеть в балансе, а информацию об источниках финансирования можно увидеть в движении денежных средств.

Внутренние и внешние источники финансирования обеспечивают компанию капиталом, которым может быть собственный и заемный капитал компании (другими словами, пассив). Собственный капитал – это эквивалент тех активов предприятия, в отношении которых предприятие имеет право собственности. Когда предприятие создается, его владельцы предоставляют капитал для

начала и ведения бизнеса, это так называемый стартовый капитал. На практике собственное финансирование означает финансирование задач, выполняемых предприятием, за счет собственного капитала [1].

Основными источниками внутреннего финансирования являются чистая прибыль, амортизация трансформации активов и капитала. Внешние источники включают взносы акционеров, фонды венчурного капитала и пр. Финансирование операций компании за счет собственного капитала повышает ее ликвидность и финансовую устойчивость. В большинстве транспортных предприятий внесенный основной капитал не возвращается в течение срока существования предприятия, поэтому, помимо постоянной основы для его финансирования, он также является гарантией для кредиторов. Размер собственного капитала информирует кредиторов, в каком размере компания сможет нести финансовые последствия в случае убытков. Акционерный капитал не имеет права на проценты, но имеет право на долю прибыли. Эта особенность имеет особую ценность в случае тяжелого финансового положения предприятия, когда возникают трудности с привлечением внешнего капитала, и предприятие финансирует свою деятельность преимущественно за счет собственных средств.

Организации, предоставляющие компании собственный капитал, автоматически приобретают право собственности на определенную часть активов компании, ожидая при этом определенных выгод в этом отношении в виде денежных доходов от участия в прибыли и увеличения стоимости компания. Говоря о стоимости собственного капитала (в случае коммерческих компаний), следует помнить, что выплаты дивидендов производятся из прибыли после налогообложения. Приобретая собственный капитал из внешних источников, предприниматель также должен учитывать частичную (иногда даже полную) потерю контроля над компанией. Однако собственный капитал по сравнению с иностранным капиталом негибкий и не всегда приносит владельцу ожидаемые выгоды [1].

При реализации инвестиций одной из важнейших проблем является выбор структуры капитала для поддержки инвестиционного процесса. При накоплении финансовых ресурсов следует продать производственные процессы, чтобы они могли осуществляться до тех пор, пока предприятие не получит дебиторскую задолженность от продажи. В этом смысле, финансирование должно предоставляться для каждого вида деятельности предприятия, как для текущих, так и для инвестиционных, и для развития. Одним из критериев распределения капитала является принадлежность к внутренним или внешним источникам финансирования.

Необходимость рационализации инвестиционного процесса вызывает множество трудностей. Для оценки эффективности инвестиций по источникам финансирования и влияния на показатели прибыльности структуры капитала компании

целесообразно использовать показатели эффекта финансового рычага, рентабельности активов и собственного капитала:

$$\mathcal{E}_{\text{фр}} = (1 - p) \cdot (R_A - WACC) \cdot \frac{K_3}{K_C}, \quad (1)$$

где $\mathcal{E}_{\text{фр}}$ – эффект финансового рычага; R_A – рентабельность активов; p – ставка налога на прибыль; $WACC$ – средневзвешенная цена капитала; K_C – собственный капитал; K_3 – заемный капитал.

$$R_A = \frac{\Pi}{A} \cdot 100\%, \quad (2)$$

где Π – прибыль до налогообложения; A – средняя величина активов.

$$R_{K_C} = \frac{\text{ЧП}}{K_C} \cdot 100\%, \quad (3)$$

где ЧП – прибыль после налогообложения; R_{K_C} – рентабельность собственного капитала.

Сравнение доступности внешних источников финансирования для предприятий на разных этапах их развития является основным критерием, определяющим потенциал компании, а также возможность получения внешнего капитала (табл. 1).

Таблица 1

Доступность внешних источников финансирования для компаний на разных стадиях развития

Стадия	Кредит	Лизинг	Факторинг	Венчурный капитал	Эмиссия акций
Концепция предприятия	–	–	–	+	–
Запуск компании	+	++	–	+	–
Небольшая компания	++	+++	++	++	–
Средняя компания	+++	+++	+++	+	+

– источник недоступен; + источник труднодоступен; ++ источник умеренно доступен; +++ источник легко доступен.

Вопрос получения источников финансирования касается как стартапов, так и тех, которые существуют на рынке годами. Инвестиционные проекты реализуются как небольшими, так и крупными компаниями. Однако наибольший спрос на внешние источники финансирования испытывают компании в период развития. Аналогичным образом проблема получения внешнего финансирования для текущих операций обостряется в период роста, что требует увеличения заказов и приводит к увеличению уровня дебиторской

задолженности от клиентов. Величина потребности в финансовых ресурсах зависит от вида деятельности и концепции развития компании.

Перечисленные в таблице 2 пути рационализации структуры финансирования инвестиций отражают высокую степень дифференциации рационализаторских мероприятий на каждом этапе формирования структуры финансирования инвестиций, осуществляемых транспортными предприятиями.

Таблица 2

Цели и пути рационализации структуры финансирования инвестиций

Задача 1: ограничение затрат на получение источников финансирования	Задача 2: минимизация финансового риска
Методы работы	
<ul style="list-style-type: none"> – определение финансовых потребностей и исследование рынка (финансовых продуктов) с особым акцентом на финансирование на льготных условиях; – решение о выборе внутренних или внешних источников финансирования, их долей и структуры; – использование рейтинга для усиления переговорной позиции; – выбор источника финансирования инвестиций путем оценки эффективности; – использование эффекта масштаба путем консолидации инвестиционных задач; – определение индивидуальных условий финансирования банковскими и финансовыми учреждениями; пересмотр существующих условий финансирования; – управление дебиторской задолженностью (особенно налоговыми обязательствами); – использование инструментов проектного управления; – передача затрат на получение источников финансирования партнеру 	<ul style="list-style-type: none"> – диверсификация источников финансирования – управление рисками с использованием специализированных инструментов; – правильное определение потребности в конкретном виде финансирования; – предварительный анализ – передача рисков (страховой полис); – разделение финансового риска (распределение рисков между сторонами) – финансовое планирование (включая многолетнее планирование); – бюджетирование; – мониторинг; – оценка; – контроль; – аудиты

Ключевым с точки зрения целей деятельности и уровня их реализации является выбор метода действий, который при определенных условиях будет наиболее подходящим для поставленной цели. Важно указать на то, что инвестиции в

логистической деятельности дают положительные результаты (денежные и неденежные), хотя способ их финансирования может повлиять на их уровень. Один и тот же тип капитальных затрат, финансируемых из разных источников

финансирования, может принести разные социально-экономические выгоды. Рационализация структуры финансирования инвестиций за счет повышения эффективности использования источников финансирования – это действия на стороне эффектов и затрат, связанных с данной структурой финансирования, формирующие взаимосвязь между ними таким образом, чтобы уровень эффективности в указанных условиях был максимально высок.

Действия по рационализации затрат зависят от типа источника финансирования и различаются для внутренних и внешних источников. В случае внешних источников финансирования рационализирующим и, в то же время, генерирующим затраты фактором является выбор финансового учреждения. Критерием выбора является ценовой критерий.

Что касается существующих источников финансирования, транспортные предприятия могут попытаться пересмотреть существующие условия финансирования, чтобы минимизировать затраты, связанные с получением внешнего финансирования.

Транспортные предприятий, которые реализуют концепцию динамичного роста, испытывают гораздо большую потребность во внешнем финансировании, чем те, кто предпочитает работать в меньших масштабах, предполагая определенный стабильный уровень дохода. К сожалению, стартапы обычно сталкиваются с большими трудностями при получении внешних источников финансирования, особенно в сфере получения банковских кредитов (как инвестиционных, так и оборотных). Такая ситуация в основном связана с повышенным риском кредитования предприятий на начальных этапах деятельности. Такие компании обычно не имеют устоявшейся рыночной

Литература:

1. Оценка проектных решений на транспорте : учеб. пособие / Т.В. Коновалова [и т.д.]. Краснодар, 2018. 357 с.
2. Стратегический и инновационный менеджмент на автомобильном транспорте : учеб. пособие / Т.В. Коновалова [и т.д.]. Краснодар, 2021. 324 с.

позиции, стабильных рынков сбыта, обычно не имеют собственного капитала, часто не имеют активов, которые могли бы служить залогом погашения кредита. Небольшой или начинающей компании намного проще получить средства через лизинг, стоимость лизинга, в свою очередь, обычно выше, чем стоимость кредита. Некоторые компании, реализующие исключительно перспективные и инновационные предприятия, могут также получить финансовую поддержку от венчурных фондов.

На основании проведенного исследования установлено, что стратегия финансирования, принятая транспортными компаниями, указывает на то, что затраты на инвестиции покрываются за счет финансового излишка, что свидетельствует о более консервативном подходе предприятий. Эта взаимосвязь существенно отличает предприятия от анализируемого сектора. Малые предприятия приняли решение инвестировать, не превышая существенно уровень финансового профицита в рассматриваемый период. Согласно теории иерархии источников финансирования, в транспортных компаниях сначала решают использовать внутренние финансовые источники, а в случае их нехватки, дополняют спрос внешними источниками финансирования (первоначально за счет увеличения операционных обязательств). В транспортных компаниях следует сначала выбирать собственные источники капитала, включая сбережения, а затем получаемую прибыль. Такой подход снижает инвестиционные расходы, а рост прибыльности предприятий определяется снижением уровня долга, что увеличивает роль самофинансирования. Проведенное исследование должно быть дополнено на более позднем этапе отдельными детерминантами, определяющими рост уровня самофинансирования для финансирования инвестиционных затрат.

Literature:

1. Evaluation of design solutions in transport : manual / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2018. 357 p.
2. Strategic and innovative management in road transport : manual / T.V. Konovalova [et al.]. Krasnodar, 2021. 324 p.

Мамий Александр Юрьевич
студент юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
mamiy0707@mail.ru

Рассказов Вячеслав Леонидович
доцент юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
mamiy0707@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

Аннотация. В статье автором рассматриваются, полномочия органов власти по управлению финансами на региональном уровне. Обосновывается вывод о том, что создание эффективного механизма управления развитием региональной финансовой системы является важнейшим условием устойчивого экономического развития. В соответствии с принципами бюджетного федерализма, центральными звеньями финансовой системы являются региональные финансы, которые являются частью территориальных бюджетов. К региональным финансам относят финансовые операции, осуществляемые на региональном уровне в целях выполнения государственных функций региона. Основной целью формирования системы управления финансами состоит в необходимости постоянного развития системы управления финансами в целях эффективного финансирования текущей деятельности государства.

Ключевые слова: финансовая система, региональный уровень, полномочия, региональная финансовая система.

В настоящее время, при становлении и развитии российского государства, а также, при формировании гражданского общества появляется необходимость создания в стране системы управления в сфере финансов. Организационный механизм формирования социально-экономических преобразований выступает в системе управления финансами, где осуществляются жизненно важные потребности гражданина в обеспечении реализации целей и функций государства и всех вопросов, связанных с социальным и экономическим управлением на местном уровне, тем самым определяя ее особенность и предназначение.

Региональные финансы – это система, в которой происходит формирование, распределение и использование региональных фондов денежных средства, необходимых для выполнения

Alexander Yu. Mamiy
Law Student,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilin
mamiy0707@mail.ru

Vyacheslav L. Rasskazov
Associate Professor of the Faculty of Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilin
mamiy0707@mail.ru

REGIONAL FINANCIAL SYSTEM

Annotation. In the article, the author examines the powers of the authorities on financial management at the regional level. The conclusion is substantiated that the creation of an effective mechanism for managing the development of the regional financial system is the most important condition for sustainable economic development. In accordance with the principles of fiscal federalism, the central links of the financial system are regional finances, which are part of territorial budgets. Regional finance includes financial transactions carried out at the regional level in order to fulfill the state functions of the region. The main purpose of the formation of the financial management system is the need for continuous development of the financial management system in order to effectively finance the current activities of the state.

Keywords: financial system, regional level, powers, regional financial system.

общественных функций и задач; таким образом, они являются частью финансовой системы РФ [1, с. 1132].

В соответствии с принципами бюджетного федерализма, центральными звеньями финансовой системы являются:

– региональные финансы, которые являются частью территориальных бюджетов (субъектов РФ, городов, поселков и т.д.);

– финансы хозяйствующих субъектов и финансы домашних хозяйств, направляемые на удовлетворение региональных потребностей [2, с. 26].

Управление финансами на региональном уровне осуществляют [3, с. 43]:

1. Правительство наделяется следующими полномочиями:

- 1) разрабатывает основные направления бюджетной и налоговой политики совместно с органами исполнительной власти;
- 2) осуществляет, государственный финансовый контроль за исполнением областного бюджета;
- 3) разрабатывает и направляет в пределах своей компетенции органам исполнительной власти обязательные для использования в работе методики, рекомендации, направленные на обеспечение результата;
- 4) на основе результатов проверки в случаях и порядке, установленных действующим законодательством, осуществляет контроль в сфере размещения заказов за их выполнением;
- 5) в случаях и порядке, установленных действующим законодательством, осуществляет в органах исполнительной власти руководство подразделений финансового контроля.

2. Министерство по управлению финансами на региональном уровне [4, с. 163].

Министерство наделяется полномочиями, такими как:

- 1) составляет проект областного бюджета;
- 2) исполнение областного бюджета;
- 3) утверждает предельные объемы финансирования;
- 4) ведет учет и организует исполнения областного бюджета;
- 5) заключает договоры, обеспечивающие исполнение обязательств заемщика, а также осуществляет государственные заимствования;
- 6) с рейтинговыми организациями, поддерживающими кредитные рейтинги юридических лиц и публично-правовых образований, заключает соглашения;
- 7) использует средства, поступившие, в областной бюджет и распределяет их;
- 8) в пределах своих полномочий, осуществляет контроль за использованием средств областного бюджета;
- 9) проводит проверки годовых отчетов об исполнении местных бюджетов, в случаях, установленных действующим законодательством;
- 10) для решения вопросов, запрашивает у органов государственной власти и местного самоуправления, информацию и материалы.

3. Контрольно-Счетный орган на региональном уровне [5, с. 169].

Счетная палата осуществляет следующие полномочия:

- 1) за исполнением областного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда осуществляет контроль;
- 2) проводит внешнюю проверку годового отчета:
  - об исполнении областного бюджета;
  - об исполнении бюджета территориального государственного внебюджетного фонда;
- 3) создание государственных программ;
- 4) подготовка предложений, направленных на совершенствование бюджетного процесса;
- 5) установленные федеральными законами, уставом и законами, иные полномочия в сфере государственного финансового контроля [6, с. 27].

Механизм финансовых отношений, состояние финансовой системы региона, эффективность программ социально-экономического развития, законность деятельности местной власти отслеживается посредством регионального и муниципального контроля [7, с. 86].

Централизованные финансовые ресурсы государства формируются за счет перераспределения части национального дохода и являются доходами бюджета.

На формирование и функционирование финансов оказывает воздействие региональная и муниципальная финансовая система.

Доходы региональных и муниципальных бюджетов формируются из налоговых поступлений, неналоговых доходов и вышестоящих бюджетов.

Региональными налоговыми доходами бюджета являются:

- региональные налоги и сборы;
- отчисления федеральных налогов и сборов, распределенных к зачислению в региональные бюджет, а также с возможностью передачи в муниципальный бюджет;
- неналоговые доходы [8, с. 22].

В федеральном бюджете сосредоточена основная часть налогов. В региональный бюджет из федерального поступают: налог на прибыль, акцизы, за пользования природными ресурсами [5, с. 34].

В соответствии с федеральным законом, устанавливаемые налоги и сборы представительным органом муниципальной власти являются муниципальными налогами и сборами. Согласно НК РФ, к муниципальным налогам относятся земельный налог и налог на имущество физических лиц.

Федеральным законодательством или региональным законом определяются на очередной финансовый год отчисления от регулирующих налогов и сборов, поступающих в муниципальный бюджет.

Выделение средств из бюджета осуществляется:

- на финансирование некоторых государственных полномочий;
- на финансирование реализации федеральных и региональных законов;
- на компенсацию дополнительных расходов;
- поступают в муниципальный бюджет [9, с. 96].

Таким образом, к региональным финансам относятся финансовые операции, осуществляемые на региональном уровне в целях выполнения

Литература:

1. *Очаковский В.А.* Финансовое мегарегулирование в российской федерации / В.А. Очаковский, А.В. Соловьёва, В.А. Бородина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 95. С. 1132–1143.
2. *Архиреева А.С.* Финансовая безопасность и основные направления ее обеспечения / А.С. Архиреева, Б.Ю. Костенко // Эпомен. 2019. № 34. С. 26–32.
3. *Курдюк П.М.* Правовое регулирование взаимодействия органов государственного и муниципального управления / П.М. Курдюк, Н.В. Павлов, В.А. Очаковский. Краснодар, 2019. С. 85.
4. *Курдюк П.М.* К вопросу об использовании диспозитивных начал в финансовом праве. Юридическая наука и практика / П.М. Курдюк, В.А. Очаковский // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4(48). С. 163–166.
5. *Курдюк П.М.* Региональное правотворчество: состояние, проблемы, перспективы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 229.
6. *Курдюк П.М.* Региональное правотворчество. : учеб. пособие / П.М. Курдюк, М.Н. Лаптева; М-во сельского хоз-ва Российской Федерации, Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Кубанский гос. аграрный ун-т. 4-е изд., доп. и перераб. Краснодар, 2007. С. 48.
7. *Архиреева А.С.* Контрольно-надзорная функция государственной власти и роль финансового контроля в ее осуществлении / А.С. Архиреева, П.С. Никитина // В сборнике: Вопросы государства и права. сборник научных статей. Краснодар, 2018. С. 86–89.
8. *Архиреева А.С.* Финансовый контроль органов местного самоуправления / А.С. Архиреева, М.Б. Махош // Эпомен. 2020. № 35. С. 22–27.
9. *Курдюк Г.П.* Региональная правовая политика: особенности понимания / Г.П. Курдюк, А.С. Архиреева // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 96–98.

государственных функций региона. Отношения между федеральными, региональными и местными финансами определяются системой межбюджетных отношений.

Таким образом, основная цель формирования системы управления финансами состоит в необходимости постоянного развития системы управления финансами в целях эффективного финансирования текущей деятельности государства для удовлетворения экономических и социальных потребностей населения. Только с такой точки зрения, система управления финансами будет эффективно развиваться.

Literature:

1. *Ochakovsky V.A.* Financial mega-regulation in the Russian Federation / V.A. Ochakovsky, A.V. Solovyova, V.A. Borodina // Polythematic online electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2014. № 95. P. 1132–1143.
2. *Archireeva A.S.* Financial security and the main directions of its provision / A.S. Archireeva, B.Yu. Kostenko // Epomen. 2019. № 34. P. 26–32.
3. *Kurdyuk P.M.* Legal regulation of interaction between state and municipal authorities / P.M. Kurdyuk, N.V. Pavlov, V.A. Ochakovsky. Krasnodar, 2019. P. 85.
4. *Kurdyuk P.M.* On the use of dispositive principles in financial law. Legal Science and Practice / P.M. Kurdyuk, V.A. Ochakovsky // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4(48). P. 163–166.
5. *Kurdyuk P.M.* Regional lawmaking: status, problems, prospects : abstract of the dis. ... of the cand. of legal sciences. SPb., 1997. P. 229.
6. *Kurdyuk P.M.* Regional lawmaking : manual / P.M. Kurdyuk, M.N. Lapteva; Ministry of Rural Economy of the Russian Federation, Federal State Educational Institution of Higher Education. Prof. education Kuban State Agrarian University. 4th edition, supplemented and revised. Krasnodar, 2007. P. 48.
7. *Arkhireeva A.S.* The control and supervisory function of state power and the role of financial control in its implementation / A.S. Arkhireeva, P.S. Nikitina // In the collection: Questions of state and law. collection of scientific articles. Krasnodar, 2018. P. 86–89.
8. *Arhireeva A.S.* Financial control of local self-government bodies / A.S. Arhireeva, M.B. Makhosh // Epomen. 2020. № 35. P. 22–27.
9. *Kurdyuk G.P.* Regional legal policy: features of understanding / G.P. Kurdyuk, A.S. Arkhireeva // Theory and practice of social development. 2014. № 20. P. 96–98.

Скитёва Елена Ивановна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры
менеджмента и маркетинга,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
императора Александра I
Elenaskiteva@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности стратегического управления персоналом в условиях автоматизации и цифровизации процессов. Автором проанализированы изменения, происходящие на рынке труда, факторы, влияющие на структуру персонала в современных условиях, требуемые компетенции работодателями в будущем, рассмотрены источники их возникновения. Рассмотрен порядок стратегического планирования в области управления персоналом, формирование профиля должности, карты поиска, а также, эффективный инструмент стратегического управления персоналом, а именно внедрение системы OKR (Objectives & Key Results). Разработана схема стратегического управления персоналом для уникальных и универсальных сотрудников.

Ключевые слова: стратегическое управление персоналом, человеческие ресурсы, мотивация, компетенции, система OKR, стратегическое планирование персонала.

Стратегическое управление персоналом подразумевает под собой такое управление персоналом, которое позволит сохранить и улучшить конкурентную позицию компании на длительную перспективу. Одним из элементов стратегического планирования компании является стратегическое планирование в управлении персоналом. В основе стратегического планирования персонала лежит анализ внешней и внутренней среды организации. Анализ внутренней среды включает анализ потенциала, в том числе, человеческих ресурсов.

Исследование внешней среды кроме позиции компании на рынке включает анализ тенденций на рынке товаров и услуг, что позволяет спрогнозировать спрос, уровень инфляции, изменение в технологических цепочках, внедрение инноваций и автоматизации процессов. Прогноз изменений на рынке труда, общей макроэкономической ситуации в мире и оценка факторов влияния позволяет осуществлять планирование на долгосрочную перспективу.

Elena I. Skiteva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
Management and Marketing,
Petersburg State
University of Railways
Emperor Alexander I
Elenaskiteva@gmail.com

STRATEGIC PERSONNEL MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. The article discusses the features of strategic personnel management in the context of automation and digitalization of processes. Changes in the labor market are considered. The factors influencing the structure of personnel in modern conditions are considered. The required competencies by employers in the future are analyzed, the sources of their occurrence are considered. The order of strategic planning in the field of personnel management, the formation of a position profile, search maps are considered. An effective tool of strategic personnel management, namely the implementation of the OKR (Objectives & Key Results) system, is considered. A strategic personnel management scheme has been developed for unique and versatile employees.

Keywords: strategic personnel management, human resources, motivation, competencies, OKR system, strategic personnel planning.

Основные факторы, влияющие на изменение поведения как работодателей, так и соискателей на рынке труда:

- ограничения, связанные с пандемией;
- повышение пенсионного возраста и как следствие увеличение возрастных сотрудников в организациях;
- миграция – приток мигрантов из стран с неблагополучной как экономической, так и политической ситуацией;
- снижение рождаемости;
- внедрение информационных технологий в бизнес – процессы;
- конкуренция в погоне за талантами;
- введение Федерального образовательного стандарта (ФГОС 3) ++, в результате чего

направления подготовки стали узкоспециализированными [1].

Ситуация, связанная с пандемией, а именно, сокращение деятельности, в результате чего организации сократили количество сотрудников. Часть сотрудников перевели на дистанционную работу. Сокращение работников, связанное с пандемией, увеличило количество безработных и увеличило конкуренцию на рынке труда.

Повышение пенсионного возраста сотрудников активизировали механизмы, позволяющие сохранить рабочие места возрастным сотрудникам. Вынужденная миграция изменила структуру рынка труда, что повлияло на систему подбора, отбора, обучения и развития, мотивацию персонала в компаниях. С одной стороны, организации могут нанимать персонал по стоимости ниже, чем в регионе; с другой стороны, организации вынуждены нести дополнительные расходы на адаптацию, обучение персонала. Важным вопросом остается проживание мигрантов.

Тенденции к снижению рождаемости позволяют прогнозировать наличие и структуру рабочей силы в перспективе.

Внедрение цифровых технологий позволяет оптимизировать численность персонала, при этом существенно меняется ее состав. Так, в прогнозах аналитиков Всемирного экономического форума (World Economic Forum) сформулированы компетенции, которыми должен будет в будущем обладать сотрудник.

К таким компетенциям относятся: умение решать сложные задачи, критическое мышление, креативность, управление людьми, навыки координации и взаимодействия, эмоциональный интеллект, скорость принятия решений, клиентоориентированность, умение вести переговоры, когнитивная гибкость [2].

Компетенции, которые будут востребованы в будущем, представлены в таблице 1 [3].

Таблица 1

Компетенции работодателей к соискателям в будущем

Компетенция	Источник возникновения
Умение решать сложные задачи	Свойство интеллекта
Критическое мышление	Способность человека
Креативность	Способность человека
Координация и взаимодействие	Приобретенная способность человека
Эмоциональный интеллект	Врожденная способность человека
Скорость принятия решений	Свойство психики
Клиентоориентированность	Способность человека
Умение вести переговоры	Способность человека
Когнитивная гибкость	Способность человека

Политические, экономические, социальные и технологические факторы требуют изменения подхода к управлению персоналом, ориентированного на стратегические цели компании.

Согласование управления персоналом на долгосрочный период состоит в том, что поставленные перед организацией цели, должны соответствовать направленности деятельности. Миссия, целью которой является указывать на направленность деятельности компании, содержит слоганы, направленные на создание позитивного имиджа, но не отражает вид деятельности компании.

Наиболее рационально формулирование долгосрочных целей компании после анализа результатов исследования внешней и внутренней среды, что позволит оценить реальные возможности компании на рынке и разработать мероприятия по усилению позиций [4]. При анализе внешней и внутренней среды кроме расчета показателей и оценки внешних угроз следует использовать бенчмаркинг [5]. Только после постановки цели и определения стратегии компании можно приступать к анализу рынка труда и кадрового потенциала организации на предмет соответствия стратегическим целям. Так, определив стратегию компании «низких цен» или «без затей», компания ставит цель сокращения расходов и удержания их на минимально возможном уровне при соблюдении соответствия цены и качества товаров

и услуг, приемлемых потребителями. После постановки цели формулируются потребности в персонале и требования к знаниям и навыкам. После определения потребности и требований анализируются возможности доступа к рабочей силе на рынке труда, источники подбора персонала, основные конкуренты на рынке труда.

Требования, предъявляемые к персоналу, отражаются в профиле должности, который содержит основные требования, знания, умения и навыки, а также личностные характеристики, необходимые для выполнения должностных обязанностей. Более сложный профиль должности может дополнительно содержать раздел условия работы, должностные обязанности, компетенции, способы и критерии их оценки. В требования могут быть включены как корпоративные, так и специфические компетенции. Подходами в создании профиля должности являются методический и ситуативный подходы. При низких показателях текучести персонала компаниям нет необходимости создавать профили должности, т.к. основные требования к сотруднику содержатся в должностной инструкции. При высокой текучести кадров компании применяют методический подход, т.к. профиль должности служит основой для формирования критериев поиска сотрудников и содержит единый подход к найму персонала. Профилирование должностей осуществляется тремя способами: разработка специалистами отдела персонала самостоятельно, заказ на разработку

профилей должности компании, специализирующейся на оказании такого рода услугах, и разработка профилей должности при помощи онлайн – решений. Таким решением является Job Profiler. Программа для профилирования должностей в структуре четыре блока компетенций, общее количество которых тридцать шесть. Для создания профиля должности привлекаются специалисты компании, в том числе, непосредственные руководители оцениваемой должности. Создание профиля должности включает процедуру ранжирования карточек по степени важности. Результаты обрабатываются автоматически с формированием готового профиля должности. Анализ результатов по каждому участнику показывает факторы успеха сотрудников. После создания профилей должности создаются карты поиска, которые содержат источники поиска сотрудников, при этом использование «воронки рекрутинга» позволяет выявить наиболее эффективные каналы подбора персонала. Для массового набора персонала используют поисковые системы и платформы. Поисковые системы имеют доступ к сайтам поиска работы.

После заполнения заявки на поиск персонала информационная система осуществляет поиск и оценку размещенных резюме, при этом распознает дублирование, автоматически назначает и проводит интервью с самыми релевантными кандидатами. Результаты интервью формируются в отчет, который передается заказчику. Системы позволяют отслеживать сроки закрытия вакансий. Для поиска более квалифицированного персонала возможно применение технологии поиска через специализированные социальные сети, такие как LinkedIn, где зарегистрированы более пятисот пользователей. Статусы и записи на личных страницах направлены на поиск работодателей. Профиль в таких социальных сетях оформлен в виде резюме. Изменения в подходах в управлении персоналом разрабатывать свою,

уникальную стратегию в управлении персоналом [6].

Внедрение информационных систем позволяет сократить персонал, занимающий позиции рядовых специалистов, понижая их статус до операторов информационных систем. Другой особенностью влияния информационных систем является перевод сотрудников на управление по результатам с постоянным автоматическим мониторингом выполнения целевых показателей.

Так, одним из средств контроля является внедрение в организациях систему OKR (Objectives & Key Results), что представляет собой иерархию целей. Цели на верхнем уровне располагаются цели всей организации или общие цели, которые определяют цели отдельного подразделения, а те определяют цели отдельного сотрудника. Все цели имеют измеримые результаты и сроки выполнения. Рекомендуемое количество таких целей не более пяти. Основное отличие OKR от KPI (Key performance indicators) заключается в том, что показатели OKR не привязаны к системеощрения сотрудника. Особенностью системы OKR является то, что она позволяет в режиме реального времени контролировать выполнение установленных показателей с учетом их срочности.

Используемый в системе OKR принцип наглядности позволяет использовать систему как метод мотивации, при этом фонд оплаты труда не зависит от результатов выполнения показателей. Сосредоточившись на наглядности, создается система самоконтроля с мгновенной обратной связью, автоматизированной с помощью программных средств.

Изменение в предпочтениях работодателей с учетом автоматизации и роботизации процессов представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Стратегия управления персоналом

Основными источниками обеспечения рабочей силой компаний являются уже работающие сотрудники и соискатели на рынке труда. Появление новых технологий, автоматизация процессов приводит к необходимости сокращения персонала. При этом изменяются функции сотрудников, требующие новых компетенций, таких как когнитивная гибкость, креативность, взаимодействие, скорость принятия решений. Большинство из требуемых компетенций относятся к способностям человека, только координация и взаимодействие является приобретенной способностью. Проверка компетенций у работающих сотрудников возможна, но требует подготовки, т.к. может являться демотивацией и фактором, провоцирующим включение микрополитических процессов в организации. При выявлении отсутствия требуемых компетенций и способностей у работающих сотрудников обучение таких сотрудников неэффективно, т.к. организация не получит ожидаемый результат. Проще всего обстоит ситуация с набором персонала на рынке труда. Осуществление отбора персонала по компетенциям дает возможность принять на работу сотрудников с уже с развитыми желаемыми способностями. Основная задача работодателей: при создании стратегии оценить имеющийся потенциал сотрудников и разработать мероприятия по формированию, использованию желаемых компетенций [7]. При этом следует создать программу социальной поддержки сотрудников, чьи компетенции не соответствуют стратегии организации.

Стратегия управления персоналом включает в себя разработку стратегии набора, отбора, мотивации, обучения и развития персонала. Предложенные на рисунке 1 элементы формирования стратегии управления персоналом, представляют собой различный подход к категории персонала, если автоматизация и цифровизация процессов требует плоской организационной структуры и как следствие работник становится универсальным по выполняемым функциям. Универсальный работник должен работать по заранее определенным алгоритмам и наиболее эффективным стилем управления будет автократический. Такие сотрудники быстро адаптируются к ситуации, менее амбициозны и как правило ориентируются на

Литература:

1. *Скитёва Е.И.* Проблемы управления персоналом в современных условиях / Е.И. Скитёва // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11. С. 164–167.
2. *Скитёва Е.И.* Влияние рынка труда на кадровый потенциал организации / Е.И. Скитёва // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11. С. 313–317.
3. *Скитёва Е.И.* Управление кадровым потенциалом организации / Е.И. Скитёва // Инновации и инвестиции. 2020. № 10. С. 90–93.
4. *Яхонтова Е.С.* Стратегическое управление персоналом : учеб. пособие. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 384 с.

материальное и нематериальное вознаграждение. Обучение универсальных сотрудников следует осуществлять на рабочем месте, либо в организациях, специализирующихся на функциональном обучении. Основная цель обучения – поддержание знаний и навыков на приемлемом уровне. Наилучшим способом удержания таких сотрудников служит горизонтальная карьера.

Включение в стратегию компании развитие по инновационному пути подразумевает привлечение уникальных сотрудников, обладающих развитыми способностями до уровня таланта. Организации планируют достичь конкурентного преимущества с помощью инновационных товаров, услуг и подходов в управлении бизнес-процессами. Для сотрудников с компетенциями креативность наиболее подходящим является демократичный тип лидерства, который обеспечивает творческий подход в деятельности. Соискатели со способностью к креативности испытывают потребность в самореализации и зачастую являются оригиналами, не умеющими и нежелающими работать в системе оценки, контроля и жесткого администрирования. Мотивацией для таких сотрудников является повышение мастерства через углубление в деятельность, изучение передового опыта. Основной интерес в развитии является профессиональная карьера.

Исходя из вышеизложенного, организациям следует постоянно мониторить ситуацию на рынке труда, следить за кадровым потенциалом организации, формировать профили должности. Следует осуществлять контроль за подбором и отбором персонала, следить за применяемыми технологиями.

Таким образом, стратегия управления персоналом должна быть разработана с учетом требуемых компетенций для решения, поставленных задач перед организацией. При невозможности обновления коллектива при разработке стратегии следует ставить более долгосрочные цели в управлении персоналом. Методы подбора, отбора, мотивации, обучения и развития персонала следует совершенствовать исходя из долгосрочного планирования стратегической цели.

Literature:

1. *Skiteva E.I.* Problems of personnel management in modern conditions / E.I. Skiteva // Humanitarian, socio-economic and social Sciences. 2021. № 11. P. 164–167.
2. *Skiteva E.I.* The Influence of the labor market for the human resource capacity of the organization // E.I. Skiteva // Humanitarian, socio-economic and social Sciences, 2020. № 11. P. 313–317.
3. *Skiteva E.I.* personnel Management of the organization // E.I. Skiteva // Innovation and investment 2020. № 10. P. 90–93.
4. *Yakhontova E.S.* Strategic personnel management : manual. M. : Publishing house «Delo» Ranks, 2013. 384 с.

5. *Вдовина О.А.* Стратегия кадрового менеджмента : учеб. пособие / О.А. Вдовина, С.Д. Резник, О.А. Сазыкина; Под общ. ред. проф. С.Д. Резника. М. : ИНФРА-М, 2018. 167 с.

6. *Скитёва Е.И.* Влияние кадрового потенциала компании на стратегическое управление персоналом / Е.И. Скитёва // *Инновации и инвестиции*. 2019. № 11. С. 431–435.

7. *Гончаров А.И.* Особенности управления персоналом в условиях информационно-коммуникационного пространства / А.И. Гончаров; Под ред. Л.А. Кравченко // *Информационное общество: актуальные проблемы современности: Сб. трудов II Национальной научно-практической конференции (14 ноября 2019)*. СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. С. 352–358.

5. *Vdovina O.A.* Personnel management strategy : manual / O.A. Vdovina, S.D. Reznik, O.A. Sazykina; Ed. by professor S.D. Reznik. M. : INFRA-M, 2018. 167 p.

6. *Skiteva E.I.* The influence of the company's human resources potential on strategic personnel management / E.I. Skiteva // *Innovations and investments*. 2019. № 11. P. 431–435.

7. *Goncharov A.I.* Features of personnel management in the conditions of information and communication space / A.I. Goncharov; Ed. by L.A. Kravchenko // *Information Society: actual problems of modernity: Proceedings of the II National Scientific and Practical Conference (November 14, 2019)*. SPb. : FSBEI VO PGUPS, 2019. P. 352–358.

Хабибов Абдурахмон Хакимбоевич
кандидат экономических наук,
Технологический университет
Таджикистана
habibov@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация. В статье приведены понятия термина «инновация и инновационный процесс» и рассматриваются основные направления развития отраслей пищевой промышленности РТ в современных условиях рыночной экономики. Анализируется взаимосвязь инновационных процессов со всеми аспектами государственной и региональной экономической политики, направленной на интенсивные источники экономического роста, развитие национальной экономики за счет расширения инновационных процессов с необходимыми инвестиционными ресурсами. Также, рассмотрены проблемы обеспечения продовольственной безопасности на основе инновационно-технологического развития пищевой промышленности. Предложены ряд инновационных разработок для развития отрасли.

Ключевые слова: инновация, инновационный процесс, инновационно-технологическое развитие, продовольственная безопасность, пищевая промышленность.

В настоящее время к наиболее актуальным задачам национальной экономики относится обеспечение продовольственной безопасности Республики Таджикистан, так как значительный объем завоза и потребления импортной продукции и несовершенство механизмов антимонопольного регулирования на продовольственном рынке региона выступают главной причиной продолжающегося кризиса в пищевой промышленности и привели к значительному замедлению темпов отечественного выпуска продуктов питания. Задачу обеспечения населения страны в основных видах продуктов питания местного производства можно решить на основе высокоэффективной деятельности пищевой промышленности. Для этого требуются новые материальные и финансовые ресурсы, позволяющие обеспечить эффективное инновационное развитие отрасли.

Для успешной работы в условиях рынка следует раскрыть особенности реализации эффективной инновационной деятельности экономики страны. Многие компании достигают повышения эффективности хозяйственной деятельности посредством перераспределения активов и сокращения

Abdurahmon H. Habibov
Candidate of Economic Sciences,
University of Technology
Tajikistan
habibov@bk.ru

SOME ASPECTS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE FOOD INDUSTRY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Annotation. The article presents the concepts of the term innovation and innovation process and considers the main directions of development of the food industry in the Republic of Tajikistan in the modern conditions of a market economy. The interrelation of innovation processes with all aspects of state and regional economic policy aimed at intensive sources of economic growth, development of the national economy through the expansion of innovation processes with the necessary investment resources is analyzed. The problems of ensuring food security on the basis of innovative and technological development of the food industry are also considered. Proposed some innovative projects for branch development.

Keywords: innovation, innovational process, innovational-technological development, food security, food industry.

издержек, но, в скором времени, они столкнутся или уже столкнулись с проблемой разработки нововведений.

Одним их важных факторов по устойчивому развитию экономики является разработка и приведение в действие эффективной инновационной политики, ставящих главной целью внедрение новых технологий, изобретений, форм управления производством и организацией труда, которые основаны на достижениях научно-технического прогресса.

Как показал анализ различных источников, существуют разные подходы к формулировке категории инновации. В частности, под инновацией понимаются новые комбинации [2], плод усилий незаурядной личности, изменение рутины, новый дизайн, процесс, подход, методика [3], процесс реализации идей и изобретений [4; 5], коммерциализация новой идеи [6], особое средство предпринимателей, конечный результат инновационной деятельности [7], качественные изменения в производстве.

Таким образом, под инновациями можно понимать качественные изменения в технике и технологии производства, в формах организации и управления производства, что обеспечивает качественно новый уровень в развитии производительных сил, повышении рентабельности производства.

Анализ современных воспроизводственных тенденций в условиях развития экономики дает основание установить взаимосвязь научно-технического прогресса с понятием инновационного процесса, охватывающим весь комплекс отношений производства, обмена, потребления и распределения, и объединяющим науку, технику и экономику [8]. Проявляется взаимосвязь инновационных процессов со всеми аспектами государственной и региональной экономической политики, направленной на интенсивные источники экономического роста, на развитие национальной экономики за счет расширения инновационных процессов с необходимыми инвестиционными ресурсами. Инвестиции должны быть достаточными как на поддержку производства, так и на формирование его наиболее рациональной технологической структуры, обеспечивающей и создающей условия повышения эффективности национальной экономики и экономики ее регионов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что инновационный процесс является эффективным инструментом развития национальной экономики.

Инновационный процесс по сравнению с другими элементами научно-технического прогресса в большей степени связан с рыночными отношениями. Значительная часть инноваций и новой технологии реализуется в бизнес-структурах как способ решения производственных и коммерческих проблем. Следовательно, инновации направлены на рынок, на конечного потребителя и потребность. Однако надо учесть, что особенностью инновации и новой технологии как продукта является ее зависимость от высокой доли неопределенности при достижении научно-технического результата, временного лага между затратами и результирующим эффектом, особого подхода к финансированию и неопределенности спроса.

Основой инновационного пути развития экономики является научно-техническая политика, выступающая в качестве одной из основных составляющих социально-экономической политики, для воплощения которой необходимо непрерывное осуществление инновационной деятельности.

В Законе Республики Таджикистан «Об инновационной деятельности» этот термин определяется как «деятельность, связанная с разработкой и внедрением инновации (результатов научных исследований, разработок, опытно-конструкторских работ либо иных научно-технических достижений) и направленная на доведение ее до реализации в виде нового товара, услуги, способа производства (технологий, ноу-хау) или иного общественно полезного результата» [9]. Данное определение ограничивается разработкой и внедрением инноваций. Однако, на наш взгляд, данное

понятие должно охватывать все сферы новаторской деятельности человека.

Развитие инновационной деятельности тесно связано с развитием науки и техники, и это обусловлено объективным обстоятельством, поскольку в условиях физической и экономической ограниченности ресурсов рост экономики зависит не столько от количественных характеристик развития науки и техники, сколько от скорости и качества реализации результатов научной деятельности в новые технические и технологические формы, которые впоследствии должны превращаться в новые продукты и технологии. В этих условиях стимулирование инновационной деятельности является важнейшим направлением научно-технической политики.

Вместе с тем, существует ряд факторов, которые влияют на инновационную деятельность в пищевой промышленности (рис. 1.).

В условиях переходной экономики, развитие экономики страны зависит от активизации инновационной деятельности, требующей существенных вложений. Получается замкнутый круг, то есть, без инноваций не представляется возможным преодоление инфляции, экономического спада, а для инноваций требуются капитальные вложения.

При ограниченности государственных ресурсов возможен выход на основе обоснованного межотраслевого маневрирования ресурсами и вложение их в производства с высокотехнологическим уровнем развития. В этой связи, назрела необходимость разработки системы первоочередных мер по повышению инновационной деятельности товаропроизводителей и их поддержке государством. Инновационные проекты необходимо отбирать с учетом их эффективности и значимости с различных позиций.

Постоянное обновление техники и технологии производства является основой стабильной работы товаропроизводителей, а инновации выступают определяющим фактором научно-технического прогресса и, следовательно, экономического развития.

Издержки переходного периода и рыночных реформ, усугубляемые кризисными процессами, оказали негативное влияние на состояние инновационной деятельности экономики, где современная ситуация характеризуется пониженной восприимчивостью освоения на хозяйственной практике новых технологий, современного оборудования, материалов и других достижений. Причиной такой ситуации являются: недостаточное финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), низкий уровень инновационной активности производителей, их незавидное финансовое положение, практическое полное отсутствие спроса на научно-техническую продукцию частным сектором экономики, что привело к свертыванию НИОКР, понижению научно-технического потенциала, а также, к снижению изобретательской и рационализаторской деятельности в реальном секторе экономики.

Рисунок 1 – Основные факторы развития иновационной деятельности

Среди причин, тормозящих иновационную активность, можно также выделить фактический уход государства из сферы деятельности, связанной с разработкой и внедрением иноваций, из-за хронического дефицита бюджета и недостатка средств для инвестирования иновационных разработок, недоступность для товаропроизводителей финансовых ресурсов на рынке из-за «дороговизны», высокие риски финансирования иновационных проектов и др.

Необходимо обеспечить государственную систему регулирования иновационной деятельности экономики, которая включает такие экономические механизмы, как планирование и прогнозирование научно-технического прогресса, дифференцированное налогообложение, гибкую амортизационную систему, индикативное планирование и др., исключающие рост негативных тенденций.

В настоящее время современные технологии доступны только весьма небольшому кругу компаний, у которых имеется достаточный капитал, которые занимают прочную позицию на внутреннем и внешнем рынках, влияют на конъюнктуру рынка.

Переход к экономическим методам централизованного регулирования научно-технического прогресса подразумевает возрастание роли государственных органов власти в выборе стратегических направлений научно-технических разработок, иновационной деятельности производителей в основном посредством финансово-кредитной и ценовой политики.

Экономическая среда, привлекающая всех участников иновационной деятельности в создание и использование новшеств, в настоящее время образуется при рациональной обеспеченности

всеми видами ресурсов, а также на основе государственной иновационной политики, основными направлениями поддержки которой являются [10]:

- поддержка активизации иновационной деятельности, обеспечивающей повышение конкурентоспособности отечественной продукции на основе использования научно-технических результатов и обновления производства;
- сочетание государственного регулирования с функционированием рыночного механизма в условиях конкуренции, защитой интеллектуальной собственности;
- всемерная поддержка базисных отраслей, обеспечивающих улучшение иновационной деятельности;
- защита интересов иновационного предпринимательства, поддержка развития иновационной деятельности в регионах.

Стоит отметить, что наш рынок представляется интересным для иностранных инвесторов в силу следующих достоинств: благоприятный климат, позволяющий в аграрном секторе получать несколько урожаев за сезон; относительно дешевая рабочая сила; высокий уровень износа основных фондов, повышающий актуальность их обновления.

В настоящее время в пищевой промышленности страны наблюдается определенное количество современных конкурентоспособных научно-технических предложений. Невостребованность этих предложений объясняется недостаточной информированностью и отсутствием интереса товаропроизводителей в изменении отлаженного

выпуска продуктов, нехваткой инвестиций для освоения инновационных проектов. А руководители вновь строящихся организаций предпочитают установку импортного оборудования и технологии применению современных ресурсосберегающих инновационных технологий.

Естественно, что в развитии инновационных процессов имеют заинтересованность, особенно в плане реализации, разработчик научно-технического продукта и товаропроизводитель. В современных условиях перехода к рыночной экономике взаимоотношения между ними должны быть взаимовыгодными на основе заинтересованности

Литература:

1. Султанов З.С. Эффективность инновационно-технологического развития регионального пищевого подкомплекса : монография / З.С. Султанов, А.Х. Хабибов. Душанбе : РТСУ, 2019. 174 с.
2. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982. 456 с.
3. Портер М.Э. Конкуренция / М.Э. Портер; Пер. с англ. М. : Издательский дом «Вильямс», 2003. 674 с.
4. Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М. : Прогресс, 1990. 291 с.
5. Твисс Б. Управление нововведениями. М. : Экономика, 2009. 272 с.
6. Морозов Ю.П. Инновационный менеджмент. М. : Юнити-Дана, 2008. 274 с.
7. Комилов С.Дж. Основы развития инновационной деятельности предприятий / С.Дж. Комилов, М.К. Файзуллоев. Душанбе : Ирфон, 2004. 118 с.
8. Пименов С.В. Инновационное обеспечение развития предприятий пищевой промышленности. СПб., 2012. 371 с.
9. Закон Республики Таджикистан «Об инновационной деятельности». Душанбе, 2012 года. № 822.
10. Назаров Х.С. Государственное регулирование инновационного развития сельского хозяйства Республики Таджикистан. Душанбе : ТАСХН, 2010. 160 с.

разработчика новшества в продаже своей научной продукции, а товаропроизводитель – в применении и получении экономической прибыли.

Таким образом, инновации представляют собой качественные изменения в производстве, которые относятся к технике, технологии, формам организации производства и управления. Они призваны обеспечивать качественно новый уровень в развитии производительных сил, повышении эффективности производства и решить задачу удовлетворения потребности населения страны преимущественно за счет отечественного производства.

Literature:

1. Sultanov Z.S. The effectiveness of innovative and technological development of the regional food sub-complex : monograph / Z.S. Sultanov, A.H. Habibov. Dushanbe : RTSU, 2019. 174p.
2. Schumpeter J.A. The theory of economic development. M. : Progress, 1982. 456 p.
3. Porter M.E. Competitive / M.E. Porter; Transl. from English. M. : Publishing house «Williams», 2003. 674 p.
4. Santo B. Innovation as a means of economic development. M. : Progress, 1990. 291 p.
5. Twiss B. Innovation Management. M. : Economics, 2009. 272 p.
6. Morozov Y.P. Innovation management. M. : Unity-Dana, 2008. 274 p.
7. Komilov S.J. Fundamentals of the development of innovative activities of enterprises / S.J. Komilov, M.K. Faizulloev. Dushanbe : Irfon, 2004. 118 p.
8. Pimenov S.V. Innovative support for the development of food industry enterprises. SPb, 2012. 371 p.
9. Law of the Republic of Tajikistan «On innovative activities». Dushanbe, 2012. № 822.
10. Nazarov Kh.S. State regulation of innovative development of agriculture in the Republic of Tajikistan. Dushanbe : TASKhN, 2010. 160 p.

Щербакова Екатерина Павловна

кандидат экономических наук,
доцент,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
kosh_ka@bk.ru

Ekaterina P. Shcherbakova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Rostov State University of Economics (RINH)
kosh_ka@bk.ru

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
БУХГАЛТЕРСКОГО КОМПЛАЕНСА
НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИЙ
САМОКОНТРОЛЯ**

**THE PROBLEMS OF IMPROVING
ACCOUNTING COMPLIANCE BASED
ON SELF-CONTROL TECHNOLOGIES**

Аннотация. На сегодняшний момент при формировании отчетности в большинстве коммерческих организаций, как сами ее составители, так и в последующем, пользователи этой отчетности, не всегда бывают уверены в безошибочности тех показателей, которые представлены в этой отчетности. Кроме того, также и контролирующие бухгалтерскую отчетность органы, не всегда могут быть уверены в том, что по отдельным показателям отчетности у них может быть сформировано правильное суждение, которое бы не противоречило действующему на момент проверки законодательству. Таким образом, вопрос осуществления комплаенса бухгалтерской отчетности на основе технологии самоконтроля, является весьма актуальным.

Ключевые слова: бухгалтерская отчетность; комплаенс; искажение отчетности; достоверность отчетности; самоконтроль; внутренний контроль; контрольные процедуры; комплаенс-контроль.

Annotation. To date, when generating reports in most commercial organizations, both its compilers and subsequently users of these reports are not always sure of the accuracy of the indicators presented in these reports. In addition, there is a violation of the current legislation, which does not contradict the current legislation. Thus, the issue of compliance with financial statements based on self-control technology is very relevant.

Keywords: financial statements; compliance; distortion of reporting; reliability of reporting; self-control; internal control; control procedures; compliance control.

В настоящее время компании в свое текущей деятельности все чаще начали сталкиваться с таким негативным явлением, как искажение показателей бухгалтерской отчетности в условиях неоднозначности. При этом существуют умышленные и неумышленные искажения. В первом случае, добиться предотвращения можно с помощью применения контрольных мероприятий. Во втором случае, когда речь уже идет о профессиональной деформации, возможно применение такого метода, как бухгалтерский комплаенс.

Бухгалтерский комплаенс, применяющийся в рамках коммерческих организаций, прежде всего, решает проблему надежности информации в учете и бухгалтерской отчетности, а также, вопросы частного характера и с учетом специфики конкретной компании, касающиеся именно достоверности данных бухгалтерской отчетности, а также, правомерности, законности совершаемых в текущем процессе деятельности операций.

По существу, комплаенс в бухгалтерском учете необходимо рассматривать как составляющую обобщенной системы внутреннего контроля

[2, с. 53]. Потребность в проведении мероприятий внутреннего контроля закреплена, как на законодательном уровне, так и с точки зрения логики в развитии любой бизнес-единицы. При увеличении объемов деятельности коммерческой организации возникает, как правило, и увеличение объемов операций. Таким образом, потребность в дополнительном контроле также показывает рост.

В данных условиях, ключевое значение обретает такой вопрос, как правильность в процессе формирования такого бухгалтерского комплаенса, чтобы можно было бы наблюдать всеобъемлющий контроль с помощью соответствующих мероприятий, направленных на все участки распространения самого комплаенс-контроля. Поэтому необходимы эффективные решения, которые смогут обеспечить реализацию на практике бухгалтерского комплаенса. Примером такого решения может стать использование технологий самостоятельного контроля и диагностики корректности, правомерности и законности при соблюдении внешних и внутренних требований нормативной базы на уровне ключевых подразделений коммерческой организации, что поспособствует

снижению возможности искажения бухгалтерской отчетности.

Однако следует учитывать ограничения бухгалтерского комплаенса, связанные с общим объемом, планируемых к проведению контрольных мероприятий, и не позволяющие организовывать их регулярное проведение на соответствующем уровне каждого подразделения, в котором образуется значимая учетная информация. Поэтому решением такой проблемы может служить использование в коммерческих организациях технологий самоконтроля и самотестирования. Для этого необходимо определить и классифицировать основные процедуры контроля и внутренние тесты самостоятельного контроля. Также, должны быть обозначены определенные элементы такого самостоятельного контроля: тип или вид подконтрольной деятельности или процесса; порядок и регулярность осуществления самостоятельного контроля и возможные способы по документированию полученных результатов.

Самотестирование в зависимости от величины самой организации и объемов производства может проводиться с различной регулярностью: ежедневно, ежемесячно, ежеквартально. При такой регулярности в проведении самооценки, во-первых, можно судить о существовании базы для осуществления постоянного наблюдения за процессом формирования и представления бухгалтерской (финансовой) отчетности. Также, проведение самооценки может выступать, своего рода, дополнительной формой внутреннего контроля на предприятии. Таким образом, в целом, повышается степень полноты реализации принципа системности и полноты контроля за искажениями.

Следует также отдельно отметить диссертационное исследование М.В. Михеева, в рамках которого им был разработан фрагмент оценки риска несоблюдения требований внутренних и внешних

нормативных актов при совершении хозяйственных операций в рамках внедрения системы бухгалтерского комплаенса в строительной организации. Спецификой этого контрольного регистра является обеспечение контроля и оценки влияния на показатели бухгалтерской (финансовой) отчетности санкций, ущерба и штрафов по договорам строительного подряда [1, с. 108].

Обращая внимание на то, что реализация процедур самоконтроля требует их соответствующего документального оформления, описание контрольной процедуры должно содержать цели такого контроля; последовательность действий; периодичность проведения контроля; назначение ответственных лиц; документирование фактов осуществления контроля (например, лист согласований) [3, с. 203].

В заключение хотелось бы отметить, что интеграция комплекса, состоящего из всех необходимых документов, составляющих методическую базу для осуществления самоконтроля в рамках коммерческой организации, составляет основу для внедрения комплаенса, в целом. Тем самым, представляется возможность обеспечить должный уровень достоверности бухгалтерской отчетности на предприятии. Особенностью применения в компании на базе системы комплаенса метода самоконтроля служит осуществление его с учетом принципа синтеза бизнес-процессов и внутренних процессов, протекающих при обычной подготовке данных учета.

В целом же, самоконтроль при осуществлении комплаенса предполагает применение соответствующих контрольных действий и реализуется на базе распределения ответственности и самостоятельного мониторинга их выполнения, что, по нашему мнению, позволит избежать каких-либо возможных вариантов искажения бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Литература:

1. *Михеев М.В.* Выявление и предупреждение искажений в бухгалтерской (финансовой) отчетности строительных организаций : дис. канд. экон. наук: 08.00.12 / Михеев Максим Вячеславович; Рос. эконом. ун-т имени Г.В. Плеханова. М., 2015. 203 с.
2. *Терехова А.Г.* Трансформация комплаенса и риск-менеджмента в системе внутреннего контроля / А.Г. Терехова // Внутренний контроль в кредитной организации. 2011. № 1. С. 50–67.
3. *Филипьев Д.Ю.* Организационные аспекты формирования системы внутреннего контроля / Д.Ю. Филипьев // Аудит и финансовый анализ. 2010. № 4. С. 201–205.

Literature:

1. *Mikheev M.V.* Identification and prevention of distortions in the accounting (financial) statements of construction organizations : dis. of the cand. of economic sciences: 08.00.12 / Mikheev Maxim Vyacheslavovich; Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov. M., 2015. 203 p.
2. *Terekhova A.G.* Transformation of compliance and risk management in the internal control system / A.G. Terekhova // Internal control in a credit institution. 2011. № 1. P. 50–67.
3. *Filipyev D.Yu.* Organizational aspects of the formation of the internal control system / D.Yu. Filipyev // Audit and financial analysis. 2010. № 4. P. 201–205.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.12.2021
Подписано в печать 24.12.2021
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 8,5
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 81

e-mail: id.yug2016@gmail.com